

Автобиография

Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture

Director

Ulisse Spinnato Vega

Editors

Claudia Criveller (University of Padua)

Andrea Gullotta (University of Glasgow)

Advisory Board

Marina Balina (Illinois Wesleyan University)

Rodolphe Baudin (Paris-Sorbonne University)

Catherine Depretto (Paris-Sorbonne University)

Evgeny Dobrenko (University of Sheffield)

Lazar Fleishman (Stanford University)

Stefano Garzonio (University of Pisa)

Elena Grechanaia (University of Orléans)

Olga Hasty (Princeton University)

Oleg Kling (Lomonosov Moscow State University)

Oleg Korostelev (A. Solzhenitsyn Foundation 'Dom Russkogo Zarubezh'ia', Moscow)

Ilya Kukulín (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Yuri Mann (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Daniela Rizzi (Ca' Foscari University of Venice)

Stephanie Sandler (Harvard University)

Leona Toker (The Hebrew University of Jerusalem)

Yury Zaretskiy (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Editorial Board

Stefano Aloe (University of Verona)

Roberta De Giorgi (University of Udine)

Anton Demin (Institute of Russian Literature 'Pushkin House', Saint Petersburg)

Patrizia Deotto (University of Trieste)

Connor Doak (University of Bristol)

Simone Guagnelli (University of Bari)

Aleksey Kholikov (Lomonosov Moscow State University)

Tatiana Kuzovkina (University of Tallinn)
Francesca Lazzarin (National Research University – Higher School of
Economics, Moscow)
Emilia Magnanini (Ca' Foscari University of Venice)
Bartosz Osiewicz (Adam Mickiewicz University, Poznań)
Ekaterina Paderina (Maxim Gorky Literature Institute, Moscow)
Natalia Rodigina (Novosibirsk State Pedagogical University, UrO RAN)
Tatiana Saburova (National Research University – Higher School of
Economics, Moscow)
Alexandra Smith (University of Edinburgh)
Raffaella Vassena (State University of Milan)

Editorial Secretary

Anita Frison (University of Padua)
Chiara Rampazzo (University of Padua)

Social Media Officer

Daniele Artoni (University of Verona)

Website: www.avtobiografija.com

Contact: info@avtobiografija.com

Facebook page: <https://www.facebook.com/Avtobiografi%Do%AF-1492404737730803/?fref=ts>

© 2018 AvtobiografiЯ

Design and Layout: Adriano Pavan, Samuele Saorin

Cover: Filippo Comuzzi

ISSN: 2281-6992

Registrazione del Tribunale di Padova 23-04-2013, n. 2326 Registro della
Stampa, Variazione: Tribunale di Padova 27-10-2014, n. 3197 Registro
della Stampa.

AvtobiografiЯ

*Letter Writing during the Silver Age as a Source
for Unknown and Forgotten Names*

n. 7/2018

AvtobiografiЯ

2018, Number 7

*Letter Writing during the Silver Age as a Source for Unknown and
Forgotten Names*

Table of contents

Introduction

Claudia Criveller, Andrea Gullotta 5

Papers: Special Section

“Неуломимо светлая личность”: Воспоминание о детстве в
письмах Эллиса к Николаю Зарецкому
Федор Поляков 11

Эротические жесты в эпистолярном дискурсе (на материа-
ле переписки А.А. Блока с Л.Д. Менделеевой-Блок)
Светлана Федотова 31

“На предложенный Вами (...) вопрос я отвечаю еще раз -
нет”: Переписка В. Ф. Коммисаржевской с С. С. Тетищевым
Анна Сергеева-Клятис 51

К истории крымских ‘литературных гнезд’ начала XX века:
письма В. Л. Комаровича к М.А. Волошину
Ольга Богданова 63

Вечные темы, вечные вопросы и вечные образы в переписке
композитора Владимира Ребикова и философа Александра
Горского
Анастасия Гачева 73

Миф моей жизни: письмо Якова Голосовкера Андрею Бе-
лому
Дмитрий Торшилов 135

Автобиографический нарратив в письмах Веры Станевич к
Андрею Белому
Елена Глухова 147

Papers

Autobiography of a 'Living Plagiary': Vasilii Rozanov's Secret
Dostoevskian Genealogy
Irina Erman 171

Materials and Discussions

Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по ма-
териалам ОПИ ГИМ)
Александр Ивинский 193

Reviews

A. Pristavkin, *Inseparabili. Due gemelli nel Caucaso*, trad. di P.
Deotto, Milano, Guerini e Associati, 2018.
Giulia De Florio 251

M. Venditti, *Il volo sospeso di Gajto Gazdanov. Vita e opere di
uno scrittore russo emigrato Parigi*, Mimesis, Milano – Udine,
2018.
Donatella Di Leo 259

Автобиография на фоне истории
И. Юров, *История моей жизни*, Редактор Антон Голицын,
Издательский дом «Рыбинск», Рыбинск, 2017.
Татьяна Кузовкина 265

Н.Н. Козаков, *Дневник. 1962*, Глущенкоиздат, Москва, 2016.
Ярослав Голубинов 271

Андрусь Горват, *Радзіва “Прудок”: дзеннік*, выд.Медысонт,
Мінск, 2018.
Aliaksandr Rasparou 277

Л. Фризман, В кругах литературоведов: Мемуарные очерки.
– 2-е изд., испр. и доп., Нестор-История, Москва; Санкт-
Петербург, 2017
Бартош Осевич 279

K. Hignett, M. Ilic, D. Leinarte and C. Snitar, *Women's Experi-
ences of Repression in The Soviet Union and Eastern Europe*,
Routledge, London, 2018
Margarita Vaysman 285

Authors

*Letter Writing during the Silver Age as a Source for Unknown and
Forgotten Names*



© Lisa Gaye Crawshaw

Claudia Criveller, Andrea Gullotta

Introduction

The seventh issue of «AvtobiografiЯ» is devoted to the genre of private correspondence. The project led by the editor of this issue's special section, Elena Glukhova, focuses on the Russian Silver Age, an era marked by an intense drive for extremely original literary experiments on many auto—biographical genres which were going to leave a trace in the future development of XX century Russian literature. Scholarly literature on the correspondence of individual authors are numerous, however within the field of Russian Life Writing the genre of private correspondence seems to have not been studied thoroughly enough¹. Under that point of view, the present issue of our journal of-

¹ Of pivotal importance is the special issue of the «La Revue Russe», 2009, XXXII, entitled *L'épistolaire en Russie* and edited by Rodolphe Baudin, which is a collection of studies devoted to epistolary exchanges of different epochs. They show their authors' most intimate dimension, the world that they create with their correspondents and also the historical and social contexts in which they are set. Another outstanding aspect is the attention devoted on theoretical aspects related to the practice of letter writing.

fers an important contribution to the field by focusing on some specific lines of research.

A first line is that which sees private letters as biographical and critical sources. Anna Sergeeva—Kliatis, who has recently authored a monograph on the star of early XX century Russian theatre Vera Kommisarzhenskaia (Sergeeva—Kliatis 2018), proposes an unpublished fragment of a 1894 letter sent by her to the diplomat and philanthropist Sergei Tatishchev and puts it within the context of their wider private correspondence. This allows her to reconstruct their relationship, revealing new biographical facts on Kommisarzhenskaia and studying her complex personal dynamics with Tatishchev against the backdrop of her artistic career.

In her long piece, Anastasia Gacheva publishes some hitherto unpublished letters by the father of Russian modernist music Vladimir Rebikov and of the philosopher, literary critic and poet Aleksandr Gorskii, which were written in the mid—1910s. Gacheva analyses their epistolary exchange in depth, showing Rebikov's efforts in explaining the

meaning of his own music to the young Gorskii, for whom the letters were interpretative instruments. The author explains in full details the cultural context in which this correspondence was held — the private letter was used by intellectuals in the first few decades of XX century as a source for critical reflection, an interpretative scheme, a means for the analysis of one's own biography. This last aspect is outlined by Elena Glukhova in her article, in which she refers to the “epistolary laboratory as an epistolary genre”. The Rebikov—Gorskii correspondence is particularly noteworthy, as it allows to show how deep the personal and creative relationships between them and other intellectuals and artists of the period were. Such relationships were indeed derived from the authors' own artistic activity — a peculiar trait of the Silver Age, an epoch in which art and life were intertwined.

Elena Glukhova's article, which follows this line of research, revolves around gender issues in female correspondence² by focussing on the letters exchange

² Apart from the works devoted to the French authors of Russian-language diaries by Catherine Viollet and Elena Grechanaia (see K. V'olle, E. Grechanaia 2006; Gretchanaia, C. Viollet, 2008) of main importance is 2010.

between the young poet and anthroposophist Vera Stanevich and Andrei Bely. Through their letters it is possible to observe how their relationship developed and, above all, how Stanevich was formed spiritually, philosophically and artistically. The young female poet thus follows a model which belonged to the so called 'shestidesiatniki'. Another line of research is that which sees private letters as a means to interpret critical and poetical works. Ol'ga Bogdanova publishes for the first time two letters and a postcard written in 1918—1919 by the Dostoevsky critic Vasilii Komarovich to the poet Maksimilian Voloshin — the letters focus on the idea of the cultural *locus* of Koktebel', where Voloshin had a house which often hosted Russian intellectuals and writers who transformed the small village into a flourishing cultural centre. Again, the correspondence allows to unveil new biographical facts which are crucial to the understanding of the creative and theoretical works of the people involved.

Dmitrii Torshilov's article focuses on an unpublished letter sent by the Ukrainian philosopher and philologist Iakov Golosovker to Andrei Bely in 1921, at the time when they were both members of the Vol'fila. The let-

ter exchange allows Torshilov to identify common themes which are then reflected in the works of both writers – in particular, the image of Christ in a modern urban setting, which will feature in both Bely's *Peterburg* and Golosovker's *Sozhzhennyi roman*. Biographical facts and literary works are interwoven in the *zhiznetvorchestvo* on which, as Gacheva states, the Silver Age is based. Within this context, the private letter becomes part of a biography, which is in itself an artistic project.

Following this perspective, Fedor Poliakov analyses three fragments of unpublished letters written in the first half of the 1930s by the poet Ellis (Lev Kobylinskii) and sent to the book illustrator and Pushkinist Nikolai Zaretskii. The intimate dimension of this epistolary allowed Ellis to reveal the name of his real father, the pedagogue and Pushkinist Lev Polivanov. Poliakov reconstructs the cultural milieu of the first decades of the XX century through Polivanov's figure and through the renowned gymnasium led by him.

Finally, Svetlana Fedotova proposes a study based on the vast epistolary exchange between Aleksandr Blok and Liubov' Mendeleeva, which was recently published (Perepiska 2017). Fe-

dotova analyses how the spouses created their love and erotic discourse and follows its evolution in different moments of their relationship. The author focuses mainly on the evolution of the style and on the transformation, at a later stage, of their erotic discourse into a discourse based on *philia*, an intimate friendship. Also Irina Erman's work, which is not part of the special issue and is devoted to the autobiographical genre of Vasiliï Rozanov's works, takes into consideration the modernists' views on the auto—biographical genres and covers some of the aspects discussed by Poliakov in his piece. Erman reconstructs how the Dostoevskian myth is the main factor in Rozanov's autobiographical works, which allows her to highlight how the writer created a literary autobiographical mythology based on his 'living plagiarism' of Dostoevsky.

The 'Material and Discussion' section features a lengthy work by Aleksandr Ivinskii who publishes here for the first time 48 letters sent in 1789 by Nikolai Murav'ev to his sister Feodos'ia and her husband Sergei Lunin. These letters — found in the archive of the Division of Written Sources at the Moscow State Historical Museum — represent a unique source to improve our understanding not only of the

biography of the writer, but also of the cultural context in which some of his views on politics, society and culture were formed and debated.

Finally, we would like to thank Cinzia De Lotto for her work over these years and welcome

Connor Doak and Chiara Rampazzo to the «AvtobiografiЯ» family. We are particularly grateful to Chiara for her outstanding work on the present issue.

Bibliography

Gretchanaia, Viollet 2008: E. Gretchanaia, C. Viollet, *Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones 1780—1854*, CNRS Editions, Paris, 2008.

La Revue russe 2009: «La Revue Russe», R. Baudin (red.) *L'épistolaire en Russie*, 2009, XXXII.

Mamaeva 2010: O. Mamaeva, *Fenomen zhenskoi avtobiografii v russkoi kul'ture vtoroi poloviny XVIII — nachala XIX veka*, Svoe izdatel'stvo, Sankt—Peterburg, 2010.

Perepiska 2017: A.A. Blok — L.D. Mendeleeva—Blok, *Perepiska 1901-1917 gg.*, redkol.: A. Lavrov (nauch. red.), E. Glukhova, E. Bronnikova, V. Rezvyi; predisl. D. Magomedova, poslesl. Iu. Galaninoi; komment. Iu. Galaninoi, E. Glukhovoi, E. Chugunovoi-Polson, ukazat. sost. E. Chugunovoi-Polson, IMLI RAN, M., 2017.

Sergeeva—Kliatis 2018: A. Sergeeva—Kliatis, *Kommisarzhenskaia, Molodaia gvardiia*, M., 2018.

V'olle, Grechanaia 2006: K. V'olle, E. Grechanaia (red.), *Avtobiograficheskaia praktika v Rossii i vo Frantsii*, IMLI RAN, M., 2006.

Papers: Special Section

Федор Поляков

“Неумолимо–светлая личность”: Воспоминание о детстве в письмах Эллиса к Николаю Зарецкому

“An Inexorably Radiant Individual”: Memories of Childhood in Ellis’s Letters to Nikolai Zaretskii

The present article offers three textual fragments of the hitherto unpublished letters by the well-known Russian symbolist poet, literary historian and translator Ellis (Lev Kobylinskii) to the book illustrator Nikolai Zaretskii. The texts commented here show in detail Ellis’s insights into his early literary interests through an autobiographical perspective. Ellis’s memories are related to several people from his own literary circle who were also alumni of the gymnasium led by his real father, the prominent Moscow pedagogue and Pushkinist Lev Polivanov – notably Valerii Briusov, Andrei Bely and Sergei Solov’ev. The information obtained from the epistolographic sources presented in this paper reveal a new perspective on Ellis’s traumatic feelings caused by being an illegitimate child.

В нашей заметке публикуются фрагменты из подготовленных нами к печати писем символиста Льва Кобылинского–Эллиса (1879–1947) к художнику Николаю Зарецкому (1876–1959), в которых Эллис вспоминает свои ранние детские годы¹. Адресат писем – страстный пушкинист, к тому же с

‘пушкинской’ фамилией, был одним из организаторов Пушкинской выставки в Праге (1932 г.). Зарецкий также оказывал Эллису содействие в получении книг из фондов пражской Славянской библиотеки. Эпистолярные воспоминания Эллиса были вызваны актуализацией памяти об отце, педагоге Льве Ивановиче Поливанове, авторе трудов о Пушкине и Жуковском, в связи с его собственными историко–литературными заня-

¹ New York, Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture [далее – BAR], Nikolai Vasil’evich Zaretskii Papers.

тиями схожей тематики: в это время Эллис опубликовал книгу о Жуковском (Анисимова 2015: 188–214) и приступил к работе над книгой о Пушкине (Поляков 2001).

Обратимся к фрагментам переписки: ответные письма Зарецкого к Эллису, к сожалению, не сохранились, но можно предположить, что его доброжелательное предложение поддержки и разного рода информация о пражских делах и общих знакомых определенно подействовали на его корреспондента, жаждущего общения с людьми, которые имели хотя бы опосредованное отношение к его кругу. По этой причине Эллис, реагируя к тому же на энтузиазм Зарецкого–пушкиниста, чувствовал необходимость для себя сообщить ему о своем во все не ‘юбилейном’ и внешнем интересе, но о подлинной преданности Пушкинскому наследию.

1. Фрагмент письма Эллиса к Зарецкому от 14 августа 1933 г.

Известный ценитель А. Пушкина – Лев Иванович Поливанов мой ближайший родственник, я был воспитан им на место [sic] отца. Я

привык с ранних лет детства к этому имени-молнии, к Его облику и звуку Его стихов. Закрыв глаза я вижу себя ребенком 7 лет, уже декламирующим “Вьются тучи” – “Что за яблочко!”. Я буквально вешал Его портрет рядом со Св. Сергием. Я написал свои первые стихи и сказки в 8-летнем возрасте, посвящая их Ему. Первая моя любовь пережита была с его стихами неразрывно.

Потом я покинул Его, предавшись Марксу и революции, дойдя до пустыни отчаяния. Тогда явился Baudelaire, которого я перевел 5 раз, символизм, В. Брюсов, «Весы», etc.

Валерий Як^{овлевич} любил А. Пушкина, но не теплой, душевной, русскою любовью, как Лев Иванович Поливанов, от которого между прочим перенял пушкинство и В.Я. Брюсов, как он это мне сам рассказывал². Он был “поливановец”, а это было

² Об отношениях Льва Поливанова и Валерия Брюсова см. подробнее комментарий С.И. Гиндина: Брюсов 1991: 630–631; Анисимова 2015: 195–198.

снова как бы отражением “царскосельского лицеизма”³. “Поливановцы” съезжались со всей России в данные сроки и обедали в присутствии Льва Ивановича оставаясь вместе до глубокой ночи⁴. Эти беседы вращались около А. Пушкина по преимуществу.

2. Фрагмент письма Эл-лиса к Зарецкому от 13 февраля 1935 г.

В виду того, что я не без веских оснований посвящаю свой новый опыт о А. Пушкине с чувством благодарности Л.И. По-

ливанову, сообщение о его автографах (из его кабинета над “Поливановской гимназией”) меня живо тронуло и обрадовало⁵. Ведь этому замечательному и неумолимо-светлому, великому русскому гуманисту и педагогу я обязан бесконечно многим. Он был мне и воспитателем, и вторым отцом. С 7 летнего возраста воспитал он во мне почитание и любовь к Жуковскому и Пушкину. “Ундину” и “Рустема” впервые узнал его из его чтения, так же как и

³ Представляется, что такая аналогия имела в поливановском кругу некоторое распространение. М.А. Цявловский, написавший, в частности, работу о пушкинских исследованиях Брюсова (Цявловский 1924), в своем выступлении на втором вечере памяти Брюсова 9 февраля 1925 г. говорил, что “гимназия Поливанова в историческом обзоре символического направления в русской поэзии должна быть тем приблизительно, чем был Царскосельский лицей эпохи Пушкина” (комм. Е.А. Муравьевой, ср. Ашукин 1999: 137, прим. 2); см. также ссылку на печатный источник в комм. С.И. Гиндина: Брюсов 1991: 630–631.

⁴ См. также официальное положение о статусе “Общества бывших воспитанников Московской частной гимназии Л.И. Поливанов” (Устав 1895).

⁵ Поскольку письма Зарецкого к Эл-лису не сохранились, отождествить эти автографы и их местонахождение при отсутствии дополнительных данных не представляется возможным. По краткости замечания Эл-лиса также не ясно, имелись ли в виду какие-то бумаги Л.И. Поливанова, попавшие в Прагу, о чем мог знать Зарецкий, или в какое-то другое место (например, в Берлин), или имели ли они вообще отношение к пушкинским материалам (например, снятым Поливановым копиям с предоставленных для выставки 1880 г. письменных источников или к его заметкам и письмам).

Отметим упоминание в этом фрагменте директорского кабинета Поливанова в здании гимназии на Пречистенке (дом 32), очевидно знакомом Эл-лису. См. фотографию Поливанова в своем кабинете: Белый 2010: 59.

“Онегина”. Мои первые стихи скандировал он, отбивая ритм своим согнутым указательным перстом по столу и исправлял их своим бессмертным, огромным синим карандашом⁶. От него и В. Брюсов впитал любовь к Пушкину, хотя только внешнюю (к мастерству, а не к высшей, бессмертной личности его).

3. Фрагмент письма Эллиса к Зарецкому от 4 ноября 1935 г.

Я давно хотел Вас спросить, читали ли Вы книгу Б. Зайцева о И. Тургеневе?⁷ Я только недавно

прочел ее и с большим сочувствием. Превосходная книга! Образ Ивана С<ергеевича> встал живой передо мной. Я никогда не предполагал, что его беззаветная, романтически-фантастическая любовь к Полине Виардо была столь трагична. Б. Зайцев связывает даже историю ее измены с катастрофой Ф. Лаврецкого (в “Дворян<ском> гнезде”). Очень ярко описание болезни и снов Тургенева. Читаешь, и кажется “все это было вчера”, а вот вся война и революция – это было бесконечно давно. Впрочем, Тургенев и хронологически все же наш. Мой отец знал его лично⁸.

⁶ Синий карандаш Поливанова запомнился и Андрею Белому: “И это потому, что всякий жест Льва Ивановича – художественная, произвольно задуманная и непроизвольно проводимая педагогическая игра; и да: он – не ставил баллы, а тыкал их в бальник огрызком толстого, синего карандаша, точно выковыривая в нем яму, когда это была двойка, великолепно вклепляя пятерку, точно даря ею на ряд годин” (Белый 1989: 271).

⁷ Имеется в виду первое издание книги: Борис Зайцев, *Жизнь Тургенева*, YMCA-Press, Париж, 1932.

В локарнский период Эллис высоко ценил творчество Зайцева, переводил фрагменты его книг об Афоне и преп. Сергии Радонежском на немецкий и

использовал их в своей антологии о Святой Руси (Poljakov 2000: 25–27).

⁸ Личное общение и переписка Л.И. Поливанова с И.С. Тургеневым относится ко времени Пушкинского юбилея 1880 г. В собрании Поливанова находилось пять автографов Тургенева (в большинстве своем письма и записки к С.А. Юрьеву и Л.И. Поливанову), опубликованных Иваном Поливановым (1923: 335–338). О переписке Поливанова с Тургеневым (в связи с принадлежавшим ему перстнем – известным пушкинским *Талисманом*) свидетельствуют также рабочие пометы самого Поливанова (Нечаева 1983: 153).

Оригинал письма Тургенева к председателю ОЛРС С.А. Юрьеву из Спаского–Лутовинова, который попал к Л.И. Поливанову и находился в архиве последнего (опубликован с приложением факсимиле: Поливанов 1923: 335–336, № 1), пошел с торгов 9 октября 2014 г. на аукционе “В Никитском”, № 39 “Золотой век русской литературы. Весь Пушкин и его окружение”; воспроизведение этого автографа доступно по ссылке: <https://ru.bidspirit.com/portal/#!/lotPage/source/catalog/auction/189/lot/45239/>.

Следует отметить, что по данным каталога Зарецкого на пражской Пушкинской выставке 1932 г. среди экспонатов находилось еще какое-то *Письмо И.С. Тургенева председателю ‘Общества Любителей Российской Словесности’ С.А. Юрьеву* (Zareckij 1932: с. 82, № 2936: *Dopis I.S. Turgeneva předsedovi ‘Společnosti milovníků ruské slovesnosti’ S.A. Jur’evovi*). Приведено в известность несколько писем Тургенева к Юрьеву (см. их перечень и публикацию в работе: Веселовский 1891: 272–276, а также Рейсер 1964: 400; Рейсер 1967: 719), однако пражский каталог не дает сведений о содержании или о дате письма (хотя наличие автографа, как в других случаях, было бы отмечено особо).

Во время своего пребывания в Москве Тургенев несколько раз встречался с Львом Поливановым, а также посещал любительский спектакль в его гимназии; ср. речь Поливанова 22 октября 1893 г. (Двадцатипятилетие 1893: 17):

Что эти спектакли возбуждали значительный интерес и имели свои достоинства исполнения – о том свидетельствуют и живое участие,

Для оценки сообщаемых Эллисом сведений нам предстоит вкратце коснуться одной из интимных сторон его биографии. На основании нескольких документальных и мемуарных свидетельств известно, что родные братья Кобылинские – Илья (*1876), Лев (*1879) и Сергей (*1882) – были незаконнорожденными сыновьями московского педагога и историка литературы Льва Ивановича Поливанова (1838–1899) – создателя знаменитой гимназии, автора учебников и литературоведческих исследований, председателя комиссии Общества Любителей Российской Словесности по подго-

которое принял в них покойный С.А. Юрьев, и многолетнее их существование, и неоднократно повторение исполнения каждой пьесы, и отзывы таких взыскательных знатоков искусства, каким был И.С. Тургенев, который смотрел наше исполнение *Генриха IV* и одобрил его.

См. об этом также: Сливицкий 1909 (часть очерка, посвященная Пушкинским торжествам 1880 г., первоначально была опубликована в «Московском Еженедельнике» за 1908 г., в № 44 и 46).

товке Пушкинского юбилея 1880 года⁹. Несмотря на лаконичность наших сведений о ранней биографии Эллиса в целом, можно, вероятно, составить представление о той тяжелой эмоциональной ситуации, в которой он оказывается в свои детские и юношеские годы, остро переживая свою социальную роль ба-старда; несомненно, эта ситуация повлияла и на формирование его психической конституции в зрелые годы (Юнггрен 2008: 69–70).

Хронологическая канва семейной драмы Поливанова восстанавливается по письмам его жены Марии Александровны (урожд. Lockenberg, 1840–1921) к Ф.М. Достоевскому, отправленным с августа по

декабрь 1880 года¹⁰. События начали принимать трагическую окраску с лета 1874 года, после тринадцатилетней совместной жизни, когда М.А. Поливанова по чьей-то рекомендации для занятий с детьми пригласила в гувернантки “девушку из богатой дворянской семьи, знающую французский язык лучше русского, жившую в Париже и желавшую собственным трудом зарабатывать себе деньги”. Поливановой запомнились разговоры с ней о семейных узах и практической эмансипации: “Она сказала мне, что у ней жених, но не верила в прочность любви, говорила, что брак безнравственное дело, что в нем человек постоянно сам себя насилует, что мужчины все одинаковы и что она берется всяко-

⁹ Willich 1996: 25–26; Поляков 1998; Юнггрен 2008. К формированию исследовательского профиля Поливанова ср.: Пиксанов 1924: 20–22. О Пушкинской выставке см.: [Булгаков] 1880: 323–328; Альбом 1882 (содержание расписано в библиографии: Межов 1886: 257, № 3825–3879). 2-ое издание альбома, вышедшее в Москве (Типография Т.И. Гаген, 1887), воспроизведено на сайте: <https://humus.livejournal.com/5998501.html>. Состав выставки, неполностью отразившийся в альбоме, дополняется за счет записей в архиве Поливанова: Нечаева 1983. См. также: Пиксанов 1924; Шмидт 2012: 267–268 и историко-культурный анализ событий в кн.: Левитт 1994.

¹⁰ Ипатов 1996: 262–276. Мария Поливанова происходила из семьи лютеранского священника Alexander Karl Lockenberg (1811–1875), Amburger 1998: 403; Erik-Amburger-Datenbank *Ausländer im vorrevolutionären Russland*, Nr. 95125 (<https://dokumente.ios-regens-burg.de/amburger/index.php?id=95125&mode=1>). На основании ее происхождения тогдашний гимназист Сергей Соловьев впоследствии назовет ее “очень полная седая немка” (цитату см. ниже).

му вскружить голову и завлечь его”¹¹.

Ко времени написания этого исповедального письма в семье Поливановых было, по словам Марии Поливановой, пятеро детей – “три девочки и два мальчика”. Один из упомянутых в письме мужских отпрысков – это второй по старшинству ребенок, Иван Львович (1867–1942), преподаватель и будущий директор отцовской гимназии¹². Про

¹¹ Ипатова 1996: 267. Мать братьев Кобылинских – Варвара Петровна Кобылинская (?–1907), выпускница Екатерининского института благородных девиц в Москве (см. комментарий Г.В. Нефедьева к публикации: Дурьлин 2015: 314). Отношения Эллиса с матерью кончились разрывом с ней (и с младшим братом Сергеем). Примечательна резкая антипатия Эллиса к образованным женщинам в антропософской среде (Юнггрен 2001: 120, 124).

¹² Иван Поливанов закончил гимназию в 1895 г. и по окончании Историко-Филологического факультета Московского университета преподавал в ней; ср. Двадцатипятилетие 1893: 41, № 90: “Филолог. Учитель древних языков и русского языка и словесности”. По сведениям Е.А. Муравьевой в советское время И.Л. Поливанов – сотрудник библиотеки Румянцевского музея (1918–1922), с 1924 г. входил в подсекцию критики и литературоведения Государственной Академии художественных наук (ГАХН), с ноября 1927 г. состоял ее членом–корреспондентом (см. комментарий к публикации: Ашукин 1999: 137). По другим данным, на

второго своего сына и последнего ребенка Мария Поливанова пишет в августе 1880 г.: “После катастрофы осталась я беременной, и вот младшему сыну моему, Левушке, 5 лет”¹³. Это означает, что с конца 1870–х какое-то время в Москве жили сводные братья Лев Львович Поливанов и Лев Львович Кобылинский и что Лев Иванович Поливанов в

службу в Румянцевский музей Поливанов поступил 1 октября 1918 г. и был отчислен около апреля 1920 г. Добавим, что с 1921 г. ГАХН находилась в том же доме на Пречистенке, где ранее располагалась Поливановская гимназия. По адресным книгам Москвы выясняется, что по крайней мере до 1917 г. Поливанов проживал в Лопухинском переулке (дом 4), затем в справочнике 1926 г. (первое появление имени после 1917 г.) указан адрес Долгий пер. 14, кв. 11 и место работы – ГАХН. Ср. запись Н.С. Ашукина от 1 января 1926 г.: “Вечером пошел к Ивану Львовичу Поливанову, как назначил он. Живет он в Долгом переулке в уплотненной квартире [...]” (Ашукин 1999: 136). Еще одно и последнее упоминание в адресной книге *Вся Москва*, этом вскоре заглохшем справочном издании, появляется в 1927 г., с тем же местом проживания, но новым местом работы – Российский Исторический музей.

¹³ Ипатова 1996: 266. О Льве Львовиче Поливанове (1875–1943) сообщается лишь, что в 1901 г. он был причислен в звании корнета к 3–му драгунскому Новороссийскому полку и в том же году из него отчислен (<http://www.petergen.com/publ/novg3dpr3.shtml>).

обеих семьях имел тезоименитого себе сына.

Уход из семьи Льва Ивановича – как потом оказалось, частичный и временный – только усилил его обнаружившуюся с конца 1874 г. нестабильность: “От семьи своей он отстал, там не пристал, и вот он двоится без конца и даже и в прочих вопросах жизни” (Ипатова 1996: 267). Со своей стороны, в 1880 г. Варвара Кобылинская искала случая объясниться с Марией Поливановой, и при неожиданной встрече с ней в толпе после речи Достоевского на Пушкинских торжествах: “Она бросилась ко мне, обняла меня, целовала мои руки, говорила, что она очень несчастна, просила прощения или что-то в этом роде. Мне ее стало жаль невыразимо, и притом я знала, что все-таки она любит его в самом деле и глубоко [...]” (Ипатова 1996: 268). Знак последнего примирения – “ближе всех” – отмечен в воспоминаниях Сергея Соловьева:

Иван Львович стоял около гроба, откинув голову, здесь же была его мать, очень полная седая немка; сестра, сухая и остроносая, очень похожая на Льва Ивановича. Рядом с гробом, опустив

голову на грудь, стоял молодой человек, поддерживая даму в черном, с креповой вуалью на лице. С удивлением я узнал в нем Льва Кобылинского, того самого, который недавно просвещал меня на счет Hausindustrie. По-видимому, он приходился Поливанову каким-то родственником и, должно быть, близким, потому что и он, и его мать имели совсем убитый вид и стояли ближе всех к гробу¹⁴.

В тех же воспоминаниях встречается еще одна любопытная деталь (Соловьев 2003: 332):

В этом году брат нашего директора офицер Илья Львович, с которым я когда-то познакомился на балу у тети Нади, поступил к нам в гимназию младшим надзирателем и учителем гимнастики. Он оставил военную

¹⁴ Соловьев 2003: 227–228. Ср. также: “В Посаде отец открыл мне одну тайну. Он сообщил мне, что Лев Кобылинский – сын покойного директора Поливанова, и, следовательно, брат Ивана Львовича и дядя Маши [...]” (Соловьев 2003: 295).

службу, остепенился, и старший брат нашел возможным дать ему место надзирателя в той самой гимназии, из которой он был когда-то выгнан своим отцом за буйное поведение.

Вероятно, кости покойного Поливанова перевернулись в могиле при появлении в гимназии такого “надзирателя”. С нашим седьмым классом Илья Львович поставил себя на дружескую ногу: с некоторыми учениками он потихоньку ездил кутить; очевидно, подозревая о моем отношении к его племяннице, он решил способствовать нашему сближению [...]

Поскольку по свидетельству Марии Поливановой у нее было двое сыновей, Иван и Лев, здесь речь может идти только об Илье Львовиче Кобылинском, сводном брате нового директора гимназии Ивана Львовича Поливанова; мемуаристу степень их родственной близости осталась не вполне понятной. Однако, если исключить какую-либо неточность, мы узнаем из этого описания и о военной карьере старшего брата Кобылинского, и о его бурном гимназиче-

ском прошлом, причем, что интересно, в той же самой Поливановской гимназии. Это примечательно в том смысле, что, как считается по отношению к Эллису, он не попал в гимназию своего отца по соображениям этического характера. Возможно, эти соображения были только усилены предыдущим опытом с его старшим братом.

Хотя личность Поливанова сыграла значительную роль в духовном развитии в ранние годы также Валерия Брюсова и Сергея Соловьева (мы упоминаем этих выпускников Поливановской гимназии ввиду их связи с Эллисом), однако наиболее подробные сведения о степени его влияния выявлены по отношению к Андрею Белому. Общение Белого с Поливановым, “воспитанника” с наставником, по правилам иерархии, началось с поступления в гимназию в 1891 г. и вплоть до ее окончания в год смерти Поливанова – с непрекращающимся восторгом “с первого до восьмого класса гимназии” (Белый 2016: 917). Автобиографические описания Белого настолько детальны, что позволяют выделить и событийность внешнего образования:

Учился я в частной гимназии Л.И. Поливанова, которую и окончил в 1899 году. Личность покойного Поливанова незабываема; она ярко светит мне сквозь всю жизнь; Поливанов был воистину ‘вдохновителем’: шекспирофил, пушкинист, пылко влюбленный в поэзию, романтик в прекрасном смысле этого слова, почти гениальный педагог с живою моральной фантазией, он был любим всеми, кто приходил с ним в соприкосновение; в нем не было ничего от трафарета; его бранным словом было слово «казенщина». Ему я обязан любовью к Шекспиру, Жуковскому, Пушкину, к поэтике Аристотеля, к драмам Софокла и Эврипида. Но особенно хорошо он умел выгравировать в душе памятники древнерусской словесности; наше с ним чтение *Слова о Полку Игореве* было воистину художественным творчеством его: он навеки мне в душе изваял это Слово. И с ним навсегда изваял любовь к стихии народной речи (Белый 2016: 23),

– и рефлексию, затрагивающую мировоззренческие основы:

[...] с той поры начинается наше частое посещение с Сергеем Михайловичем Соловьевым ‘Девичьего Монастыря’. Мы обходим могилы покойных Л.И. Поливанова и В.С. Соловьева; оба для нас играли огромную роль в жизни; оба для меня – ‘учителя’; обоих их сплетает память в нечто фантастическое; мы мифизируем их могилы [...] (Белый 2016: 56).

Свидетельство отношения Владимира Соловьева к Льву Поливанову, под воздействием общения с “поливановцем” Львом Лопатиным, представлено в некрологе, написанном Соловьевым для «Вестника Европы» (1899, № 3, с. 421–422; Соловьев 1913: 420–421), и это отношение для молодого поколения символистов, имевших возможность назвать Поливанова “учителем”, рядом с именем Соловьева, несомненно было совершенно особым знаком их биографических сопряжений. Впоследствии в письме к Иванову–Разумнику Белый вспоминает: “Вы спра-

шиваете, кто такой *Барс Иванович*; это образ Льва Ивановича Поливанова, моего директора; мы с товарищем (Соловьевым) очень его любили и уже юношами, вспоминая гимназию, фантазировали на самые невероятные темы, заставляли Поливанова вставать из могилы и вмешиваться в события жизни [...]”¹⁵. Понятно, что и личность Эллиса, его друга, столь непримиримо разошедшегося с ним впоследствии, могла интересо-

¹⁵ Письмо из Дорнаха от 7/20 ноября 1915 г. (Лавров 1995: 71; Белый, Иванов-Разумник 1998, с. 54, № 10, 58). Согласно замечанию Белого в связи с выходом его 2-ой симфонии в апреле 1902 г.: “симфония’ нравится Эллису [...] Решительный разговор с Эллисом, или начало нашей интимной дружбы с ним [...]” (комментарий Джона Малмстада в: Эллис 2003: с. 402, прим. 10). Смерть Поливанова получила отражение в творчестве Белого (Лавров 1995: 46–47). Литературная и биографическая альтернатива образа Поливанова (во 2-ой симфонии, романе *Москва* и первой части мемуарной трилогии *Между двух революций*) подчеркивается А.В. Лавровым (Лавров 2007: 225; ср. также параллель между Белым и Пастернаком: Лавров 2007: 326–327). Воображение Белого также занимало и происхождение Эллиса; оно послужило Белому ассоциативным фоном для различных сюжетных коллизий, в том числе и в романе *Петербург* (Ljunggren 1982: 66; Глуховская 2012; Ljunggren 2015). Один из эпизодов их взаимоотношений также освещен в работе: Глухова 2017.

вать Белого не только по причине близости их духовных устремлений или общности литературных задач, но и по отношению к его отмеченному тайной происхождению. Однако рассказывая подробно о Поливанове в своих воспоминаниях, Андрей Белый лишь вскользь упоминает обстоятельства его семейной жизни, в том числе и в связи с Эллисом – в тех двух случаях, когда повествование близко подходит к границам этой темы. В одном месте мемуаров, обсуждая актуальный для советского мировоззрения вопрос о социальном происхождении символистов, он отмечает: “Я – сын крупного математика, вылез на свет из квартир, переполненных разговорами о Дарвине, Спенсере, Милле; Блок – сын профессора, внук известного ботаника, профессора же, женатый на дочери профессора Менделеева; Эллис – побочный сын известного московского педагога; С.М. Соловьев – внук знаменитого историка Соловьева (профессора же) [...]”¹⁶. Эти сведения формально ано-

¹⁶ Белый 1989: 204; ср. в том же контексте, но в более расплывчатой записи П.Н. Зайцева (Зайцев 2008: 114): Эллис – “побочный сын директора Поливановской гимназии на Пречистенке”.

нимны и в структурном отношении не выделены. Точно так же в другом месте он очевидно избегает прямого отождествления и описывает отношение Эллиса к Поливанову не в генеалогическом, а в эмоциональном ключе, что (как и в предыдущем случае) уравнивает всех упоминаемых здесь лиц (Белый 1989: 311–312):

Если бы Поливанову в 1895 году рассказывать, что очень любимый, ценный им и близко знаемый Лев Львович Кобылинский (тогда гимназист казенной гимназии) двояко его ушибет (во-первых, – марксизмом, и, во-вторых, – символизмом), как “Эллис”, что воспитанник Бугаев и воспитанник С.М. Соловьев, которым оказывал он внимание, станут тоже “символистами”, объединяясь во круг Брюсова–ломаки, – он ахнул бы.

На эмоционально травмированное восприятие Эллисом своего отца, связанного с творчеством и наследием Пушкина, накладываются воспоминания детства. Поэтому,

надо полагать, и появляется (весьма парадоксальное) противопоставление пушкинизма Поливанова и пушкинизма Брюсова как оппозиция эмоционального заряда (“русской любви”) с одной стороны и формально–литературоведческого анализа – с другой¹⁷. За пределами этого ретроспективного взгляда Эллиса на себя такая антиномия едва ли может быть безоговорочно принята, особенно с учетом действительного значения пушкиноведческих работ Брюсова, но для биографии Эллиса она существенна благодаря очерчиванию, повторному проведению границ его интимного воспоминания. Поскольку Зарецкий, погружаясь в пушкиноведческую литературу и занимаясь созданием выставочных исторических реконструкций, несомненно, имел вполне яс-

¹⁷ Эмоциональный фон подчеркивается и метафорикой из области сакрального, как в фрагменте № 1 или в описании его друга из круга ‘Молодого Мусагета’ Сергея Дурылина: “Вышедший из семьи, где перед кумиром Пушкина чуть-ли не теплили лампаду [...]” (в примечании: “Он был внебрачным сыном Л.И. Поливанова, известного редактора комментированного *Собрания сочинений Пушкина для юношества*”) (Дурылин 2015: 280). Вероятно, о таких “семейных обстоятельствах” Дурылин мог узнать только от самого Эллиса.

ное представление, кем являлся Лев Иванович Поливанов, то Эллис посчитал нужным зашифровать их отношения указанием на родственную связь; напротив, ссылка на знакомство его отца с Тургеневым не дает никакой ключевой информации по отношению к тому, что оставалось для Эллиса эмоционально существенным. Как мы видим, что и спустя десятилетия после смерти отца Эллис чувствительно относился к тайне своего происхождения. Напротив, своим друзьям и знакомым из Германии и Швейцарии он мог совершенно нейтрально сообщать о том, что его отец был пушкинистом (Poljakov 2000: 44, 71; Поляков 2001: 279, с упоминанием воспитания с семилетнего возраста “в Пушкинском смысле”, – см. в фрагменте № 2 выше).

Утверждение Сергея Дурылина, основанное на московских впечатлениях, о том, что Лев Львович Кобылинский “был внебрачный сын Льва Ивановича Поливанова, известного пушкиниста и педагога, автора книги о Жуковском.

Но Пушкина он не любил, – и как поэт, мыслитель, человек пошел не за отцом, а за матерью своей, происходившей из знатного польского рода, ка-

толичкой”. (Дурылин 2015а: 401) – не соответствует мировоззренческому направлению Эллиса в локарнский период его жизни и, строго говоря, прямо противоположно новым путеводным звездам Эллиса. Его интерес к католической средневековой западно-европейской культуре, а затем и обращение в католицизм не связано с польскими корнями его матери. Отвержение Эллисом Пушкина – вероятно, рецидив полемической риторики, вроде высказывания в его письме к Дурылину от 21 ноября 1909 г.: “[...] У нас же в России Лермонтов и Фет, великие освободители от внешней лирики Пушкина, этого врага всякого символизма” (Нефедьев 2010: 132), имеющий свои определенные гносеологические основы. Тезис В.М. Жирмунского в работе *Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования*: “[...] русские символисты являются представителями неоромантической поэтики. Символизм в России не был связан с поэтическим наследием Пушкина [...]” (Жирмунский 1977: 202) – сохраняет свое значение для определения русского символизма как ‘неоромантического’ направления. Этот тезис может быть

расширен с учетом изменившегося отношения к Пушкинскому наследию в модифицированной традиции символизма за пределами 'Серебряного века' (т.н. 'метасимволизм'), а именно в условиях эмиграции и поиска путей адаптации к различным доминирующим культурным контекстам (в случае Эллиса – к немецкоязычному). Пушкинское наследие и 'пушкинизм' – метаязыковой культурный код – включены Эллисом не только в описание своей традиции, но и в его автобиографическую версию. С точки зрения символистского мировоззрения, т.е. прежнего, утраченного времени, такая двойная кодировка представляла собой несомненную жизнетворческую ценность¹⁸.

¹⁸ За помощь при подготовке статьи искренне благодарим Николая Богомолова (Москва), Елену Глухову (Москва), Татьяну Чеботареву (Нью-Йорк) и Магнуса Юнггрена (Стокгольм).

Библиография

Альбом 1882: Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 г. Издание Общества Любителей Российской Словесности, под ред. Льва Поливанова. 1) Биографический очерк А.С. Пушкина. Сост. А.А. Венкштерн. 2) 62 фотогравюры и фотолитографии художника М.М. Панова и три политипажа. 3) Приложения, Типография М. Лаврова и Комп., М., 1882.

Анисимова 2015: Е.Е. Анисимова, *Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века*, Красноярск, 2015.

Ашукин 1999: Н.С. Ашукин, *Заметки о виденном и слышанном*, публ. и коммент. Е.А. Муравьевой (Продолжение), «Новое литературное обозрение», 1999, 36, с. 136–164.

Белый 1989: Андрей Белый, *На рубеже двух столетий*, вступ. ст., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова, *Художественная литература*, М., 1989.

Белый, Иванов–Разумник 1998: Андрей Белый и Иванов–Разумник, *Переписка*, публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста А.В. Лаврова, Т.В. Павловой и Дж. Мальмстада, Atheneum – Феникс, СПб., 1998.

Белый 2010: Андрей Белый, *Линия жизни*, сост.: И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак, Государственный музей А.С. Пушкина, Государственный литературный музей, Российский государственный архив литературы и искусства, М., 2010.

Белый 2016: Андрей Белый, *Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930–х годов*, сост.: А.В. Лавров и Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак, Наука, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Брюсов 1991: *Письма из рабочих тетрадей (1893–1899)*, вступ. ст., публ. и комм. С.И. Гиндина // Н.А. Трифонов (отв. ред.), *Валерий Брюсов и его корреспонденты*. Книга первая, Наука, М., 1991, с. 555–828 (Литературное наследство, т. 98/1).

[Булгаков] 1880: Ф.Б. [Федор Булгаков], *Венок на памятник Пушкину. Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине*, Типография и хромофотография А. Траншеля, СПб., 1880.

Веселовский 1891: *Отрывки из старой переписки, с пояснениями Алексея Веселовского // В память С.А. Юрьева. Сборник изданный друзьями покойного*, Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, М., 1891, с. 270–295 (http://нэб.рф/catalog/006001_00018_6/viewer/?page=282).

Глухова 2017: Е.В. Глухова, *Андрей Белый и переводы Элвиса из Верхарна*, «Литературный факт», 2017, 4, с. 208–224.

Глуховская 2012: Е.А. Глуховская, *Знакомый незнакомец, или о возможном присутствии Элвиса в романе Андрея Белого “Петербург” // Седьмая международная летняя школа по русской литературе. Статьи и материалы*. 2-е издание, исправленное и дополненное, Свое издательство, СПб., 2012, с. 138–148.

Двадцатипятилетие 1893: *Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым. 1868–1893*. М., 1893 (<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32156#mode/inspect/page/1/zoom/5>).

Дурылин 2015: С.Н. Дурылин, *Бодлэр в русском символизме*, публ. и комм. Г.В. Нефедьева // Резниченко 2015, с. 261–327.

Дурылин 2015а: С.Н. Дурылин, *Комментарии к “Антологии”*, публ. и комм. М.Ю. Гоголина и А.И. Резниченко // Резниченко 2015, с. 347–410.

Жирмунский 1977: В.М. Жирмунский, *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*, Наука, Л., 1977.

Зайцев 2008: П.Н. Зайцев, *Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи*, сост.: М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак, Новое Литературное Обозрение, М., 2008.

Ипатова 1996: *Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А.О. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова, подг. текстов и комм. С.А. Ипатовой // Достоевский. Материалы и исследования*, Наука, СПб., 1996, с. 247–276.

Лавров 1995: А.В. Лавров, *Андрей Белый в 1900–е годы. Жизнь и литературная деятельность*, Новое Литературное Обозрение, М., 1995 (Научное приложение, IV).

Лавров 2007: А.В. Лавров, *Андрей Белый: Разыскания и этюды*, Новое литературное обозрение, М., 2007 (Научное приложение, LXVI).

Левитт 1994: Маркус Ч. Левитт, *Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года*, пер. с англ. И.Н. Владимировой, В.Д. Рака, Академический проект, СПб., 1994.

Межов 1886: В.И. Межов, *Ruschkiniana: Библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства*, Издание Императорского Александровского Лицея, СПб., 1886 (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/biblio/meg/meg1001-.htm>).

Нефедьев 2010: Г.В. Нефедьев, "Моя душа раскрылась для всего чудесного..." // А. Резниченко (сост., ред.), С.Н. Дурьлин и его время. Кн. 1: Исследования, Модест Колеров, М., 2010, с. 113–158.

Нечаева 1983: Н.С. Нечаева, *Московская Пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л.И. Поливанова)* // *Временник Пушкинской комиссии 1980*, Наука, Л., 1983, с. 146–155 (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-146-.htm>).

Пиксанов 1924: Н.К. Пиксанов, *Пушкин и Общество любителей российской словесности* // Н.К. Пиксанов (ред.), *Пушкин. Сборник первый*, Государственное издательство, М., 1924, с. 1–30.

Поливанов 1923: И.Л. Поливанов, *Из архива Л.И. Поливанова, «Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук»*, 1923, 1, с. 311–341 (<https://vivaldi.nlrg.ru/pm000014927/view#page=15>).

Поляков 1998: Федор Поляков, *Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского)* // Schamma Schahadat (Hrsg.), *Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв.*, Verlag Otto Sagner, München, 1998, с. 125–139 (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники, 3).

Поляков 2001: Федор Поляков, *Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.)* // *Диаспора II. Новые материалы*, Феникс, СПб., 2001, с. 269–290.

Резниченко 2015: А.И. Резниченко (сост.), *Книгоиздательство "Мусагет": История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы*, РГГУ, М., 2015.

Рейсер 1964: С.А. Рейсер, *Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // *Из парижского архива И.С. Тургенева. Книга вторая. Из неизданной переписки*, Наука, М., 1964, с. 357–411 (Литературное наследство, т. 73/2).

Рейсер 1967: *Материалы для библиографии писем Тургенева и к Тургеневу* // И.С. Тургенев. *Новые материалы и исследования*, Наука, М., 1967, с. 705–722 (Литературное наследство, т. 76).

Сливицкий 1909: А.М. Сливицкий, *Лев Иванович Поливанов по личным моим воспоминаниям и по его письмам* // *Памяти Л.И.*

Поливанова (К 10-летию его кончины), Общество бывших воспитанников гимназии Л.И. Поливанова, М., 1909, с. 42–152.

Соловьев 1913: *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева*, под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова, Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”, С.-Петербург, 2-ое издание, т. IX, 1913.

Соловьев 2003: С.М. Соловьев, *Воспоминания*, Новое Литературное Обозрение, М., 2003.

Устав 1895: *Устав Общества бывших воспитанников Московской частной гимназии Л.И. Поливанова*, Типография М.Г. Волчанинова, М., 1895 (<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003671181#?page=1>).

Шмидт 2012: С.О. Шмидт, *Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г.* // С.О. Шмидт, *После 75. Работы 1997–2001 годов*, РГГУ, М., 2012, с. 254–300.

Цявловский 1924: М.А. Цявловский, *Брюсов–пушкинист* // П.С. Коган (ред.), *Валерию Брюсову. 1873–1923. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта*, КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, М., 1924, с. 31–37.

Эллис 2003: *Воспоминания “фанатика и скептика”*. Эллис об Андрее Белом, пред., публ. и комм. Дж. Малмстада // *Писатели символистского круга. Новые материалы*, Дмитрий Буланин, СПб., 2003, с. 385–407.

Юнггрен 2001: Магнус Юнггрен, *Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера*, Академический проект, СПб., 2001.

Юнггрен 2008: Магнус Юнггрен, *Эллис и доктор Кобилински – символист с двумя карьерами* // М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, И.Б. Делекторская (сост.), *Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения*, Наука, М., 2008, с. 67–80.

Amburger 1998: Erik Amburger, *Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon*, Institut & Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, Martin-Luther-Verlag, Lüneburg–Erlangen, 1998.

Ljunggren 1982: Magnus Ljunggren, *The Dream of Rebirth. A Study of Andrei Belyj's Novel Peterburg*, Almqvist & Wiksell International, Stockholm, 1982.

Ljunggren 2015: Magnus Ljunggren, *Peterburg – Éllis' “Most Important Work”* // «Toronto Slavic Quarterly», 54, 2015 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/54/Ljunggren.pdf>).

Poljakov 2000: Fedor B. Poljakov, *Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Éllis im Tessiner Exil. Forschungen – Texte – Kommentare*. Böhlau Verlag, Köln–Weimar–Wien, 2000 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, N.F., Reihe A, 29).

Willich 1996: Heide Willich, *Lev L. Kobylinskij-Éllis: Vom Symbolismus zur ars sacra. Eine Studie über Leben und Werk*, Verlag Otto Sagner, München, 1996 (Slavistische Beiträge, 341).

Zareckij 1932: *Výstava "Puškin a jeho doba" pořádaná v budově Národního musea v Praze v březnu roku 1932 pod protektorátem Rady hlav. města Prahy a Národní rady československé Slovanským ústavem v Praze*, Katalog části obrazové N.V. Zarěckij, Přeložila Žofie Pohorecká za red. Stanislava Petíry, Slovanský ústav, Praha, 1932.

Светлана Федотова

‘Эротические жесты’ в эпистолярном дискурсе (на материале переписки А.А. Блока с Л.Д. Менделеевой–Блок)

‘Erotic Attitudes’ in an Epistolary Discourse (Based on Aleksandr Blok’s Correspondence with Liubov’ Mendeleeva-Blok)

The present article proposes a study of the correspondence between Aleksandr Blok and Liubov’ Mendeleeva seen as an exchange based on a highly subjective love-erotic discourse and as an epochal phenomenon of rethinking of Eros elaborated through such a discourse. Particular attention is paid to the communicative strategies of the correspondents in their joint creation of this epistolary discourse. The study of the signatures used by Liubov’ Mendeleeva-Blok in the letters shows her role in the creation of the erotic modus of the letter exchange (through what we call ‘erotodeixis’). Finally, the article analyses how erotic attitudes in the correspondence are replaced with attitudes of philia, a love-friendship relationship.

Интеракция телесного и дискурсивного жестов в эпистолярной модернизме

В центре внимания данной статьи – переписка А.А. Блока с Л.Д. Менделеевой как один из самых значительных фактов языковой и экзистенциальной ситуации начала XX века. Ее можно рассматривать и как предельно субъективный любовно-эротический дискурс, и как эпохальный феномен переосмысления эроса, описываемый этим

дискурсом. В любом случае – перед нами не реальные жизненные факты и события, а их эпистолярная рефлексия, т.е. прежде всего определенным образом организованный дискурсивный текст. Но даже и с такой оговоркой, все равно есть некая априорная неловкость из-за вторжения в сугубо интимный разговор двоих, не терпящий, по определению, взгляда посторонних. Оправдательным аргументом выступает здесь история литературы в целом и эписто-

лярного жанра в частности. Публичный характер имели многие эпистолярные циклы в эпохи, предшествующие романтизму. Но и романтики, выдвинувшие на первый план интимность, исповедальность, суггестивность письма, преломившие его в субъективизированных жанрах лирических фрагментов, отрывков из дневника, дружеском или любовном признании, все же не исключали возможность напечатания в отдаленном будущем своих писем и принимали определенные меры для их сохранения (Елистратова 1973: 310). Публикация частного материала придает ему, как известно, характер литературного факта, «интимно-личное» преобразуется «в общее, в историческое» (Орлов 1978: 24). С другой стороны, феномен модернистского жизнетворчества, постоянно притягивающий к себе внимание исследователей, по сути своей предполагает взаимопроникновение текста жизни и текста искусства, для которого, по формулировке современного ученого, характерны семиотически насыщенные, «трансцендирующие традиционно-текстуальные границы» «пластические жесты» (Иоффе 2005: 126–127).

Именно такие, семиотически насыщенные жесты в эпистолярном дискурсе, т.е. событийно-вербализованные поступки, действия определенной направленности, и находятся в центре нашего внимания. Если реальный жест, по Ю.М. Лотману, «всегда знак и символ» (Лотман 1992: 303), то вербализованный жест – явный или подразумеваемый – в еще большей степени нагружен значениями и смыслами, которые разгадывает получатель письма. Влюбленный же, как замечательно сформулировал Р. Барт, всегда «стихийный семиолог» (Барт 1999: 270), тем более если он вычитывает знаки любви не при встрече с любимым, в его лице, мимике и жестах, а в его письме, опосредованном грамматикой, риторикой, литературными образами, наконец, его собственным воображением. Это сближает любовную переписку и с актом художественного творчества, и с эротическими действиями, а значит, и жестами, за которыми следуют поступки и поведенческие тексты (Лотман 1992: 307).

Таким образом, «эротические жесты», о которых пойдет речь в этой статье, имеют отношение к проблематике дискурсивной интеракции «вербаль-

ного текста” и “события жизни”. П. Рикер предлагал считать “дискурсивное событие”, значимое высказывание, или энергично заряженный речевой акт, полноценным элементом “реальной жизни” физических субъектов и объектов, иницирующим построение “текста поведения” и “текста жизни культуры” (Иоффе 2005: 130–133).

Особенно это важно для эпохи, получившей устойчивое метафорическое название Серебряного века, с ее эротически-утопическими проектами. “Пришла проблема пола, румяная фефела ...” – сатира Саши Черного констатировала далеко не юмористические ситуации, связанные с усилиями многих видных модернистов преобразить или преодолеть пол¹. Эпистолярные диалоги между участниками любовных пар, а иногда и треугольников, помимо автобио-

¹ Необычных, в разных отношениях нетрадиционных браков в это время было предостаточно: Д. Мережковский и З. Гиппиус, А. Блок и Л. Менделеева, Вяч. Иванов и Л. Зиновьева-Аннибал, М. Волошин и М. Сабашникова, Андрей Белый и А. Тургенева, союз В. Маяковского и Л. Брик и т.д. Своеобразие эротики в Серебряном веке – тема, не страдающая отсутствием интереса (см., напр., известные работы: Матич 2008; Павлова 2004).

графического, литературно-фактического или жанрово-стилевого, интересны и как документы житнетворческого характера, которые касаются самых главных и важных вопросов бытия – любви и пола прежде всего. Отсюда такое живое внимание к опубликованной переписке Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал (Переписка 2009), Валерия Брюсова и Нины Петровской (Переписка 2004), Макса Волошина и Маргариты Сабашниковой (Волошин 2013; Волошин 2015). Без этих книг пускаться в обсуждение личных взаимоотношений ‘героев’ Серебряного века – занятие более чем сомнительное и уж, несомненно, далекое от литературоведческих изысканий. Что касается Блока, то здесь до последнего времени ситуация была несколько иной. Вокруг любовной и семейной истории поэта всегда существовала некая недоговоренность, стыдливое умолчание – благодатная среда для фабрикации мифов, но чаще слухов и сплетен.

В 1978 году в 89-м томе *Литературного наследия* по цензурно-идеологическим соображениям были опубликованы только письма поэта к жене. Отдельные выдержки из ее писем, приведенные в ком-

ментарии, не позволяли услышать ее голос, увидеть ее подлинную роль в этом загадочном эпистолярном романе. На первом плане был “трагический тенор эпохи”, его реплики в диалоге, а собеседница оставалась на вторых ролях, невидимым суфлером, безликим в языковом отношении. На основе односторонней переписки реконструировались целостная личность поэта-символиста и его отношения с “Прекрасной Дамой” (Мельникова 1984: 16–26; Берендеева 2011: 108–113). В то же время, в 1979 г. в печать попали неоконченные мемуары Л.Д. Менделеева–Блок. Работа над ними велась с 1929 г. и до смерти мемуаристки (1939). Беспрецедентная по тем временам откровенность *И былей и небылиц о Блоке и о себе*, выводимая там ‘правда’ раскрывала драму совместной жизни в психоаналитическом дискурсе телесности, но опять же монологически и асинхронно (что породило распространенный подход с точки зрения гендера (Шоре 2003: 233–250). И только теперь, когда вышла в свет полная переписка Блока с Любовью Дмитриевной (Переписка 2017), мы наконец-то получили возможность увидеть ее без купюр и моногласности, а значит, имеем право

попытаться рассмотреть перформативно-эротические жесты, присутствующие в эпистолярном дискурсе, моделирующие дальнейшие поступки и поведение двух влюбленных. Статья Д.М. Магомедовой *Роман в письмах*, предваряющая восстановленный диалог двух, с исчерпывающей полнотой рассматривает двойственную роль Л.Д. Менделеевой–Блок в жизни поэта. С одной стороны, с нею связаны все главные события его душевной жизни, претворенные в целостный автобиографический миф, ее образом вдохновлены важнейшие произведения (начиная от *Стихов о Прекрасной Даме*, кончая драмой *Роза и Крест* и последними стихами 1916 г.). С другой – она выступила первым демифологизатором личных взаимоотношений с поэтом-символистом, “жестко и недвусмысленно” сформулировавшим “причину их семейного разлада” – “крайне ненормально сложившуюся половую жизнь” (Магомедова 2017: 3–4). Замена плотских отношений аскетическими, по единовластному решению мужа и при отчаянном сопротивлении молодой жены, – вот основная причина их драматических отношений, которые, по мнению Л.Д. Менделеевой–Блок, должны

быть проанализированы с помощью психоанализа З. Фрейда прежде всего.

Среди многообразных аспектов изучения переписки в контексте русского модернизма, с его воспринятыми от Вл. Соловьева жизнетворческими задачами, трансформирующими “тексты жизни” в “тексты искусства”, Д.М. Магомедова выделяет и тот, который представляет для нас особый интерес, – дискурсивные практики корреспондентов, их эпистолярные стратегии. Развивая наблюдения исследовательницы, попробуем более детально рассмотреть речевое поведение героев, которое менялось на разных этапах их отношений.

“Сакральное” и “профанное”: в поисках общего языка

Переписка Блока с женой отчетливо делится на два периода: 1901–1903 и 1907–1917 гг. Первый период охватывает события “мистического романа” до свадьбы 17 августа 1903 г., заканчиваясь с возвращением А.А. Блока из-за границы в июне того же года. Второй – вбирает в себя все драматические события после заключения супружеского союза, связанные с взаимными изменами (первой из которых,

как известно, был роман Л.Д. Блок с Андреем Белым), бурной эмансипацией Любови Дмитриевны от “функции жены поэта”, ее многочисленные отъезды, связанные с театральными гастролями, влюбленностями и т.д. В годы Первой мировой войны супругов разделяют территориально, но связывают эпистолярно исторические события. После революции, в августе 1917 г., они соединяются вновь и вплоть до смерти поэта живут вместе. Д.М. Магомедова прослеживает изменение стилистики писем корреспондентов в течение этих двух периодов. Самые первые записки выдержаны с обеих сторон в учтиво-официальном тоне. Они связаны с приглашениями на вечера или любительские спектакли. Корреспонденты обращаются друг к другу по имени-отчеству и на Вы, подписывают письма фамилиями или общепринятыми формулами прощания (“Л. Менделеева”, “Глубоко преданный Вам Ал. Блок”). В личном общении уже на самых первых шагах проявилось то различие дискурсивного поведения молодых людей, в котором, по верному замечанию автора вступительной статьи, “обнажается основа будущей семейной драмы Блока”. В неотправлен-

ном письме Л.Д. Менделеевой от 29 января 1902 г. она мотивировала необходимость разрыва отношений с поэтом: “Мне вдруг совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны, стало ново до чего мы чужды друг другу, до чего Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека, с живой душой, и не заметили, проглядели...” (Переписка 2017: 23–24)². Мистико-философский дискурс Блока вызывал резкое отторжение со стороны девушки, чувствующей свою экзистенциальную правду, свое право на самобытность. В своих поздних воспоминаниях Л.Д. Блок, приводя это письмо, комментирует его как “бунт” Прекрасной Дамы. Нельзя не согласиться с Д.М. Магомедовой в том, что девушка протестовала против навязываемой ей роли “в некоем жизнетворческом сюжете, который для нее чужд и непонятен” (Магомедова 2017:

² См. комментарий к этому письму (Магомедова 2017: 10; Игошева 2013: 276–277).

10). В этом раннем конфликте отчетливо прослеживается столкновение двух речевых дискурсов, “сакрального” у Блока и “профанного” у Любови Дмитриевны, за которыми стоят различия в понимании смысла и форм любви.

Решительное объяснение произошло 7 ноября 1902 г., после чего письма становятся ежедневными. Весь предсвадебный период дает огромное количество материалов для анализа эпистолярных стратегий жениха и невесты, пытающихся найти общий язык, понятный и приемлемый для обоих. И именно в этот период можно уследить вербализованные эротические жесты, указывающие на затаенно-бушующую чувственность влюбленных. В их наличии скрывалась, как кажется, альтернативная история развития любовно-семейных отношений Александра Блока и Любови Менделеевой.

Хорошо известно, что ранние письма Блока полны молитвенных обращений к обожествляемой возлюбленной. В этих лирических этюдах в прозе – прототексты *Стихов о Прекрасной Даме*, протообразы “многокомпонентного характера” их главной героини (Игошева 2013: 276). Поэт привлекает весь мировой вокабу-

лярий, чтобы выразить свое мистическое преклонение перед земным воплощением Божественного. В экстатическом религиозно-мистическом дискурсе Блока любимая девушка почти кощунственно наделяется литургическими предикатами Бога и Богородицы. Примеров сакрализации возлюбленной не перечесть. В неотправленном письме от 5–7 февраля 1902 г. он называет ее “земным воплощением пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности” (Переписка 2017: 33). В письме от 15 ноября 1902 г. пишет:

Ты – мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни Там. Ты Первая моя Тайна и Последняя Моя Надежда. [...] Ты – Звонящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя Неизреченную. Не принимай этого как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь, ни там. И ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя (Переписка 2017: 35).

Но не менее явно бьют ключи сильных эротических чувств влюбленного поэта: “Прекрасней Тебя – нет. Желанней Тебя – нет. Обольстительней Тебя – нет. Ты – вся женственность, не оставившая женщины, и женщина, не возмущающая женственности” (Переписка 2017: 43). В послании от 20 ноября 1902 г. сила его желания выражается в готовности выполнять любое, даже преступное приказание возлюбленной. При чаемой встрече, – обещает он, – “будет говорить страсть, не будет преград. Вели – и я выдумаю скалу, чтобы броситься с нее в пропасть. Вели – и я убью первого и второго и тысячного человека из толпы и не из толпы” (Переписка 2017: 46). Л.Д. Менделеева воспринимала мистический дискурс писем поэта-соловьевца настороженно, и роль, навязываемую ей влюбленным, изначально не понимала и не принимала: “Ты пишешь что-то, что я не совсем понимаю, но раз ты веришь всему этому, буду верить и я, пойму потом. Только где я возьму ‘гневную силу духа’?” (Переписка 2017: 74). Но Блок убеждает ее, соединяя земное и небесное поклонение в едином порыве страстной любви: “А Ты по-

верь мне до конца, что я люблю Тебя земной любовью, что больше этой любви нет пока, а потом только настанут иные времена. Но мне не надо их теперь, потому что в Тебе такой, как Ты есть – мое все, моя вера, мой Бог” (Переписка 2017: 77). В послании из Германии от 6/19 июня 1903 г. умоляет верить его любви, характерно ставя в один ряд божественные и земные имена: “Повтори, что веришь всему? Повтори, Искра Божественная, повтори, Дева, Богородица, Матерь Святая! Повтори, Любочка!” (Переписка 2017: 174). Можно приводить еще много подобных ультраромантических высказываний, но ограничимся этими цитатами. В них отчетливо видна экспансия мистериального дискурса, властное стремление поэта идеализировать Любовь Дмитриевну и “переключить” ее восприятие любовного сюжета в мистический регистр. Обращает также на себя внимание своеобразная “эротонимика” Блока: незначительные вариации “грамматических преобразований личного имени” возлюбленной (Эпштейн 2006). Это связано, вероятно, не только с удивительным совпадением любимой с именем самой Любви, но и с неукротимым желанием

увеличить количество божественных признаков, предикатов к их сакрализованному носителю.

Однако переписка свидетельствует, что Л.Д. Менделеева достаточно последовательно противостоит блоковской языковой стратегии, она не пытается подражать стилю писем Блока, сохраняя точность, немногословность и предельную конкретность своей речи, несомненно, тяготясь обязанностью писать. И тем не менее именно ее дискурс влияет на речь влюбленного поэта, вытесняя мистическую лексику за пределы общего эпистолярного пространства.

Эртодейксис

Если подойти к досвадебному этапу “романа в письмах” с точки зрения теории речевой коммуникации, то, наверное, не будет преувеличением рассматривать его как взаимодействие непрямого и прямого говорения об эросе. Так, чрезвычайно важно, что после решительного выяснения отношений 7 ноября 1902 г. короткое, но информативное письмо через день первой пишет Любовь Дмитриевна: “Мой милый, дорогой, бесценный Сашура, я люблю те-

бя! Твоя”. Комментаторы приводят характерную позднейшую мемуарную оценку Л.Л. Блок: “Отправленная мной записочка совершенно пуста и фальшива, уже потому, что никогда в жизни не называла я Блока, как в его семье, ‘Сашурой’” (Переписка 2017: 35). Тем не менее, сам текст письма не позволяет воспринимать его только как “фальшивку”. Наоборот, оно является принципиально важным “свидетельством поворота в развитии эпистолярного сюжета” (Берендеева 2011: 10); а домашнее имя “Сашура” пусть нечасто, но все же встречается в переписке и дальше. Особое же внимание обратим на подпись и специально затронем ее лингвистическое значение. Семантика притяжательного местоимения “твоя” (как и других из этого разряда) связана со значением посессивности (отношения между двумя субъектами или объектами, которое определяется идеей обладания одного из них другим). Если реальный указующий жест эквивалентен указательному местоимению (Лотман 1992: 221), то в дискурсивной речи эмфатически выделенное местоимение приобретает семантику жеста, семиотизируется, становясь дейктической отсылкой к подразуме-

ваемому референту высказывания. Поэтому смелое употребление местоимения в субстантивной форме, в качестве единственно истинного именования пишущей, можно назвать ‘эротодейксисом’³, указанием на эротическое движение. Оно психологически точное, максимально знаковое для перехода на новый виток отношений с возлюбленным – отношений эротических прежде всего. Оно заряжено жестом отдачи, объятия, слияния до неразличимости, но при этом сохраняет максимальную дейктичность, формальность, в каждом отдельном случае наполняемую семантикой животрепещущей любовной конкретики. Его можно назвать “любовной фигурой речи” (по Р. Барту) в утопическом языке любви, где на первом месте – магическое перформативное слово, “контрзнак”, сверхслово, “холофраза ‘я–тебя–люблю’” (Барт 1999: 418–419), вторым же по значимости компонентом являются “знаки дейктические,

³ Предлагаемый термин, как кажется, вполне отвечает описываемому феномену. Дейксис (греч. δειξίς – указание) – указание как значение или функция языковой единицы, выражающая отношения между участниками общения с помощью лексических и грамматических средств.

чистые указательные жесты, демонстрирующие уникальность и неопределимость 'любимого объекта'" (Барт 1999: 372).

Архетипичность этой фигуры любви, ее древность подтверждается ее фольклорным бытованием. Фраза "Ты моя, я твой" встречается, по наблюдениям А.Н. Веселовского, "в целом ряде народных песен" (Веселовский 1989: 290)⁴. Ее отзвук, наряду с литературными традициями, можно услышать в знаменитом фрагменте письма Татьяны Лариной к Онегину, когда героиня резко меняет речевую ситуацию с "положительной недоступности" (вежливости, почтительности) "вы" на "положительную доступность" (интимность, дружественность) (Мельчук, Жолковский: 891) и произносит максимально энергичное, бесповоротное по решимости признание, моделирующее совершенно новые – любовные – отношения между прежними светскими знакомыми: "... То воля неба: я твоя"⁵. В подписи Любви

⁴ В просторечном узусе до сих пор можно услышать название мужа/жены – "Мой/Моя" (напр., "А мой-то на рыбалке").

⁵ Ю.М. Лотман, ссылаясь на В.В. Набокова и подчеркивая значимость смены местоимения с официально-уважительного на интимное (Набо-

Менделеевой – "Твоя" – можно, таким образом, увидеть и литературную манерность, и наивно-непритязательный голос простой русской девушки, интуитивно заговорившей на древнем языке любви. Но в любом случае на первом плане экспрессия полного подчинения другому, отказа от себя ради слияния с ним, ближе всего напоминающее эротическое расторжение граней, как сказал бы Вяч. Иванов.

Блок мгновенно улавливает эту интенцию и подхватывает ее⁶. Об этом говорят его формулы прощания в ближайших ответных письмах: "Твой, пока живу, пока дышу, до конца" (12 ноября); "Твой до конца" (13 ноября); "Люблю Тебя. Твой"

ков 1998), пишет о том, что это хорошо известный прием по французским эпистолярным романам того времени и что "фразеологическое клише в последней строчке непосредственно восходит к *Новой Элоизе Руссо*" (Лотман: 625).

⁶ Отметим, что такой подписи больше нет в письмах поэта ни к одному корреспонденту, даже к самым близким друзьям и к матери, с которой его связывало не только биологическое, но и душевное родство. Во всех случаях местоимение "твой" в формуле подписи всегда выступает как определение, а не субстантив, заменяющий имя. Ср.: "Твой Ал. Блок" (С. Соловьеву), "Твой Сашура" (матери), "Твой любящий Ал. Блок" (Андрею Белому) и т.д. (Блок 1963: 64, 85, 104 и др.).

(14 ноября) и т.д. Он каждый раз подчеркивает это местоимение, употребляемое в именной позиции в формуле прощания, как ставшее общим “чужое слово”, признавая первенство девушки в нахождении точного языкового воплощения их чаемой полной близости, духовной, душевной и физической. Все досвадебные письма делятся на две группы: меньшая их часть вообще не подписывается отправителями, большая – содержит подпись “Твой” / “Твоя”. Это субстантивное местоимение и является двуединым мистико-эротическим жестом, указывающим на обоюдно признаваемую реальную точку в бытии – невыразимо волнующую точку пересечения их судеб, с полной отдачей себя другому.

В результате можно говорить о том, что хотя для Блока на первом плане был сакральный дискурс, он легко откликнулся на иницилируемый Л.Д. Менделеевой страстно-эротический модус эпистолярия, соответствующе интонирующий простоту и непритязательность ее стиля. Отъезду поэта с матерью за границу накануне свадьбы мы обязаны необыкновенно насыщенной во многих смыслах перепиской между женихом и

невестой, из которых по необходимости мы затрагиваем только один – любовный дискурс. Письма Блока, поначалу носящие мистически-эротичный, литературный, цитатный характер, постепенно начинают меняться, не только упрощаться по языку, но и все больше и больше наполняться чувственностью, горячим, задышающимся ритмом, осязательными образами, кружащими голову корреспондентам. Он умоляет невесту: “... пиши все, пиши о страданиях, пиши о муках Твоих, но пиши и о страсти Твоей, ибо я знаю о ней, Ты рассказала мне о ней, Ты, Дивная, вдохнула ее в меня, Ты заставила меня просить и молить Тебя о ней” (письмо от 6/19 июня 1903 г.) (Переписка 2017: 173).

Наращение эротического напряжения прослеживается также в выражениях трепетно-страстного поклонения возлюбленной, семиотически обозначенного жестом целования: “Целую складки Твоего платья” (14 декабря 1902), “Почтительно и страстно целую Твои маленькие, белые руки и Твои золотые волосы” (10 мая 1903), “за Твои письма Твои ноги целую” (4/17 июня 1903), “туфельки Твои целую” (5/18 июня 1903). Но эта утонченная

эротика, вероятно, не соответствовала сокровенным ожиданиям невесты.

Характерно, что в ее досвадебных письмах формула прощания неизменно пассивна: она никогда не использует слово “целую” (за исключением “Поцелуй маму”). Вся любовная энергия концентрируется в субстантивном местоимении “Твоя”. В письме же от 9 июня 1903 г. она не выдерживает и почти требует: “Милый, милый мой, ненаглядный, голубчик, не надо и в письмах целовать ноги и платье, целуй губы, как я хочу целовать долго, горячо” (Переписка 2017: 178). В большом ответном письме от 14/27 июня 1903 г., в котором затрагиваются самые важные проблемы будущей семейной жизни, Блок пишет: “Ты совсем выросла и стала из ребенка женщиной. И потому мне иногда сразу представляются ‘рядом’ наши возрасты, оба сильные, молодые и жгущие друг друга” (Переписка 2017: 193). И дальше отзывается на ее требование:

Ты написала письмо, подождала и подумала. Потом сделала приписку быстрой и стыдливой рукой. Я целую Тебя в губы, как ‘я хочу цело-

вать’ – ‘долго и горячо’. Я прижимаю Тебя близко и чувствую, что Ты дышишь ‘долго и горячо’. Вижу близко Твои брови, Твои волосы, Твои глаза, Твое горящее лицо. А все-таки – ноги и платье, прости, я не могу не поклоняться. Я целую Твой горячий след. Я страстно жду Тебя, моя Огненная Царевна, Мое Зарево (Переписка 2017: 193).

По письмам отчетливо видно, как мистическое поклонение все настойчивее вытесняется томительными эротическими мечтаниями. Так, Блок описывает невесте свой сон:

[...] точно Ты назначила мне тайное свидание где-то и близко и далеко, в тени, у воды. Тут будто вся ночь только для того, чтобы незаметно и тайно от всех сильно и страстно сжать Тебя в объятиях в шепчущей тишине, прижаться к Твоим губам, увести Тебя на край города, будто на край земли, слушать Твой долгий медленный шепот. Мне нужно, чтобы Ты зажала мне губы поцелуями без конца и заставила все

забыть, чтобы предаться Тебе страстно и надолго, без единой мысли (Переписка 2017: 196).

О несомненном влиянии Л.Д. Менделеевой на выработку общего эпистолярного дискурса говорит сам поэт в письме от 14/27 июня 1903 из Бад-Наугейма. Называя возлюбленную “гением молчаливой надежности”, он пишет: “Ты, кроме утверждения прочности нашей будущей жизни (ведь это канва – и все остальное с этим не страшно), делаешь для меня великую вещь: ‘опрощайшь’ меня” (Переписка 2017: 192). Не тут ли начало пути “вочеловечения”, который впоследствии станет магистральным в его автобиографическом мифе? Чувственная страстность и “опрощение” стиля увязываются в одно целое. 22 июня / 5 июля 1903 г. Блок пишет о своей “страсти, доведшей” его “до бешеной ревности”. При этом совершенно отчетливо он признает, что инициатором таких сильных, “земных”, страстей выступает невеста: “Вот она – та ревность, которой ‘Ты хотела’. ‘Ты хочешь ее’, в ней много сильного и ‘угодного для будущего’. [...] Ведь Тебя же влечет ко мне, потому что я весь – одна страсть, одно безмерное,

вылившееся из границ чувство” (Переписка 2017: 214–215). А на следующий день признается: “Твое влияние я чувствую во всей силе. Какое хорошее и свежее! Мне уже хочется так попроще сказать, чтобы опять не уйти в слова, которыми все равно ничего не скажешь” (Переписка 2017: 218).

Таким образом, диалогичность предсвадебных писем Блока проявляется в проникновении в его спиритуалистический дискурс страстно-эротических интонаций, выражений и намеков, вполне откровенно соответствующих томительному ожиданию невесты. Высокая поэзия языка страсти не могла не воздействовать на эмпатийное прочтение этих строк девушкой, на ее представление о семейном блаженстве. В целом, ранние письма удобно охарактеризовать, используя выражение В. Шкловского о монологе Джульетты: “Мысль дается как бы в ряде любовных прикосновений” (Шкловский 1966: 87). Эти вербализованные “прикосновения” инициированы были невестой, услышаны и усилены – женихом.

Здесь уместно провести допустимую параллель между эротодейксисом в досвадеб-

ной переписке Блока и Менделеевой и в других любовных посланиях, близких по времени написания. Интересно для сравнения заглянуть, например, в еще один эпохальный “роман в письмах” – Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. На первом этапе их страстной взаимной любви в письмах встречается аналогичная субстантивация притяжательного местоимения в письмах Лидии Дмитриевны: “Твоя”, “Твоя, твоя” (Переписка 2009: 146, 199 и др.). Но чаще подписи корреспондентов соответствуют формульному сочетанию местоимения и имени или инициалов: “Твоя Лидия”, “Твоя вся Лидия”, “Твой Вячеслав”, “Твой В.” и др. (Переписка 2009: 169, 473 и далее). Причем Иванов ни разу не подписывается просто “Твой”.

То же самое можно увидеть в полной драматизма переписке М. Волошина и М. Сабашниковой, где форма подписи с семантикой полной отдачи встречается крайне редко и только со стороны девушки: напр., в письме от 5/18 октября 1905 г. из Берлина она пишет: “Не тоскуй без меня. Я Твоя, с Тобой” (Волошин 2013: 603). Но Волошин так же, как Блок и многие другие его современники, стремился преодо-

леть “земную” страсть, отказаться от власти полового инстинкта, преобразить эрос. Он рассуждает в письме к Сабашниковой от 1/14–2/15 ноября 1905 г. на эту животрепещущую тему: “...в чем наше с тобой ‘уродство’. В нас обоих есть ‘пол’, но он одинаково отступает назад пред чем-то сильнейшим, высшим. Может, в нас с тобой уже первые проблески того человечества, которое победит двойственность, но победит не отречением, а каким-то особым признанием, переходящим пределы” (Волошин 2013: 689). Уже после свадьбы, так же носящей спиритуалистический характер, Волошин отвечает жене: “Меня ужасно смешит твоя фраза: ‘У нас какая-то проституция, а не семья’. Милая, милая моя... Да разве у нас есть ‘семья’? У нас Содружество и как там угодно, но не семья” (Волошин 2015: 162). Но после всех перипетий с Ивановыми, Маргарита Сабашникова до самых последних писем к мужу почти всегда сохраняет подпись с домашним именем: “Твоя Аморя”, редко – “Твоя”, переводя эротически насыщенный вербализованный жест в традиционную формулу прощания близких людей.

Но, пожалуй, наиболее выразительная аналогия встречается в переписке В. Брюсова и Н. Петровской, где оба корреспондента на протяжении сильных и мучительно-страстных для обоих отношений из письма в письмо подписываются этим субстантивным местоимением, удваивая, утраивая его, сопровождая восклицательными знаками, графически выделяя и т.д. Привести постранично все случаи невозможно, остановимся на некоторых произвольно выбранных формулах Брюсова: “Твой, – да! еще совсем, совсем Твой Валерий”, “Твой! Только Твой! Валерий” “Я Твой! Твой! Твой Валерий” (Переписка 2004: 67, 109, 113). Отметим попутно, что Брюсов, как ни бы форсировал интонационные и синтаксические средства, чтобы разнообразить формулу прощания, придать жизненность и убедительность вербализованному эротическому жесту, все же никогда не забывает в конце поставить своей имя или хотя бы его инициал, что, как кажется, указывает на некоторую условность, самообъективированность (или, говоря по-просту, он никогда не забывает о себе, не растворяется в другом до конца). Значительно отличается подпись Н.

Петровской, которая так же, как и Л. Менделеева, а за ней и А. Блок, вкладывали всю страсть в короткое, но сильное по экспрессивному воздействию посессивное местоимение, которое и представляет в чистом виде эротический жест эпистолярного дискурса. Но если “Рената”, в силу жизненных обстоятельств, сохранила свое чувство неизрасходованным и неизменным (что отражается в постоянстве ее подписи – “твоя”), то у героев “мистического романа” все поменялось кардинальным образом – не только в жизни, но и во второй, значительно более обширной части переписки – с 1904 по 1917 гг.

“Товарищи”: филия vs. эрос

Первая глава “романа в письмах”, достигшая пика эротической страстности, обрывается, когда поэт возвращается из-за границы. Дальнейшее мы знаем из мемуаров разочарованной новобрачной: “Отвергнута, не будучи еще женой”. Показательно, что с первых шагов аскетически-бесплотной семейной жизни супруги создают новый язык, “домашний”, отражающий чистоту и детскость их взаимоотношений. “Прежде всего это сказывается на номинации

участников переписки (Люба – милая – Буся – Бу – Заяц, Зайц, Зайчик – Зайчик / Саша – милый мой – хозяин) и в обращениях, и в самоназваниях”, – пишет Д.М. Магомедова, тонко замечая, что шуточный “домашний” язык “оказывается в переписке и в реальной семейной жизни Блоков неизменным средством, позволяющим уходить от драматического напряжения во взаимоотношениях. [...] Если домашний язык сохранен, значит, сохраняется и возможность продолжения общей жизни” (Магомедова 2017: 15).

Это конструктивное замечание применимо и к анализу изменения подписей и формул прощания в письмах разных лет. Выработанный совместно до венчания эпистолярный дискурс кардинальным образом меняется на втором этапе переписки. Бросается в глаза полное исчезновение мистического языка Блока. Общение переходит в “земной” план, по конкретным поводам, и чаще всего он связан с отъездами Любви Дмитриевны на гастроли или ее любовными увлечениями. “Роман в письмах” из романтического и мистического переходит в реалистически-психологический. Меняется речевое поведение корреспон-

дентов. Позиция жены чаще всего активна, она риторически поддерживает любовь к мужу, который “отпустил ее на свободу”. Риторически не значит неискренно, но традиционные “формулы” любви, которые Любовь Дмитриевна “твердит от письма к письму” (Магомедова 2017: 17), теряют свою действенность и выглядят заученными жестами, часто навязчивой жестикуляцией. Где бы и с кем бы она ни была, ее послания неизменно заканчиваются “поцелуями”, которые выглядят вполне “формульными”, ритуальными, восполняя отсутствующие в реальности эротические чувства. В письмах поэта, наоборот, за редким исключением полностью отсутствует “целование”, никаких страстных излияний, никаких намеков на чувственность, так сильно заряжавшую его предсвадебные послания: его тон сдержан, заботлив, почти всегда нежен, хотя в критические моменты окрашен нотами тоски и страдания от одиночества.

Установившиеся после свадьбы отношения милого “товарищества”, шутливой детскости и ушедшего в подтекст разочарования в мечте о счастливом браке ярче всего проявляются в подписях писем. Динамика их изменения

свидетельствует о нарастании отчужденности. Исчезает в первую очередь принятая раньше форма субстантива притяжательного местоимения “Твой” / “Твоя”. Сначала его употребление в письмах Л.Д. Блок переходит в стандартную языковую конструкцию, смягченную домашним именованием (“Твоя Буся”), затем от этого имени остается начальная буква (“Твоя Б.”, “Твоя Л.”), гораздо чаще встречается отстраненно-объективированное “Люба”, в последние же годы устойчиво используются инициалы (“Б.”, “Л.”, “Л.Б.”), выступающие чистыми знаками присутствия. Аналогично ведет себя Блок, подписываясь сначала “Саша”, “Твой Саша”, но чем дальше, тем чаще – “А.”, “А.Б.” В письме от 12 ноября 1912, где он просит жену, увлеченную новой любовью к К.К. Кузьмину-Караваеву, оставить домашний язык, встречаем даже полную официальную подпись отчужденного характера: “Александр Блок”.

Однако в переписке есть один момент, ознаменованный рецидивом обращения к ранней подписи. Инициатором опять выступает Любовь Дмитриевна, впервые переживающая счастье в любовных отношениях с актером К. Давидов-

ским. Судя по содержанию писем, зарождение нового чувства воскрешает в ней, очевидно, по контрасту, память об идеально-мистической любви юности. В ее февральские и мартовские послания мужу из гастрольных городов, намекающие на новый роман, возвращается подпись “Твоя”. Затем следует письмо от 24–30 марта 1908 г., в котором она просит развода: “... жить нам вместе кажется невозможно” и отчужденно подписывается “Люба” (Переписка 2017: 292). Угроза развода вызывает мучительную тревогу Блока. Далеко не случайно многие его ответные письма в апреле-августе подписываются заветным кодовым словом “Твой”. Все это прочитывается как попытка сохранить семейный союз, апеллируя к мистико-эротическому идеальному опыту начальных отношений. Взаимными уверениями в единственности их любви, в необходимости вернуть утрачиваемое духовное родство наполнены письма этого драматического периода. Пожалуй, наиболее точно состояние Л.Д. Блок передают ее слова из письма от 22 июля 1908 г.: “К тебе, с тобой, найти себя твою опять, опять” (Переписка 2017: 319). Они выглядят почти стихами – ритмичные, кон-

центрированные, семантически нагруженные. В них все – и стремление вернуться и быть с тем, кто видел в ней воплощение Вечной Женственности, но не был изначально равнодушен и к ее женскости; и надежда найти себя прежнюю, блоковскую Прекрасную Даму, и в то же время тоска от неизбежности возвращения (“опять, опять”). Крест сублимированного эротизма... Показательно, что письма, отправленные обеими сторонами в один день, 2 августа 1908 г., накануне возвращения домой жены Блока, беременной от К. Давидовского, в последний раз подписываются “Твой” / “Твоя”. Это выглядит как рецидивный всплеск когда-то страстной земной привязанности. Эхо прошлого. Больше в переписке одиночное поссессивное местоимение, с его значениями “владения, обладания”, не появится никогда.

Но до конца останется формула прощания, впервые появившаяся в письме Любви

Дмитриевны от 19 мая 1907 г. из Шахматова. Она пишет мужу, увлеченному в тот момент актрисой театра В.Ф. Коммиссаржевской Н.Н. Волоховой: “Милый, целую тебя, Господь с тобой!” (Переписка 2017: 243). Это благословляющее и всепрощающее выражение, подхваченное Александром Блоком в ответном письме от 21 мая, станет постоянным символом их нежности и своеобразной верности друг другу, несмотря на все измены и ошибки. В нем жесты любовной риторики уступают место интонации высокой дружбы-любви. Иными словами, вся начальная энергия эроса преобразуется в жесты филии, выражающие сложные, противоречивые отношения между А.А. Блоком и Л.Д. Менделеевой-Блок, странный феномен их любви и брака, вписывающийся в жизнетворческие теории и практики русского модернизма.

Библиография

Барт 1999: Р. Барт, *Фрагменты речи влюбленного*, Ad Marginem, М., 1999.

Берендеева 2011: И.А. Берендеева, *Приметы романной формы в письмах А. Блока к Л.Д. Менделеевой 1901–1903 гг.* // «Шахматовский вестник», вып. 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения поэта (10–12 октября 2010), ИМЛИ РАН, М., 2011.

Блок 1963: А.А. Блок, *Собрание сочинений: в 8 т., Письма 1898–1921*, Гос. Издат, М.–Л., 1963, т. 8.

Веселовский 1989: А.Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, Высшая школа, М., 1989.

Волошин 2013: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1903–1905, Эллис Лак, М., 2013, т. 11, кн. 1.

Волошин 2015: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1906–1924, Эллис Лак, М., 2015, т. 11, кн. 2.

Елистратова 1973: А. Елистратова, *Эпистолярная проза романтиков // Европейский романтизм*, Наука, М., 1973, с. 309–351.

Игошева 2013: Т.В. Игошева, *Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма*, Глобал Ком, М., 2013.

Иоффе 2005: Д. Иоффе, *Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь ↔ текст* // «Критика и семиотика», 2005, вып. 8, с. 126–179.

Лотман 1992: Ю.М. Лотман, *Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория* // Ю.М. Лотман, *Избранные статьи в 3-х тт.*, Александра, Таллинн, 1992, т.1, с. 296–336.

Лотман 2003: Ю.М. Лотман, *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* // Ю.М. Лотман, *Пушкин, Искусство–СПБ, СПб.*, 2003, с. 391–762.

Магомедова 2017: Д.М. Магомедова, «Роман в письмах»: *Переписка Александра Блока с женой (1901–1917 гг.)* // А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. *Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017, с. 3–18.

Мельникова 1984: Н. Мельникова, *Проблема цельности личности в письмах А.А. Блока* // «Literature» = «Литература», Vilnius, 1984, 26 (2).

Мельчук, Жолковский 1984: И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*.

Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики, Wiener Slawistischer Almanach, Вена, 1984.

Матич 2008: О. Матич, *Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России*, Новое литературное обозрение, М., 2008.

Орлов 1978: Вл. Орлов, *Сны и явь // А.А. Блок, Письма к жене*, Наука, М., 1978 (Литературное наследство, т. 89).

Павлова 2004: М.М. Павлова (сост.), *Эротизм без границ: сборник статей и материалов*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2004: *Валерий Брюсов – Нина Петровская. Переписка: 1904–1913*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2009: *Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева–Аннибал. Переписка: 1894–1903*, Новое литературное обозрение, М., 2009, т. 1.

Переписка 2017: *А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017.

Шкловский 1966: В. Шкловский, *Метафора и сюжет // В. Шкловский, Повести о прозе. Размышления и разборы*, Художественная литература, М., 1966, т. 1, с. 86–89.

Шоре 2003: Э. Шоре, *“Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...”: Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой–Блок // Э. Шоре, К. Хайдер (ред.), Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования: Сб. статей*, РГГУ, М., 2003, вып. 3.

Эпштейн 2006: М. Эпштейн, *Любовные имена. Введение в эротонику. Статья-поэма // «Октябрь», 2006, №7*, <http://magazines.russ.ru/october/2006/7/ep12.html>, 17 июня 2018.

Анна Сергеева–Клятис

“На предложенный Вами [...] вопрос я отвечаю еще раз – нет”: переписка В.Ф. Комиссаржевской с С.С. Татищевым

“I Answer Again 'No' to the Proposal You (...) Made”: The Correspondence between Vera Kommissarzhevskaja and Sergei Tatishchev

The present article offers for the first time a detailed analysis of the relationship between the actress Vera Kommissarzhevskaja and the diplomat and philanthropist Sergei Tatishchev. New details are given in particular on Tatishchev's marital status. The letters shed new light on his figure and role in the fate of Kommissarzhevskaja, whose personal letters to Tatishchev are also published for the first time. The main aim of the present article is to reveal new facts on Kommissarzhevskaja's biography based on her epistolary exchange with Tatishchev.

Актриса Вера Федоровна Комиссаржевская впервые познакомилась с Сергеем Спиридоновичем Татищевым в Вильно в то время, когда два сезона в 1894–1896 годов работала в антрепризе К.Н. Незлобина. Восторженный почитатель актерского таланта, заядлый театрал, Татищев был покорен игрой Комиссаржевской. Уезжая в столицу, он предложил ей помощь в устройстве карьеры, между ними завязалась переписка. Татищев был успешным дипломатом, работал в разных российских посольствах Евро-

пы. Во время Русско–турецкой войны поступил добровольцем в Дунайскую армию, служил в гусарском полку и участвовал в знаменитом кровопролитном сражении под Плевной. В начале 1880-х годов состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел. По личному поручению В.К. Плеве подготовил исследование *История социально–революционного движения в России. 1861–1881 (1897)*, которое считается первой аналитической работой по истории русского терроризма. Татищев придерживался кон-

сервативных взглядов и старался по мере сил бороться с развивающейся эпидемией революционности. Выйдя в отставку, сотрудничал в нескольких журналах, вел политическое обозрение в «Русском вестнике». Однако известен он прежде всего своими историческими трудами: пятисотлетней историей рода Татищевых, биографией Александра III.

В начале 1870-х годов, когда Татищев работал в Российском посольстве в Вене, несмотря на свое аристократическое происхождение и высокий дипломатический статус, он был фактически гражданским мужем скандально известной опереточной артистки Гермины Майерхоф, которой в это время было чуть больше 20 лет. В 1877 году в Париже у них родилась дочь Мария, после чего они на время расстались: Татищев участвовал в военных действиях, Гермина продолжала свою театральную карьеру в Вене, совершая триумфальные гастрольные поездки по всей Европе. В 1888 года г-жа Майерхоф покинула сцену, и в том же году Татищев заключил с ней официальный брак. По-русски она была записана как Герминия Юрьевна Мейергоф. Жили они – то в России, то в

Европе. Умер Татищев в Граце в 1906 году (Карцов 1916; Брокгауз, Ефрон 1907).

Видимо, драматический талант Комиссаржевской покорил Татищева не меньше, чем вокальные данные Гермины Майерхоф. Влиятельный вельможа предложил начинающей актрисе свою помощь – обещал переговорить с директором императорских театров И.А. Всеволожским. Александринский театр – главная сцена страны – был заинтересован в том, чтобы привлечь Комиссаржевскую в свою труппу, но условия, которые предлагались на первых порах, ее не устраивали. И она просила Татищева выступить от ее лица. Правила для поступающих на императорскую сцену актеров были общими: обязательно полагался дебют, который посещали все представители администрации и художественной части театра. И только после удачного дебюта принималось решение о предоставлении актеру контракта, который подписывался сразу на три года, лишая актера свободы передвижения. Комиссаржевской такая жесткая зависимость была не по нраву. Она требовала возможности поступления в театр без дебюта, с контрактом на один год, с жалованьем в 4000

рублей¹, пользованием казенным театральным гардеробом² и правом выступить осенью (то есть сразу после начала сезона) в трех пьесах по ее выбору. Татищев усердно вел переговоры, но встречал на этом пути довольно жесткое сопротивление, связанное с косностью любой государственной структуры и ее традиционным консерватизмом. Не уступала и Комиссаржевская. В своих письмах она ясно и настойчиво требует желаемого. “Я отлично понимаю, что Всеволожск<ий>, не выдав меня ни разу на сцене, не может подписать со мной контракт, какие бы блестящие отзывы обо мне ему ни давали”³, – видимо,

¹ Такое жалование за сезон – довольно низкая оплата труда для актера Александринского театра, однако Комиссаржевская только поступала в труппу и еще не обладала авторитетом признанной большой актрисы. Она шла на это, потому что просила для себя уступок (контракт на год вместо трех), которые компенсировались невысокой зарплатой, а, кроме того, в сравнении с тем, что она имела у Незлобина (250 рублей в месяц и собственный гардероб), это все же было значительное улучшение.

² Практически во всех провинциальных театрах, да и во многих мелких столичных, костюмы для спектаклей актеры должны были шить из своих собственных средств.

³ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, ноябрь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 50).

соглашается она с доводами Татищева. Однако:

Не желать поступить на импер<аторскую> сцену было бы дико. Но я Вам и объяснила и ‘доказала’ (припомните наш последний разговор), что не могу идти на импер<аторскую> сцену иначе как при тех условиях, какие я предлагаю. Если я им нужна, то они согласятся, так как я ничего невозможного не прошу, а если я им не нужна, то не лучше ли мне ехать в какой-нибудь университетский город и занять там такое положение, при котором не страдало бы мое самолюбие и нервы; тем более, что последние, благодаря сложившейся жизни, достаточно расшатаны⁴.

Обратим внимание на твердость в заявлениях актрисы и ее раздраженную интонацию. Преодолевая препятствия, она упорно стремилась к максимальной свободе выбора. Конечно, эта свобода была тесно связана с желанием полно-

⁴ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, октябрь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 48).

стью отдаваться служению искусству. Духовные устремления Комиссаржевской были неотъемлемой частью ее профессионального пути, и она прекрасно понимала, как нужно наиболее эффективно его выстраивать. “Торопиться с выяснением этого вопроса заставляет меня следующее: я получила два очень хороших приглашения на будущий сезон и должна дать ответ. [...] Для меня это вопрос очень важный, так как раз я не сойду с императорским театром, то не хочу пренебрегать хорошими приглашениями”⁵. Несмотря на хлопоты Татищева, Комиссаржевская осталась в театре Незлобина на второй сезон: ей был предложен контракт с повышением жалованья, и она подписала его. Татищев прилагал всевозможные усилия, чтобы вытащить Комиссаржевскую в Петербург – если пока не на императорскую сцену, то хотя бы в знаменитый столичный театр его коллеги и единомышленника А.С. Суворина, с которым он сотрудничал в периодических изданиях. Но Комиссаржевская как будто избегает этой чести. Она пишет Татищеву,

⁵ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, середина ноября 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 49).

видимо, отвечая на его упреки:

Ни на минуту я не “пренебрегала” вашим желанием и стремлением расчистить мне дорогу к цели, к достижению которой направлены все мои помыслы. Но я не виновата, что ряд обстоятельств помешал мне до сих пор воспользоваться Вашей милой предупредительностью. Зачем Вы мне говорите “одумайтесь!”, будто бы я сама не понимаю всей целесообразности Ваших советов?! Я с удовольствием бы приняла предложение Суворина, прямо с большим удовольствием, но я кончила в Вильно, заключила контракт и не выполнить его не могу. Вы скажете, напрасно я торопилась, и будете правы, но я не могла иначе сделать⁶.

Конечно, Комиссаржевская приняла решение продлить контракт с Незлобиным не в результате минутного порыва. Она все хорошо продумала – покорять императорскую сце-

⁶ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, 28 июля 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 46).

ну она планировала явиться прямо из провинции, суворинский театр – лишняя ступенька, она не хотела, чтобы к ней привыкали в столице: “Если я им нужна, то они согласятся”.

Зададимся вопросом: почему Татищев на протяжении почти двух лет прилагал упорные усилия, чтобы перетащить Комиссаржевскую на столичную сцену? Было ли в этом неуклонном желании только стремление помочь молодому дарованию и послужить таким способом искусству? Из сохранившегося эпистолярия с очевидностью следует, что нет. Ю.П. Рыбакова предполагает, что Татищев сделал Комиссаржевской предложение руки и сердца, на которое та ответила отказом (Рыбакова 1971: 36). Это предположение нам приходится отвергнуть в силу неоспоримого факта – в то время, когда Татищев окружал своим вниманием Комиссаржевскую, он был уже женат на Гермине Майерхоф, с которой оставался в официальном браке до самой своей смерти. Ю.П. Рыбакова сравнивает ситуацию Татищев – Комиссаржевская с драматургическим дуэтом Великатов – Негина (А.Н. Островский *Таланты и поклонники*), однако правильнее было бы сравнить

ее с другой литературной парой: Лариса – Кнуров (*Бесприданница*). Татищев предлагает Комиссаржевской не столько содержание, сколько просто свои чувства, в природе которых трудно усомниться. Ну и, конечно, – совместное путешествие в Париж.

Татищев зовет Комиссаржевскую в Париж во время Великого поста 1896 года, заманивая ее возможностью сыграть на парижской сцене. Она с большим интересом откликнется на это предложение: “[...] Скажите мне, – взволнованно спрашивает она в письме, – если бы я нашла средства поехать этим постом за границу, помогло ли бы это, то есть придвинуло бы возможность сыграть мне в Париже в 96 году. Конечно, я попросила бы тогда Вас познакомить меня с кем нужно заранее”⁷. Попутно она ссылается на семейные причины, которые могут помешать исполнению ее планов, под семейными причинами подразумевая безденежье и тяжелые долги, из которых никак не удавалось вырваться. Прочитав про “семейные причины”, Татищев уверен, что речь идет о новом замужестве. В следующем письме Комис-

⁷ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, после 20 декабря 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 52).

саржевская успокаивает его: “Даю Вам слово, что упомянутые мной семейные условия не имеют никакого отношения к моему сердцу и предполагаемая Вами причина никогда не могла бы заставить меня изменить направление пути, по которому я иду [...]”⁸.

Попытаемся ответить на вопрос: как же относилась сама Комиссаржевская к своему “другу и попечителю”, как она называет Татищева в одном из писем, и чего ожидала от этой “дружбы”? Думается, что ни минуты не сомневалась в природе интереса к ней Татищева: она была уже вполне зрелой женщиной, пережившей серьезную личную драму. Однако, вероятно, рассчитывала все же на искренность его желания помочь ей продвинуться вне зависимости от того, как сложатся их личные отношения. Собственно – была права. Благогородства Татищева вполне хватило на то, чтобы вести многомесячные переговоры с Александринским театром и добиться принятия тех условий, которые настойчиво выставляла Вера Федоровна. Была ли она осмотрительна в этих отношениях? Очевидно, что нет. Письма Татищеву

⁸ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, конец декабря 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 52–53).

полны намеков, полупризнаний, полусогласий, из которых, при определенном складе мышления, можно сделать далеко идущие выводы: “На второй неделе поста я буду в Петербурге, и мы с Вами увидимся и обо всем переговорим, а переговорить мне с Вами хочется и надо об очень многом, многое Вам сказать, о многом спросить и составить сообща программу будущего моего в том направлении и смысле, какие Вас интересуют или по крайней мере интересовали очень недавно”⁹.

О каком будущем идет речь? Только ли об артистическом или Комиссаржевская намекает на личные отношения? “Еще раз повторяю, мне ужасно бы хотелось Вас повидать и поговорить об очень многом. Сообщаю Вам свои местопребывания, может быть, Вы найдете какую-нибудь возможность добраться до меня”¹⁰. В это время Татищев находится в Мариенбаде, и Комиссаржевская настойчиво зовет его либо в Старую Руссу, где проходят ее летние гастролы, либо на Кавказ в Су-

⁹ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, декабрь 1894 – январь 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 44–45).

¹⁰ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, 28 июля 1895 года* (Комиссаржевская 1967: 46).

хум–Кале, куда она собирается отправиться в августе для встречи с отцом, либо, в конце концов, в Одессу, через которую, видимо, предполагает возвращаться обратно. Весь этот маршрут ей самой представляется неудобным для назначения свидания, и тем не менее в письме упорно повторяется: “Напишите поскорей – а лучше всего приезжайте”; “невозможно писать, а поговорить надо”.

Приведем полностью одно из ее писем С.С. Татищеву, в силу его очевидной двусмысленности не включенное ни в одно эпистолярное собрание Комиссаржевской и публикуемое здесь впервые:

Ох, и трудную же Вы на себя обязанность взяли, добрейший Сергей Спиридонович! Видите, начинаю с ослушания: Вы просили написать Вам, если получу какие-нибудь известия из Петербурга, а я, следуя лишь своему желанию, пишу Вам, не дождав-шись ниоткуда никаких известий. Вам не понравилось мое “*merci*”, ну позвольте мне заменить его другим словом, тем, которое я говорю, желая сказать что-нибудь от

души, а именно – спасибо. Ничего не сказать я, право, не могу. Не знаю, будут ли когда-либо иметь основание благодарить Вас русское общество и искусство [речь идет о трудах Татищева по продвижению Комиссаржевской на Императорскую сцену – А. С.–К.], знаю только, что я всегда буду благодарна Вам, хотя бы Вы мне не оказали ни малейшей услуги. Вы так тепло, с такой искренностью, которой я не имею ни малейшего ни основания, ни желания не доверять (это ответ на Ваше “кажется’, доверчиво отнеслись ко мне”, простите за скобки, но спешу предупредить, что не умею положительно не злоупотреблять ими) отнеслись ко мне, что я не могла не вынести отрадного впечатления от разговора с Вами, и так как подобными впечатлениями судьба нас не балует, то я и повторяю Вам – спасибо. Вы будете купесник, если разберетесь скоро в моих иероглифах, но бранить меня все-таки не посмеете, т.к. много тоже и моего

труда стоит разобрать Вашу руку, и я делала это не только без ропота, но с полным удовольствием. Надеюсь, что многоразумный-очаровательно-головокружительный Париж не заставил Вас забыть о существовании “любимого птенца”. Я жду Вас на бенефис (26-го окт.), но не рассержусь, если Вы приедете раньше. Исписав четыре страницы, я не сказала в сущности ничего, но это свойственно женщинам – зачем же быть исключением, а в данном случае это не нужно, не правда ли? Значит, до свидания, добрая моя нянюшка. Жму крепко Вашу руку. Мама просит передать Вам свой привет¹¹.

Очень любопытна в этой странной истории и роль Марии Николаевны, матери Комиссаржевской, которая активно участвует в перипетиях жизненной драмы, сама переписывается с Татищевым, сообщает о переменах настроения Веры, просит его о помо-

¹¹ В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, октябрь 1894 года* // ГАРФ. Ф.597. Оп. 1. Ед. хр. 269. Л. 14-16.

щи, убеждает потерпеть и подождать. Здесь все кажется двусмысленным. И поведение самой героини: действительно ли она воспринимала свое общение с Татищевым как дружеское, или для нее речь тоже идет о большем? “Зачем Вы спрашиваете, предоставлена ли я Вам, – ведь я вам уже сказала – высказала свои условия, на дальнейшее даю *carte blanche*”¹². Вроде бы речь идет о театре, но выражено это так неоднозначно, что любой бы задумался, тем более человек заинтересованный. Или она намеренно играет с Татищевым, пытаясь добиться от него желаемой помощи? Да и сам Татищев – о чем, собственно думал, на что рассчитывал? Может быть, он намеревался развестись с Герминой в случае согласия Веры? Об этих его намерениях нам ничего неизвестно.

В январе 1896 года Татищев приехал в Вильно, видимо, для решительного объяснения. Следы этого объяснения встречаются в одном из последующих писем, которым Комиссаржевская поставила точку в их отношениях:

¹² В.Ф. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, начало декабря 1894 года* (Комиссаржевская 1967: 51).

На предложенный Вами в последний раз, как Вы говорите, вопрос я отвечаю еще раз – нет; но не могу ограничиться этим ответом, не считая нужным отказать себе в желании сказать Вам еще несколько слов. Ваше письмо не только огорчило, но и удивило меня; при последнем нашем свидании, казалось, все было выяснено, и Вы, получив от меня ответ на вопрос, предлагаемый в сегодняшнем письме, решили остаться моим другом, простившись с надеждами, которые питали до сих пор; но Вы проверили себя и решили, что это невозможно. Пусть будет так. Пусть будет так. Мне слишком больно, что я заставляю Вас переживать тяжелые минуты, награждая хоть и невольно ими за все то искреннее ко мне сочувствие и желание добра, доказательств которых Вы мне дали так много. Не сердитесь, что я не считаю теперь себя в праве принять от вас те услуги, которые Вы мне предложили с той добротой, в искренности которой я никогда не

сомневалась и не усумнюсь. Вы не можете себе представить, как мне тяжело так огорчить Вас и лишиться в Вас друга, но я никогда не кривила душой и в данном случае особенно не могу не ответить честно, правдиво, рискуя даже потерять Ваше ко мне хорошее отношение¹³.

Этим письмом фактически заканчивается корпус переписки между Комиссаржевской и Татищевым. Она отказалась от его содействия относительно европейских гастролей, не желая более быть обязанной в силу понятных причин. Однако действенная помощь Татищевым ей уже была оказана. Мать Комиссаржевской сообщает:

В ноябре 1895 года приехал в Вильно поверенный от директора Императорских театров, Ивана Александровича Всеволожского, опять с предложением о поступлении на Императорскую сцену. Этот господин ехал, по театральным делам, за границу и

¹³ В.Ф. Комиссаржевская, С.С. Татищеву, 23 января 1895 года (Комиссаржевская 1967: 54–55).

обещал заехать к Вере за ответом на возвратном пути [...]. Веру отпустил г. Незлобин на три дня; по отъезде ее я все еще надеялась, что на ее условия не согласятся, так как она решила заключить контракт на один год, а там правило было заключать его на три. Увы. На второй день ее приезда я, к вечеру, получила телеграмму, что контракт у нее в кармане, что Ив. Ал. Всеволожский согласился на один год, четыре тысячи жалованья, гардероб весь казенный (Комиссаржевская 1911: 19–20).

Переписку с Татищевым, который резко оборвал все связи с Верой (ни видеть, ни получать от нее писем он был “не в силах”), некоторое время продолжала ее мать, стараясь сохранить с ним добрые дружеские связи. Но это ей, видимо, не удалось. Татищев был больно задет, раздосадован, обижен однозначностью и очевидной жесткостью Вериного отказа, обвинил ее в не деликатности, неблагодарности и корыстности и сообщил Марии Николаевне, что “Бог его спас” от неправильного

выбора. Возмущенная мать писала в ответ: “Когда Вы будете в силах беспристрастно разобраться во всем, Вы поймете, как глубоко несправедливо Ваше незаслуженное обвинение человека, в котором Вы отрицаете ‘главное’ его достоинство, честное, благородное и бесконечно доброе сердце. Ну, да бог Вам судья”¹⁴. Судя по всему, больше фигура Татищева никогда не возникала на жизненном горизонте Комиссаржевских.

¹⁴ М.Н. Комиссаржевская, *Письмо С.С. Татищеву, после 16 февраля 1896 года* // ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 14.

Библиография

Карцов 1916: Ю.С. Карцов, *Сергей Спиридонович Татищев. Страница воспоминаний*, тип. "Т-ва газ. Свет", Пг., 1916.

Комиссаржевская 1967: В.Ф. Комиссаржевская, *Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы*, Искусство, М.-Л., 1967.

Комиссаржевская 1911: М.Н. Комиссаржевская, *Воспоминания матери // Алконост: Памяти В.Ф. Комиссаржевской. Кн. 1*, Издание Передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской, СПб., 1911, с. 4-22.

Письма и телеграммы В.Ф. Комиссаржевской С.С. Татищеву (1894-1900) // ГАРФ Ф.597. Оп. 1. Ед. хр. 269. 78 л.

Рыбакова 1971: Ю.П. Рыбакова, *Комиссаржевская*, Искусство, Л., 1971.

Брокгауз, Ефрон 1907: *Татищев, Сергей Спиридонович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т, Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1907, т. 82 (4 доп.)*.

Ольга Богданова

К истории крымских ‘литературных гнезд’ начала XX века: письма В.Л. Комаровича к М.А. Волошину

On the History of the Crimean ‘Literary Nests’ at the Beginning of the Twentieth Century: Letters from Vasilii Komarovich to Maksimilian Voloshin

The present article includes two letters and a postcard found in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences which were written by the outstanding literary critic and textologist Vasilii Komarovich to the famous symbolist poet Maksimilian Voloshin. These texts are published in their entirety for the first time. They enrich the idea of Koktebel’ as a cultural *locus* which played a decisive role in the creative path of many writers, poets, artists and scientists of the first half of the XX century. They also clarify the circumstances of the creation of the poetic masterpieces by Voloshin and of Komarovich’s literary texts, the relationship between which is now understood more clearly. A geocultural approach allows us to see the estate-summer cottage complex of Koktebel’ as the cultural mycelium of the first decades of the XX century – it gave the world enduring fruits of artistic creativity and of the humanities.

Усадебно-дачное освоение Крыма русской литературно-художественной элитой в XIX–XX вв. пока еще недостаточно исследованная страница истории отечественной культуры. В начале XX в. здесь существовали три наиболее известных ‘литературных гнезда’ – дом А.П. Чехова в окрестностях Ялты, усадьба А.К. Герцык на окраине Судака, дача М.А. Во-

лошина в Коктебеле. Вокруг каждого из них сложился определенный литературно-художественный и литературно-философский круг со своим житнетворческим стилем, традициями и предпочтениями. Помимо этого, в крымских усадьбах и дачных домах в 1900–1910-е гг. периодически жили и творили Л.Н. Толстой, А.М. Горький, И.А. Бунин,

А.И. Куприн, И.С. Шмелев, С.Н. Сергеев-Ценский, С.Н. Булгаков, М.И. Цветаева и многие-многие другие. В данной работе нас будет интересовать история 'литературного гнезда', свитого в Коктебеле выдающимся русским поэтом-символистом и художником М.А. Волошиным (1877–1932).

В гостеприимном доме Макса, как его называли домашние, соседи и многочисленные гости, в 1910–1920-х гг. побывали В.Я. Брюсов, М.И. Цветаева, В.В. Хлебников, О.Э. Мандельштам, А.Н. Толстой, Н.С. Гумилев, В.Ф. Ходасевич, Андрей Белый и десятки других деятелей отечественной культуры. В истории русской литературы его имя и судьба неразрывно связаны с Коктебелем, однако попал туда уроженец Киева и юный житель Москвы не сразу, а только в 16-летнем возрасте, благодаря изменениям в своей семье. Мать Максимилиана, Е.О. Кириенко-Волошина, потеряв в 1881 г. мужа, в 1890 г. вступила в гражданский брак с московским врачом П.П. фон Тешем (1842–1908), купившим у своего коллеги и пациента Э.А. Юнге участок земли в дикой тогда татарско-болгарской деревне Коктебель Феодосийского уезда. Вслед за ним она вместе с сыном-гимназистом летом

1893 г. переехала на постоянное жительство в Крым.

В ноябре того же года фактический отчим Волошина закончил в некотором отдалении от моря строительство собственного дома на высоком холме, окруженного виноградником с винодельней, где первоначально поселилась его новая семья¹. Это была усадьба особого типа. С одной стороны, круглогодичное проживание, солидное виноградарское и винодельческое хозяйство в соединении с широкой благотворительностью по отношению к коренному местному населению (См.: Жарков 2008: 43, 47) и богатой культурной жизнью: чтением, музицированием, переводами иностранных авторов, занятиями журналистикой, прогулками и путешествиями с научно-познавательной целью, обществом просвещенных гостей. "Теш был человек европейски образованный, говоривш<ий> на европейск<их> языках и в высшей степени владевший

¹ Впоследствии отношения между П.П. фон Тешем и Е.О. Кириенко-Волошиной осложнились, и в 1901 г. она построила для себя и своей матери Н.Г. Глазер отдельный небольшой дом ближе к морскому берегу (См.: Волошин 2009: 443, 548, 581).

искусством ‘эристики’², – читаем в мемуарных записях Волошина 1932 г. (Волошин 2008: 356). С другой – сравнительная скромность жилища, необходимость личного хозяйственного труда, сезонный приток дачников, обеспеченный открывшейся в 1892 г. Феодосийской железной дорогой, – на него – то со временем и переместились экономические интересы владельцев. В жизни пасынка фон Теш сыграл значительную и в целом положительную роль, оставив о себе добрые воспоминания.

Однако помимо Волошиных, у Павла Павловича была большая семья от первого, законного брака – четыре дочери: Елена, Маргарита, Софья и Евгения, постоянное дружески-родственное общение с которыми сопровождало Максимилиана с юности. Особенно сдружился он в коктебельские годы с Еленой фон Теш-Паскиной, которая в 1907 г. переехала с детьми на постоянное жительство к отцу, помогала ему по хозяйству, а после его смерти в 1908 г. открыла в Коктебеле первую аптеку и столовую в бывшей винодельне фон Теша, где часто обедал и Максимилиан Алек-

² Эристика – искусство спора, диспуты и полемики у древнегреческих софистов.

сандрович (См.: Волошин 2008: 48).

Корни первой семьи Павла Павловича тянулись из Нижнего Новгорода, родины его жены Л.С. Муравьевой, принадлежавшей к старинному русскому дворянскому роду, давшему как известных декабристов, так и государственных деятелей³. В 1892 г. одна из их дочерей Маргарита вышла замуж за нижегородского глазного врача Л.В. Комаровича, из ссыльных поляков, который, судя по дневниковой записи, юному Максимилиану “понравился” (Волошин 2008: 65). Именно ей после смерти отца достался просторный дом “на горе”, судьбой которого Волошин интересовался в письме к матери из Парижа от

³ Имеются в виду: Н.М. Муравьев (1796–1843) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., затем видный декабрист, один из руководителей Северного тайного общества, автор проекта “Конституции”, в 1826 г. отправленный в Сибирь на каторгу и последующее поселение; А.Н. Муравьев (1792–1863) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., один из основателей декабристского движения, впоследствии Нижегородский военный губернатор, сенатор; М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866) – участник Отечественной войны 1812–1814 гг., видный государственный, общественный и военный деятель Российской империи эпох Николая I и Александра II, известный как усмиритель польского восстания 1863 г.

20 ноября (1 октября) 1908 г.: “Какие последствия имела в Коктебеле смерть Пав<ла> Павловича? Кому теперь принадлежит его земля? Кто будет жить в его доме?” (Волошин 2010: 390). К тому времени у М.П. фон Теш-Комарович было уже пятеро детей, старший из которых – будущий известный литературовед В.Л. Комарович. Скажем о нем несколько слов.

Василий Леонидович Комарович (1894–1942) – выдающийся исследователь творчества Ф.М. Достоевского, один из зачинателей российской текстологии, открывший несколько ранее неизвестных текстов писателя, в частности один их списков неизданной главы романа *Бесы – У Тихона*. Новизна и глубина проблематики его работ сочетаются с широтой историко-культурного фона ее рассмотрения. Исследователю удалось показать взаимную обусловленность и трагическую противоречивость пневматологии, психологии, идеологии и поэтики Достоевского в их единстве. Комарович – один из пионеров (наряду с Н.К. Пиксановым) телеогенетического метода в литературоведении, суть которого – в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукопис-

ным и печатным редакциям исходя из “целесообразности” всех художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. Также он по-своему предварил знаменитую концепцию “полифонического романа” М.М. Бахтина, однако полифония у него не диалог “живых образов идей” персонажей и рассказчиков, а взаимоотношение их индивидуальных волей, разными путями вливающихся (или не вливающихся) в “сверхэмпирическое” единство. Большая часть наследия замечательного ученого опубликована в редких изданиях конца 1910–1920-х гг. и с тех пор ни разу не переиздавалась. Его хорошо известные на Западе немецкоязычные работы (в первую очередь, *Первообраз “Братьев Карамазовых”*) еще ждут публикации в переводе на русский язык. Первое отдельное издание трудов Комаровича о Достоевском вскоре должно увидеть свет в издательстве Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Итак, после получения наследства фон Теша семья Комаровичей почти каждое лето проводила в Коктебеле, часто по-родственному встречаясь с Володиным. Младший

брат Комаровича Леонид вспоминал: “Макс появлялся у нас на горе, навещал мать, вел литературные беседы со старшим братом Василием”⁴. Хотя между литературоведом и поэтом была значительная разница в возрасте, они, по сути дела, были членами одной семьи: ведь родной дед Василия Леонидовича по материнской линии приходился Максимилиану Александровичу фактическим отчимом.

Часть зимы 1917–1918 гг., возможно в связи с революционными событиями, Комарович провел в своем коктебельском доме, приехав туда прямо из Москвы, где в ноябре–декабре 1917 г. по письменному разрешению А.Г. Достоевской, уже переселившейся к тому времени в Ялту, изучал в Историческом музее рукописи Достоевского (Подробнее см.: Богданова 2014). Посещая Комаровича почти каждый вечер, Волошин читал молодому человеку сочиненные за день стихи из цикла *Демоны глухонемые*. Проживавшая в Коктебеле тетка Василия Леонидовича Елена фон Теш–Паскина, содержательница популярной столовой в бывшей винодель-

не своего отца у подножия “горы”, на которой стоял дом, вскоре после отъезда племянника в феврале 1918 г. из Феодосии домой, в Нижний Новгород, также насовсем уехала из Крыма, в Сухуми. В годы Гражданской войны оставшийся без присмотра дом фон Теша был полностью уничтожен.

Симптоматично, что в публикуемом ниже письме к Волошину от 1919 г. Комарович вспомнил о Коктебеле “как о пригрезившемся когда-то и утраченном рае”. Именно так “закрепилась в культурной памяти” страны русская помещичья усадьба средней полосы, потому что “ее наиболее емким метафорическим выражением был райский сад”. ‘Текстом–кодом’ магистральной линии русской классической литературы, питавшейся соками ‘усадебной культуры’ XVIII – начала XX в., стала “известная архетипическая легенда об изгнании из рая” (Щукин 2007: 318). Ну, а в революционные годы тема ‘утраченного рая’ и разрушаемых семейных гнезд звучала особенно актуально. Обрисованный эпизод из истории крымской литературной жизни позволяет разглядеть в усадебно–дачном комплексе Коктебеля первых десятиле-

⁴ Л.Л. Комарович [О Коктебеле и Волошине], *Письмо к В.П. Купченко от IX. 1978 // Дом–музей М.А. Волошина (ДМВ), Инв. № А 287, Рукопись, 8 лл.*

тий XX в. одно из ответвлений традиционной для всей России культурной грибницы, подарившей миру неувядающие плоды художественного творчества и гуманитарной науки.

О позднейших встречах Комаровича и Волошина сведения отсутствуют. Тем не менее известно, что достоевсковедческие работы ученого знаменитому поэту были знакомы. Так, Комарович в Коктебеле надписал Волошину оттиск своей ранней статьи *Достоевский и "Египетские ночи" Пушкина* (См.: Купченко 2007: 27). Намного позже, в письме к М.С. Альтману от 12 января 1931 г., Волошин признавался: "[...] очень много мне дала (из фактического материала) статья В. Комаровича в долининском сборнике о Житии Великого Грешника (См.: Комарович 1922)" (Волошин 2015: 244–245). Учитывая многолетний серьезный интерес Волошина к творчеству Достоевского, можно предположить, что контакты поэта и ученого по этой теме не ограничились сохранившимися свидетельствами. При изучении их "достоевских" дискурсов наверняка можно обнаружить переклички и взаимовлияния, но это задача отдельного исследования. Во всяком случае,

очевидно, что важная историко-литературная тема "Волошин и Достоевский" не может быть полностью раскрыта без учета рецепции поэтом работ Комаровича.

Наконец, при чтении писем стоит обратить внимание на восходящую градацию в обращении автора к адресату: в первом письме церемонное "Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович", во втором – нейтральное "Дорогой Максимилиан Александрович", в третьем – дружески-родственное "дорогой Макс". Так как письма написаны уже после периода интенсивного общения, то, по-видимому, передают те модулы, которые присутствовали во взаимоотношениях знаменитого поэта и его молодого собеседника в прежнее время. С другой стороны, отмеченная динамика может быть понята как маркер изменения отношений в сторону сближения, доверительности.

Публикуемые ниже письма хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН. Ф. 562. Оп. 3. № 677. 4 л.). Впервые они частично напечатаны в издании: Купченко 2007: 42, 44, 82. Затем А.В. Лавровым в коммен-

тариях к изданию: Волошин 2013: 271⁵.

Нижний Новгород

17. III. 1918 г. н<овый>
с<тиль>

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

Я очень жалел и жалею, что перед отъездом не видел Вас в Феодосии. Мне очень хотелось иметь все Ваши стихотворения последнего периода. Часть их, правда, у меня имеется (*Demetrius Imperator* и *Максимилиан Робеспьер*). Мне пришлось уже несколько раз читать их здесь среди нижегородского общества, они имели большой успех. Местные кадеты выхлопотали себе разрешение издавать газету («Нижегородская речь»), и будущий редактор ее очень просил для нее эти Ваши стихотворения. Я был бы чрезвычайно Вам благодарен, если бы Вы прислали мне и все остальные Ваши пиесы

⁵ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФИ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

будущего сборника *Демоны глухонемые*.

Напишите также, каково Ваше отношение к предложению «Нижегородской речи»⁶. От себя скажу, что это будет, конечно, скромная провинциальная газетка.

Привет Елене Оттобальдовне и всем коктебельцам.

В. Комарович.

Нижний Новгород.

Мистровская
соб<ственный> д<ом>

Нижний Новгород,

апрель <1919>

Пользуюсь ‘оказией’, чтобы послать это письмо и узнать, живы ли Вы, дорогой Максимилиан Александрович, и в Коктебеле ли Вы? Бездна времени отделяет меня от дней, проведенных когда-то в Коктебеле, – когда создавались Ваши *Демоны глухонемые* и по вечерам Вы читали мне написанное за день.

Если Вы не совсем забыли меня и это время, напишите. Это было бы

⁶ Газету под названием «Нижегородская речь» не удалось найти ни в одном справочнике. По-видимому, намечавшееся издание не состоялось.

счастьем, – получить письмо из Коктебеля, узнать, что Коктебель остался Коктебелем. Я не берусь передать Вам сейчас, какое это было бы счастье. Мы говорим здесь и думаем о Коктебеле как о пригрезившемся когда-то и утраченном рае.

Итак, дайте о себе весть, откликнитесь!

Это будет восхитительно и почти чудесно.

В. Комарович.

Адрес: Крым, Феодосия, Коктебель.

Максимилиану Александровичу Волошину.

от В. Комаровича

Н. Новгород, Мистровская 14.

<Почтовая открытка. На штемпеле в Коктебеле – 15 июня 1919 г.>

Пишу Вам, дорогой Макс, в надежде, что Вы в Коктебеле; а иначе – что же такое и Коктебель?

Хочется знать о Вас, Коктебеле и коктебельцах...

Не поспешите несколькими минутами, напишите мне о себе. Если можно будет, непременно приеду. Но прежде надо хоть что-нибудь знать о всех вас. Итак, жду с нетерпением Вашего ответа.

В. Комарович.

Библиография

Богданова 2014: О.А. Богданова, А.Г. Достоевская и В.Л. Комарович: *Диалог 1917 г.*, «Русская литература», 2014, 3, с. 196–200.

Волошин 2008: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2000, 2008, т. 7, кн. 2.

Волошин 2009: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2009, т. 8.

Волошин 2010: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2010, т. 9.

Волошин 2013: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Эллис Лак, М., 2013, т. 12.

Волошин 2015: М.А. Волошин, *Собрание сочинений: В 13 тт.* (17 кн.), Азбуковник, М., 2015, т. 13, кн. 2.

Жарков 2008: Е.И. Жарков, *Страна Коктебель. Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков*, Болеро, Киев, 2008.

Комарович 1922: В.Л. Комарович, *Ненаписанная поэма Достоевского // А.С. Долинин (ред.), Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы*, Сб. I, Мысль, СПб., 1922, с. 177–207.

Купченко 2007: В.П. Купченко, *Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932*, Алетейя, СПб., Сонат, Симферополь, 2007.

Щукин 2007: В.Г. Щукин, *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей*, РОССПЭН, М., 2007.

Анастасия Гачева

Вечные темы, вечные вопросы и вечные образы в переписке композитора Владимира Ребикова и философа Александра Горского

Eternal Themes, Eternal Questions and Eternal Images in the Correspondence between the Composer Vladimir Rebikov and the Philosopher Aleksander Gorskii

The article focuses on the correspondence between the composer Vladimir Rebikov and the philosopher, poet and critic Aleksandr Gorskii. The two met in person only once – during the First World War – and then for six years only had epistolary exchanges. The unpublished correspondence between these two protagonists of the Silver Age is an important biographical and creative source for researchers who are interested in the artistic heritage of the ‘father of Russian modernism’ in music as well as of one of the representatives of the Christian branch of Russian cosmism. The article shows how, in the summer of 1914, the face-to-face dialogue about eternal themes and eternal questions began. It focused on good and evil, on the fight between spirit and matter, on the meaning of love and the sense of creativity. This debate went onto the pages of the letters and continued in Gorskii’s articles, Rebikov’s notes and in his ‘musical-psychological dramas’, including his last, the mystery *Antichrist*.

В отличие от художественных и философских, литературно-критических и искусствоведческих опусов, по разным причинам оказывающихся “в могиле стола”, частный эпистолярный как будто и предназначен к тому, чтобы после прочтения текста одним единственным человеком – адресатом письма навсегда упоко-

иться в этой могиле. Или же (что для писем, зачастую живущих не долее бабочки-однодневки, является обыкновенной судьбой) быть потерянными, разорванными, брошенными в корзину для ненужных бумаг, сожженным в камине, на свечке, в костре... Впрочем, культурная память активно противится этой уча-

сти, воздвигает “течение встречное”, упорно не желая признавать клочки бумаги, зачастую исписанные торопливым, небрежным почерком, за *quantité négligeable*. То, что “в могиле стола” все-таки упокоилось, а не рассеялось в почти бесплотную пыль, архивное ‘гробокопательство’ из могилы выводит и, произведя ряд ‘ре-ставрирующих’ действий, отдает во всеобщее достояние, уравнивая с произведениями художественного и философского гения, которые, хотя и рождаются в мысли, слове, воображении единичного ‘я’, обращены ко многим, в пределе – ко всем.

Впрочем, его величество Серебряный век, опираясь на идеал жизнетворчества, радикально поменял статус частного письма. Письмо и писание писем стало мыслиться не только неотъемлемой частью личной биографии, но общезначимым фактом и актом культуры, ведь и сама жизнь теперь не столько проживалась, сколько творилась, биография превращалась в художественный проект.

В статье мы рассмотрим один из таких эпистоляриев, относящихся ко второй половине 1910-х гг. и являющих собой один из примеров, если так можно выразиться, ‘междис-

циплинарного’ диалога, ибо переписка велась между поэтом, философом, критиком, с одной стороны, и композитором, не лишенным, впрочем, дара и навыка философствования, – с другой. Оба участника эпистолярного диалога не принадлежат к числу тех, чьи имена широко узнаваемы, хотя один из них в свое время был достаточно известной культурной величиной, а другой, тогда – молодой, нешаблонно мыслящий критик, впоследствии вырос в яркого мыслителя, масштаб которого по-настоящему мы можем оценить только сейчас, благодаря раскрытию и публикации его архива.

Представим же наших героев. Владимир Иванович Ребиков (1966–1920) – композитор, заслуживший от критики титул “отца русского модернизма” (К 50-летию В.И. Ребикова 1916: 448) в музыкальном искусстве. Он был смелым экспериментатором в области гармонии (вводил целотонные аккорды, кварто-квинтовые созвучия, политональность и др.), и его творческие находки во многом предвосхитили пути русской и зарубежной музыки XX в. Ребиков стремился к синтетическим формам искусства, воплощая в своих *Меломимиках* и *Мелопластиках* единство

музыки и движения, а в мелодии и ритмодекламациях и 'мелопоезах' – единство слова и музыки. И одновременно называл себя "музыкальным импрессионистом" пишущим "под диктат сердца" (Проскурнин 1922: 4), провозглашал "музыку чувства", свободную от формальных ограничений, использующую широкий диапазон средств для передачи эмоциональных состояний.

Композитор дружил с русскими символистами, в том числе с В.Я. Брюсовым, написал на его стихи цикл *Вокальных сцен* и особенно ценил творчество К.Д. Бальмонта. Влияние символистской поэтики, соединенное с вагнеровским влиянием, отчетливо ощутимо в его 'музыкально-психологических драмах', где сюжет расширен за наличные рамки пространства и времени, подчинен религиозно-философскому заданию. Подобно Р. Вагнеру, Ребиков сам писал либретто и тексты своих драм, опираясь как на мифические и религиозные сюжеты, принадлежащие к числу 'вечных' сюжетов мировой культуры (в трилогии *Драма Духа* [Тэа, Нарцисс, Альфа и Омега], мистерии *Антихрист*), так и на сюжеты литературные (*Бездна* – по рассказу Л. Андреева, *Дворянское гнездо* – по роману

И.С. Тургенева), усиливая их метафизическое звучание. Лишь небольшая часть этих драм была поставлена на сцене, поскольку композитор (как в свое время Р. Вагнер) полагал, что для их постановки обычный оперный театр не подходит, и мечтал о театре будущего¹.

Вторым участником переписки был Александр Константинович Горский (1886–1943). Поэт, философ, эстетик, один из продолжателей традиций Серебряного века. В историю русской мысли XX в. он вошел как продолжатель *Философии общего дела* Н.Ф. Федорова, один из представителей христианского космизма 1920–1930-х гг., автор философско-эстетического трактата *Огромный очерк* (1924), в котором творчески развивал идеи *Смысла любви* В.С. Соловьева в их связке с федоровской идеей "положительного целомудрия" (см.: Семенова 2004). А еще он был ярким литературным и художественным критиком, талантливым исследователем скрещений литературы и философии, писавшим об идейных и творче-

¹ Подробнее о биографии и творчестве В.И. Ребикова см.: Томпакова 1989; Логинова 2011; Розанова-Свердловская 2011: 80–95; Левая 2017: 75–87.

ских параллелях между Федоровым и Достоевским, Федоровым и Соловьевым, Федоровым и Толстым (Горский 1914; Горский 1928; Горский 1929)². Впервые встретились Горский и Ребиков в Ялте в 1914 г. В конце июля – по старому стилю, в начале августа – по новому. Ребиков, во второй половине 1900-х гг. много путешествовавший по Европе с концертами и постановками своих произведений, с 1910 г. от “охоты к перемене мест” отказался. Он поселился в Ялте, интенсивно занимаясь творческой деятельностью, где и прожил до конца жизни. В 1914 г. открыл здесь свою студию музыки, обучая композиции, музыкальной истории и теории. Общался с крымчанами и приезжавшими в Крым М.А. Волошиным, М.И. Цветаевой, А.Н. Толстым. Выступал с авторскими концертами, раскрывая слушателям свою музыку. А Горский с 1913 г. жил в Одессе, где преподавал литературу в духовной семинарии и гимназии, был участником литературно-артистического

² Подробнее о Горском см.: Гачева 2003; Горский, Сетницкий 1995. В настоящее время двухтомное издание сочинений Горского выходит в ИМЛИ РАН: А.К. Горский, *Сочинения и письма: В 2 т.*, М., 2018 (в печати).

общества, писал и печатался в местной прессе.

Летняя встреча положила начало эпистолярному диалогу, растянувшемуся на шесть лет и длившемуся с перерывами почти до смерти композитора. По несколько раз в год из Ялты в Одессу и из Одессы в Ялту курсировали то почтовые открытки, то развернутые послания. К сожалению, сейчас, спустя столетие, мы можем воссоздать этот диалог лишь частично. Если значительная часть писем Ребикова (24 письма) была сохранена А.К. Горским и в октябре 1938 г. он передал их в Государственный литературный музей³ с сопроводительной за-

³ Из фондов Гослитмузея письма были переданы в РГАЛИ. Сохранилось *Предложение о передаче в ГЛМ писем В.И. Ребикова к А.К. Горскому и Ф.В. Мироновичу*, датируемое 25 сентября 1938 (РГАЛИ. Ф. 612 [ГЛМ]. Оп. 1. Ед. хр. 3067. Л. 341). 3 октября 1938 г. датировано *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и проф. Ф.В. Мироновичу* (РГАЛИ. Ф. 742. К. 1. Ед. хр. 2). Соответственно передаче писем в ГЛМ можно отнести к началу октября 1938 г. Перед сдачей писем в Гослитмузей с них были сняты машинописные копии, которые сохранились в личном архиве А.К. Горского. Тексты эти не сверены, в них есть пропуски и опечатки, зато эти копии содержат письмо 1918 г., отсутствующее в РГАЛИ (возможно оно было утеряно или перемещено), в котором Ребиков со-

пиской, поясняющей и историю знакомства с композитором, и свое отношение к нему, и основные сюжеты, всплывающие в переписке, то из всех писем Горского Ребикову сохранилось только 1 письмо и его позицию в диалоге с композитором приходится реконструировать. Опираясь здесь можно на письма самого Ребикова, на статьи Горского о Ребикове, появившиеся в журналах «Южный музыкальный вестник» и «Универсальная книга» (Горский 1916а; Горский 1918), наконец (с определенной долей корректности) на пояснительную записку 1938 г., представляющую собой взгляд уже из другого времени, опыт осмысления “двадцать лет спустя”.

В.И. Ребиков, для которого слово было не менее значимо, чем мелодия, уделял огромное внимание эпистолярному жанру. Он переписывался со многими современниками: делаясь идеями, рассказывая о новых сочинениях, объясняя себя и смысл своей музыки. Также пытался он объяснить себя и А.К. Горскому, излагая свое музыкальное кредо в неразрывной связи с мировоззренческими постулатами,

общает о том, как во время бомбардировки Ялты большевиками писал новую версию мистерии *Антихрист*.

вскрывая религиозно-философский смысл своих музыкально-психологических драм. Здесь мы имеем дело с уникальным примером творческой исповеди, предельным самораскрытием, попыткой “высказать себя” и обрести понимание в другом. Особенно если этот ‘другой’ – художественный критик, задавшийся целью объяснить смысл и содержание твоей музыки, показать, что стоит за формальными экспериментами, которые подчас так шокировали современников композитора. Для Горского же письма Ребикова были не только основой размышления о его творчестве, но и – в той их части, которая касалась религиозно-философской основы ребиковских музыкально-психологических драм – подтверждением его собственных интуиций, касающихся путей развития русской музыки, неразрывных, по мысли философа, с путями русской и мировой жизни.

Если Ребикову к моменту начала знакомства было 48 лет, то его корреспонденту еще не исполнилось и 28-ми. Он был на 20 лет младше Ребикова, но ни при личных встречах, ни в переписке эта разница не ощущалась. Ребиков уже при первом контакте

так расположился к молодому критику, что заговорил с ним о том, что особенно волновало его в момент встречи. А это были – в буквальном смысле и совсем не банально – вечные темы добра и зла и их противостояния в ходе истории, бorerения духа и материи, соблазна, стремящегося овладеть этим миром, увести его на кромешные, самоубийственные пути. Именно об этом – его музыкально–психологическая драма *Альфа и Омега*, первое произведение, которое продемонстрировал Ребиков своему собеседнику во время их ялтинского общения⁴. Эта драма представляла своего рода мистерию земного пути человечества, от сотворения мира до начала истории. Ее герои Перволюди Мужчина и Женщина (символические проекции вечных образов Адама и Евы), обманутые Люцифером, который посулил им власть над миром, но не дал бессмертия, проходят каменистым путем истории, в финале которой их ждет не всемогущество, а абсолютное одиночество, предельное бессилие перед лицом остывающей,

безлюдной вселенной и неминуемая, неумолимая смерть. “Бедная слепая пыль!” – припечатывает Люцифер жалкое человечество, тщетно жаждавшее вечной жизни (В.И. Ребиков, *Альфа и Омега*).

В свою очередь и Ребиков привлек Горского не только смелыми экспериментами в области музыкальной формы, но и напряженным ‘эсхатологизмом’ мироощущения, открытостью творческого сознания ‘предельным’ вопросам, которые он не боялся ставить в своих драмах и выражать через синтез музыки, слова и действия. Горский и сам был в высшей степени ‘апокалиптиком’, являя собой характерный для русского склада сознания тип, так ярко описанный Н.А. Бердяевым (Бердяев 1990: 64). Однако его эсхатологическое предчувствие было светлым, пасхальным, сопряженным с образом обновления твари, в то время как у Ребикова ожидание последних сроков было проникнуто ощущением катастрофизма истории, предчувствием апокалипсических битв. Как пишет Горский, “вслед за столкновением народов Ребиков предвидел острые конфликты внутри каждого племени, социальное расслоение, борьбу классов и профессий, и

⁴ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.*

только после этого объединение человечества в одно организованное целое”⁵. И недаром вслед за символическими драмами *Тэа*, *Нарцисс*, *Альфа* и *Омега* композитор задумал мистерию *Антихрист*, своего рода парафраз религиозного сюжета, художественно-философски представленного В.С. Соловьевым в его *Краткой повести об Антихристе* (1900). Об этом замысле композитор также рассказал А.К. Горскому, подчеркивая безысходную и безнадежную борьбу в каждой человеческой личности и в социуме в целом “двух моральных (и ‘эротических’) тенденций – ‘любви к себе’ и ‘любви к другому’, каждая из которых имеет свои права и основания” (Там же. Л. 3).

Этот круг тем, на первый взгляд неожиданный, возникший в разговорах философа и композитора не в глухую, ненастную осень, не в пасмурную, холодную зиму, наталкивающую своей непогодой на пессимистические, горькие мысли, а в яркий и ясный летний сезон, когда, казалось бы, сама природа побуждала радоваться жизни, солнцу, теп-

⁵ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3.

лому морю, был оправдан отнюдь не радужными, напротив – кризисными, катастрофическими событиями. Ибо Горский и Ребиков встретились в первые дни мировой войны (Там же. Л. 1). Ни масштаб этих событий, ни их последствия для России и Европы, тогда, в далеком августе 1914-го, еще не были понятны, но и композитор, и молодой мыслитель были из разряда “зрячих” (так определил в свое время А.Н. Майков двух пророков своего времени Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского⁶), тех, кто умеет читать зна-

⁶ Народы, племена, их гений, их судьбы

Стоят перед тобой, своей идеи полны,

Как вдруг застывшие в разбеге бурном волны,

Как в самый жаркий миг отчаянной борьбы

Окаменевшие атлеты...

Ты видишь их насквозь, их тайну ты постиг,

И ясен для тебя и настоящий миг,

И тайные грядущего обеты...

Но грустно зрячему бродить между слепых,

Поймите лишь, – твердит, – и будет вам прозренья!

Поймите лишь, каких носители вы сил, –

И путь осветится, и все падут сомненья,

И дастся вам само, что жребий вам судил!

А.Н. Майков вспоминал, как однажды прочел Ф.М. Достоевскому эти строки, посвященные Ф.И. Тютчеву,

ки времени и предчувствует будущее, и не разделяли эйфории, господствовавшей в российском обществе в первые военные месяцы.

Вспоминая о знакомстве с Ребиковым и их летних разговорах 1914 г., А.К. Горский писал:

Его переполняло ощущение мировой катастрофы задолго до того, как она вплотную приблизилась. В эти памятные июльские дни посреди всеобщего интеллигентского “оживления” и “восторга” он оставался мрачен, предсказывая горы трупов и тупики на всех исхоженных человечеством путях.

“Поколение сменяет поколение, пока не наступит всеобщее околение” – такого рода афоризмами любил он оглушать слушателей, слишком склонных к успокоению

которого сам Достоевский называл “первым русским поэтом-мыслителем”, и как взволновался тогда Достоевский: “Да, да, поймите лишь! Именно, именно, только бы поняли! Да нет, не поймут!” (Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах 1912: с. 160–161).

“в надежде славы и добра”⁷.

Обоих встретившихся тогда в Ялте людей война и лично не обошла стороной. Выпущенный весной 1914 г. сборник *Вселенское Дело*, в котором Горский вместе с лидером движения голгофских христиан Ионой Брехничевым выдвигал призыв к объединению земель поверх всяких барьеров – национальных, политических, сословных, религиозных, бросая в мир лозунг: “Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, – соединяйтесь!” (*Вселенское Дело* 1914: VIII), был опечатан и практически полностью погиб в типографии, поскольку ее владельцами были подданные Германии и Австро-Венгрии. Для Ребикова с началом военных действий закрылась возможность исполнительства в Германии, где его произведения понимали и принимали лучше, чем в России. Но дело было, разумеется, не в личных неудачах, а в ощущении колоссального сдвига истории,

⁷ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1 об.-2.

свойственного умонастроению философа и композитора в эти военные дни. Вихри времени закрутились в смертоносную воронку, стремительно втягивавшую в себя судьбы конкретных людей и целых народов. И нужно было противостоять им, не просто сохраняя личное достоинство, но и, как двумя годами спустя Андрей Белый, выходя на битву с “драконом войны” (Белый 1992).

В диалоге, сначала личном, затем – перешедшем на страницы писем и статей Горского философ и композитор представили две версии возможного противостояния злу, отражавшие внутренний религиозный выбор каждого из участников. Для Ребикова этот путь начинается с пустыни, внутреннего, духовного уединения: уходя от суеты мира, его соблазнов, его ложных ценностей, человек достигает подлинного понимания вещей, обретает истину бытия. Об этом Ребиков настойчиво пишет Горскому, разъясняя свою позицию, подчеркивая, что, призывая идти в пустыню, имеет в виду не зверообразный эгоизм обособившегося, презирающего людей ‘я’, а совершенно особый тип эгоизма – “святой эгоизм”, подобный эгоизму старцев-

отшельников, которые стяжают Дух Святой, спасаясь сами и тем самым высветляя общую духовную атмосферу мира. Человеку нужен уход в себя, чтобы осознать ложность прежних идеалов, миражность целей, которые раньше полагала себе его непросветленная, отягчившаяся соблазнами плоти душа. “Каждый человек должен иметь ‘свою пустыню’. В ней он поймет себя, поймет мир, и себя спасет, и других спасти может”⁸. Когда же человечество оказывается в мясорубке войны, легализуя насилие, давая себя право на кровь и убийство, то пустыня начинает выступать как единственное, универсальное средство спасения: “Мир погубит, пустынь спасет. А когда мир с ума сошел и шабашует, то только, только одна пустынь спасет: и ‘звери’ пустыни покажутся ланями и овечками”⁹. Ребиковская апология пустыни, “святого эгоизма” старцев-отшельников, христианских и буддийских монахов, для Горского – это путь компромиссный. “Ферапонтовское” уединенное самосохранение, сопряженное с проклятием миру, погрязшему во зле и грехе, – для Горского тоже соблазн,

⁸ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 1916 // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 26 об.

сродный с тем люциферианским соблазном, которому поддаются в драме *Альфа и Омега* Женщина и Человек. Только здесь человек соблазняется уже не властью над миром, а возможностью спастись в одиночку, бросив на неминуемую гибель ближних и мир. Для Горского, как духовного наследника Достоевского, Федорова, Соловьева, победа над злом во всей полноте возможна только соборно, только “со всеми и для всех”, только во “внехрамовой литургии”, совершающейся на пространстве земли, а затем и Вселенной. Недаром он сам, один из лучших учеников Московской духовной академии¹⁰, в свое время отказался от монашества и, подобно Алеше Карамазову, по благословению старца, насельника Черниговского скита, “ушел в мир”: не на беспечное “время-препровождение”, а на ‘духовное делание’ в нем.

Молодому мыслителю в высшей степени было свойственно ощущение личной ответственности за историю, и в годы войны он начал свое духовное сопротивление мировой розни, видя в ней одну из личин все той же ‘курноски’, к

борьбе с которой призывал Н.Ф. Федоров, трактовавший христианство как религию преображенной жизни, как богочеловеческое исполнение того главного чаяния, которое звучит в финале Символа Веры: “Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века”. Свою борьбу он начал ‘словом’, которое, будучи сторонником имяславия (см.: Гачева 2015а), сугубо ценил. Труд художественного и философского критика, которому Горский посвятил себя в 1910-е гг., не был для него трудом только профессиональным. Это было служение, подобное тому, каким было служение Федорова в Библиотеке Румянцевского музея¹¹. Серия статей в журнале «Южный музыкальный вестник», посвященная проблеме синтеза искусств, той самой что была воспринята русской культурой из Германии, из творческих рук Р. Вагнера и Ф. Ницше, стала для Горского не просто эстетическим манифестом (Горский 1915, Горский 1915–1916). Это была попытка через разговор

¹⁰ В Московской духовной академии Горский учился в 1906–1910 гг.

¹¹ “Я особенно настаиваю на характеристике его жизни как ‘служения’, из-за которого совсем не было видно ни личной жизни Николая Федоровича, ни службы его, понимаемых в обычном смысле слова” (Георгиевский 2004: 153).

о путях искусства выйти к разговору о путях жизни и идеалах истории. Вагнеровской и ницшеанской “эстетике трагического синтеза”, основанной на героическом приятии рока, на пессимистическом германском мифе о гибели богов и героев, крушении светлой Вальгаллы, на стремлении всем “как одно целое пойти навстречу предстоящей гибели с трагическим умонастроением” (Ницше 1909: 352), философ противопоставил иной, литургический синтез искусств, опирающийся на федоровско-соловьевскую идею активного христианства, соработничества людей земли “в труде восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения” (Федоров 1995: 401). При этом противопоставляя два варианта художественного синтеза, за которыми для Горского стояли два вектора истории: пессимистический, окрашенный катастрофизмом, и оптимистический, озаренный надеждой на преображение, он не просто подчеркивал тупиковость и исчерпанность первого, но и стремился продемонстрировать всеобщность второго. Вектор развития искусства в современную ему эпоху философ полагал в движении от Трагедии через Ми-

стерию к Литургии. Более того, демонстрировал, как у того же Р. Вагнера прорастают зерна иной, не катастрофической, а литургической художественной модели, рассматривая с этой точки зрения мистерию *Парсифаль*. А рядом с *Парсифалем* ставил искания русских композиторов, как бы стремясь в пространстве культуры и духа примирить германский и русский гений, чтобы затем они примирились и в жизни. Среди фигур русской музыки конца XIX – начала XX в., творчество которых было связано с поиском синтетических форм, выходя к жанру мистерии, Горский особенно выделял А.Н. Скрябина, Н.А. Римского-Корсакова с его *Сказанием о невидимом граде Китеже и деве Февронии* (1903–1905) и В.И. Ребикова. Разговор о Скрябине он начал еще в статье *Этапы духосознания*, помещенной в номере «Южного музыкального вестника», посвященного памяти композитора (Горский 1915). В этой статье, предшествовавшей статье *Германизм и музыка* (Горский 1915–1916), он рассматривал фортепианное и симфоническое творчество Скрябина на его высших взлетах как попытку противопоставить трагическому стоянию человека перед лицом судьбы

и смерти идею борьбы с роком, с природной необходимостью, со всякой стреноженностью человека, призванного быть деятелем, творцом, созидателем. И ранний *Патетический этюд*, и *Вторая симфония*, и *4-я соната*, и *Поэма экстаза*, и, наконец, *Прометей* пронизаны, с точки зрения Горского, именно этим стремлением к преодолению роковых пределов бытия и истории, трагической участи существа сознающего в смертном, страдальческом мире. А своего высшего пика это стремление достигает в замысле *Мистерии*, грандиозного синтетического творения, призванного, по замыслу Скрябина, объединить в едином созидающем порыве все виды искусств: от музыки и поэзии до архитектуры и танца, вовлечь в общее действие все человечество, стать коллективным художественным актом пресуществления мира.

С корнем вырвать из глубин психики всякий трагизм, всякую возможность трагического мироощущения – вот о чем мечтал Скрябин. Мистерию вообще можно определить как “переход от трагедии к литургии”, от раздвоения к со-

единению, от козлиной песни одинокого героя, бессильно противопоставившего себя Року, – к общему делу, постепенно упраздняющему “роковое” противоборство человеческих и космических сил. Мистерия – это устыдившаяся самой себя Трагедия и еще не познавшая себя Литургия (Горский 1915: 5).

После выхода статьи *Германизм и музыка* Горский планировал продолжить разговор о мистериальном начале современного музыкального творчества, введя в него новые фигуры, и прежде всего фигуру В.И. Ребикова. Это намерение и стало поводом к единственному дошедшему до нас письму Горского Ребикову, которое было написано в начале декабря 1915 г., открывая эпистолярный виток мировоззренческого диалога философа и композитора, начавшегося летом 1914 г.:

[...] Помните, когда-то Вы обещали дать свою мистерию *Антихрист* (словесный текст), который у Вас уже закончен. Имеется ли она у Вас сейчас, и если нет, то где

ее можно достать в Москве или в другом месте? Мне она была бы очень полезна и даже необходима сейчас ввиду того, что я хотел бы поговорить в печати на эту тему (на страницах «Южного» музыкального вестника», который Вы, кажется, получаете) в связи с Предварительным действием Скрябина (текст которого тоже был закончен и скоро выйдет в свет) и Парсифалем Вагнера. Очень прошу Вас устроить как-нибудь, чтобы этого *Антихриста* мне можно было внимательно перечесть. То, что Вы рассказали о нем когда-то, я пересказывал многим, и все находят, что это страшно интересно, остро-современно и по ясности мысли далеко оставляет за собой туманную символику Скрябина и Вагнера в области тех же проблем¹².

В ответ В.И. Ребиков написал развернутый текст, представ-

¹² ВМОМК. Ф. 68 (Ребиков). Ед. хр. 233. № 1200. Л. 2-2 об.

ляющий собой своего рода кредо, спрессованное до размеров эпистолярного высказывания. Хотя Горский спрашивал только о драме *Антихрист*, Ребиков в письме от 14 декабря 1915 г. не ограничился изложением ее символического сюжета, а заговорил о музыкальных драмах, написанных в прошлые годы, связав их с *Антихристом* в единый религиозно-художественный замысел:

Многоуважаемый Александр Константинович! Получил я Ваше письмо. Вижу, что Вас заинтересовала моя музыкально-психологическая драма *Антихрист*. *Антихрист* составляет отдельную пьесу от трилогии *Драма Духа* – состоящей из *Тэи*, *Нарцисса* и *Альфы* и *Омеги*.

В этой трилогии я хотел изложить борьбу Духа с Материей.

В *Тэи* – материя (Гэйос – земное начало) побеждает.

В *Нарциссе* – побеждает Дух.

В *Тэи* – дух, спасаясь на высотах “Святого эгоизма”, не удержался на “высоте”, соблазнился земными благами, сни-

зошел к ним, пошел на компромиссы и более не был в состоянии снова вернуться на высоту былых идеальных стремлений.

В *Нарциссе* – дух остался верен своим идеалам, любя их выше всех материальных благ. Дух, оставляя землю, оставил людям нетленную красоту (в данном случае в виде цветка Нарцисса, которым вечно будут любоваться люди). “Святой эгоизм” Нарцисса походит на “святой эгоизм” старцев, пустынножителей, схимников, индуистских факиров, замкнутых ученых, философов, писателей.

Старцы, уходящие в леса, пустыни – “спасать свою душу” – тоже любят свой дух выше всего в мире – и, желая “спасти”, “осветить” свой дух, сделать его более “светлым”, уходят от людей, от “любви к людям”, от “любви к жизни” и, умирая, остаются в памяти людей как “святые”, как негасимый “свет” (‘цвет’, ‘цветок’), как вечная, нетленная красота духовных стремлений.

Символическая трилогия *Драма Духа – Тэа, Нарцисс*, оканчивается *АЛЬФОЙ И ОМЕГОЙ*.

В ней я хотел передать силу Люцифера.

Люцифер удивляет человечество стремлением к знанию и власти. Эти стремления заполняют всю жизнь человека и он не имеет времени прислушаться к влечениям своего Духа, не имеет времени ‘осветить’ дух и его спасти от гибели.

Эти ‘стремления’ к власти и знанию суть те же – те *Гэйос, Эхо, Никфи* из двух первых частей трилогии.

В *Омеге* “человек” погибает так же как и *Тэа*, но с той разницей, что *Тэа* все же погибает у подножия ее храма, а (*Гэйос*) “последний человек” гибнет у ног своего владыки – Люцифера, которому он служил во все века своей жизни (т<ак> к<ак> материя есть орудие Люцифера). “Последний человек” спрашивает: “К чему же было вечное стремление все узнать – всем овладеть?” К чему? Когда он должен погибнуть, как

всякое животное, как растение.

Это гибель – “Гэйоса” с погашенной *Тэй!*

Тэа (стремление к идеалам) – погибла; Гэйос “торжествовал” миллион веков и погиб, как погибает материя человека, материя всего ‘живущего’.

Драма Духа – *Тэа, Нарцисс, Альфа и Омега* – должна идти ‘в один вечер’ нераздельно.

Совершенно отдельно от символической передачи борения ‘Духа’ и ‘Тела’ стоит *Антихрист*. В этой драме *Антихрист* вполне “реальное” лицо.

Сын Люцифера, он носит в себе его дух, и наносит последний удар человечеству, проповедуя “эгоизм” не святой, духовный, а материальный.

Но люди смешивают эти понятия и идут по дороге, указанной *Антихристом*, – по дороге “эгоизма материи”.

Но в конце концов торжествует Дух – и материя гибнет. Воцаряется ‘царство Духа’.

Итак, вот круг.

Нарцисс – царство духа.

Тэа – борение с земным началом, дух и материя.

Альфа и Омега – царство материи.

Антихрист – проповедь царства эгоизма материи и победа Духа.

Вот так.

При постановке трилогии надо ставить так:

1) *Нарцисс*, 2) *Тэа*, 3) *Альфа и Омега*.

*Антихрист*¹³.

Примечательно, что, следуя житнетворческому духу эпохи, Ребиков в письме Горскому представляет музыкальные драмы *Тэа* (1904), *Нарцисс* (1913), *Альфа и Омега* (1911), написанные им по отдельности и в разные годы, частями единого замысла, выстраивая их в символическую трилогию *Драма Духа*, а вместе с ненаписанным еще *Антихристом* – в тетралогия. Более того, в письме композитор обозначает единый метафизический сюжет тетралогии, отчасти навеянный гегелевской идеей развития Абсолютного Духа, отчасти – гностическими и буддийскими представлениями о плененности духа материей. Сюжеты и образы драм, взятые из резервуара вечных

¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

сюжетов и образов мировой культуры, он представляет как символические воплощения путей человечества и путей Духа. Так в письме молодому критику и философу Ребиков фактически задавал вектор интерпретации своего творчества, одновременно демонстрируя стремление к той самой мистериальности, о которой, как о главной тенденции русской музыки начала XX в., писал в это время Горский.

Именно так, как части единого замысла, как вехи движения к Мистерии – представит Горский “музыкально–психологические драмы” композитора в статье *Ребиков*, появившейся в 1916 г. на страницах «Южного музыкального вестника», подчеркивая “режущую остроту идей”, яркость образов, сквозящих “в линиях звуковых волн” (Горский 1916а, 15–16: 102), в чем Ребиков, с его точки зрения, не уступает Вагнеру и оставляет позади Скрябина. Как прямое воплощение мистериального сюжета будет рассматривать он и *Антихриста*, подчеркивая, что в сравнении вагнеровским *Парсифалем*, вещь Ребикова выигрывает тем, что ее действие “развертывается в будущем”, в отличие от привычного для мистерии “вневременного аллегоризма” или ухода “в ле-

гендарное прошлое” (Там же: 103). Сюжетно сопоставляет Горский *Антихриста* Ребикова и с соловьевской *Краткой повестью об Антихристе*, подчеркивая, что в обоих произведениях вопросы конца истории, последней схватки добра и зла, конечного преображения мира в Царство Христово, обыкновенно кажущиеся такими далекими, такими несоизмеримыми с повседневностью, предельно приближены к современности, поставлены как вопросы, касающиеся каждой личности, заставляющие дать на них ответ здесь и сейчас. “Как в повести философа, так и в мистерии композитора туманные символы апокалипсиса – вдруг оживают, обрастают плотью современности, древние полузабытые пророчества заговорили явственным языком нашего сегодня и завтра” (Горский 1916а, 17–18: 116). Они требуют от человека не просто прочтения и понимания, но самоопределения и активного действия. В этом для Горского смысл подлинной мистериальности, выводящей за пределы искусства, разрушающей средостение между символическим творчеством и религиозным действием, заставляющей сделать первый шаг на

пути к преобразению бытия в благобытие.

Обращение к переписке Горского с Ребиковым позволяет понять, почему разговор об исканиях русской музыки в области религиозного синтеза искусств, начатый в статье *Германизм и музыка*, Горский продолжил не в формате общей, а в формате персональной статьи, при том что материал, который философ планировал обобщить, был огромен и разнопланов и творчество Ребикова было лишь его частью. В статье *Ребиков* анализ развития мистериальной темы в музыке был организован вокруг разбора творчества конкретного композитора; более того, было заявлено, что развернутое сопоставление *Антихриста* Ребикова “как с последним творением Вагнера, так и с новейшими русскими опытами музыкальных мистерий – ‘предварительным действием’ Скрябина и ‘сказанием о граде Китеже’ Римско-Корсакова” еще впереди (Там же).

1916 год был юбилейным для композитора, в мае ему исполнилось 50 лет. В «Русской музыкальной газете», центральном периодическом органе, связанном с русской музыкой, появилась заметка К

50-летию *В.И. Ребикова*¹⁴, автор которой констатировал, что творчество “выдающегося музыкального новатора” еще не было понято в его цельности и самобытности, и выражал надежду, что такую оценку композитор успеет услышать при жизни. Что же касается «Южного музыкального вестника», то орган, в котором Горский собирался вести разговор о мистериальном начале у Ребикова в контексте путей русской музыки, отметил юбилей композитора... критикой его творчества. В № 11–12 за 1916 г. после небольшой заметки нейтрального характера, где была дана в сжатом виде биография Ребикова и обозначена основная эволюция его творчества – от фортепианной музыки к опере и музыкальной драме, следовала большая статья иеромонаха Антония, постоянного автора «Южного музыкального вестника», *Современный модернизм в церковной музыке*, в которой он нападал на ребиковскую статью *Пение в храме* (Ребиков 1916), посвященную путям обновления церковной музыки и храмового пения (Иеромонах Антоний 1916: 69). А далее следовала статья Му-

¹⁴ «Русская музыкальная газета», 1916, 20–21, 15–22 мая.

зыкальный импрессионизм, автор которой, Л. Штерн, обозначая основные особенности нового стиля, ярко представленного у французских композиторов (прежде всего у К. Дебюсси), подчеркивал, что импрессионисты слишком увлекаются диссонансами и подчас, “гоняясь за изобретением новых гармоний или иных оригинальных приемов”, “изобретают антимузыкальные несуразности”, примеры которых он демонстрировал... на материале творчества Ребикова (Штерн 1916: 71).

Горский, как мог, пытался сгладить негативный эффект от выпада «Южного музыкального вестника» против творчества Ребикова в юбилейный для него год. Как лицо, стоящее близко к редакции, он сразу же обратился к композитору с просьбой по случаю юбилея дать для журнала какую-нибудь статью или эссе, подобно тем, что Ребиков время от времени печатал в «Русской музыкальной газете». Однако Ребиков наотрез отказался: “Мне писали из Одессы, что журнал оказался ко мне недружелюбным, и при таком обороте дела, конечно, я не могу дать что-

либо”¹⁵. Когда же в руки Ребикова попал сам номер журнала, и он познакомился со статьей иеромонаха Антония, то написал Горскому развернутое письмо, в котором пояснял, почему так настойчив в своем призыве отказаться от профессионального пения в храме, вернувшись к общенародному пению раннехристианской общины, и почему, в отличие от отца иеромонаха, убежденного, “что ‘теперь’ царит ‘в истинном смысле’ учение Иисуса, что все ‘поступают согласно советам’ Иисуса”, он, Ребиков, убежден, что человечество до сих пор “живет во времена седой древности”, оно до сих пор “в первобытном состоянии и на $\frac{3}{4}$ животное”.

Конечно, я верю, что лет через 10000 выработается тип ‘человека’. Как некогда среди высших пород обезьян явилась группа получеловеков, обособилась и выработался тип существующих людей, так и среди ‘человечества’ обособится группа, которая в далеком будущем даст тип ‘человека’. Он будет на $\frac{3}{4}$

¹⁵ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 12 июня 1916 // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11 об.

духовен и на $\frac{1}{4}$ животен. Вот тогда-то и начнется жизнь, а не ад. А пока – пока мы еще современники первых фараонов, современники первых времен Ассирии и Вавилона – тот же круг идей, те же идеалы и стремления. Седая древность!¹⁶

Однако Горский не оставлял мысли примирить Ребикова с одесским музыкальным журналом, и в конечном итоге решил не просто написать о жанре мистории у Вагнера, Скрябина, Ребикова, но дать в юбилейный год развернутую статью о композиторе, идеи и музыкальные эксперименты которого по-настоящему еще не были осмыслены и поняты его современниками, а суждения о музыке вызывали споры. Задача облегчалась тем, что Ребиков не только регулярно посылал Горскому из Ялты ноты своих произведений, но и регулярно сообщал в письмах о том, над чем он работает. И не просто сообщал, но и объяснял себя, принципы своего творчества, содержание и структуру новых вещей. Так, письмо, в котором Ребиков горестно удивлялся критиче-

ской статье иеромонаха Антония, завершалось следующим сообщением, демонстрировавшим “две створки” ребиковского творчества, черпающего из резервуара античного мифа и его вечных образов: богинь, богов и героев и из русской классики:

Я теперь пишу *Дворянское Гнездо*, музыкально-психологическую [sic] драму. Этим названием я хочу отметить, что в этой драме “музыка не все, а лишь средство передавать внутреннее состояние духа людей”. Либретто – по Тургеневу – четыре акта. Скоро думаю кончить. Составил все сам.

На днях выйдет новая метаморфоза Овидия *Арахнэ*. В двух картинах. Действующие лица только женщины: Зависть, Афина, Арахнэ и прислужницы. Картины мифов: Леда, Европа, Дана, Дафнэ – будут изображаться в виде пантомим и мимик¹⁷.

О работе над *Дворянским гнездом*, ставшей своего рода “тихим сопротивлением” Ре-

¹⁶ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, Июль 1916 // Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же, л. 23 об.

бикова мясорубке смерти и розни Первой мировой войны, как позднее для И.А. Бунина в годы Второй мировой станет его книга рассказов о любви *Темные аллеи*, Ребиков писал Горскому и в других письмах. А еще не раз пытался объяснить критику свои эстетические установки и формальные эксперименты. В том самом письме, которое явилось ответом на вопрос Горского о мистере *Антихрист*, Ребиков писал и о квартовых аккордах, которые он первым ввел в русской музыке¹⁸, и об опытах в области мело- и ритмодекламации. В форме последней он написал целую драму и так пояснял свой выбор: “Избрал я не ‘мелодекламацию’, а ‘ритмодекламацию’, ибо нахожу, что мелодекламация имеет тот недостаток, что часто уда-

¹⁸ “За последнее время стали входить в моду квартовые аккорды.

Двадцать лет тому назад я заинтересовался ими и писал в *opus*’е 8-м № 14 (1895 г.) трехквартовые аккорды. В *opus*’е 13-м № 7, № 9 (1897 г.) – четырехквартовые аккорды (то же и в *Елке*, стр. 24 [1900 г.]) и наконец в *Бездне*, опус 40 (1907 г.) пятиквартовые аккорды. И потом в *Fenille d’album* 6-ти квартовые аккорды.

Как в *нон-аккорде* откидывают квинту, так и в 5-ти квартовых аккордах я всегда откидываю нижнюю кварту” (В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 14 декабря 1914 // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.).

ряемый слог стиха ‘не совпадает’ с сильным временем такта.

Я же их ‘согласовал’, и таким приемом написал целую драму, и отдельные ‘ритмодекламации’”¹⁹. Наконец, Ребиков отсылал Горского к своим собственным статьям в «Русской музыкальной газете», в которых излагалась его концепция “музыки чувства”, свободной от формальных ограничений, использующей широкий диапазон средств для передачи эмоциональных состояний, теория “орфеизма”²⁰, о которой ниже специально еще пойдет речь.

Не только этот эпистолярный материал оказался в распоряжении Горского при работе над статьей о Ребикове. Редактор «Южного музыкального вестника» Н. Марценко передал критику “для использования в статье [...] письмо Ребикова, обращенное к профессору – тогдашнему инспектору Одесской консерватории Ф.В. Мироновичу, где ярко описаны тернии творческого пути автора *Елки*”²¹. Это в полном

¹⁹ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 14 декабря 1914 // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

²⁰ Там же.

²¹ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироно-*

смысле слова “исповедальное” письмо проливало свет и на взаимоотношения Ребикова с русской и европейской аудиторией, и на его понимание задач музыкального творчества, и на искания в области гармонии и жанра, исходившие из глубинного протеста против “развлекательности”, против искусства как художественной “имитации”, за искусство, выходящее к правде жизни, способное реально “передавать” эмоцию, выражать истину и преобразовать реальность:

28 лет тернистого пути не шутка. А путь был очень одинок и очень тернист... В особенности на родине. Коллеги бранили, печать молчала или бранила, театры были закрыты. Кличка “Декадент” заперла для меня все двери русских концертных зал. Только благодаря тому, что на *Елку* обратили внимание за границей, ее ставили и у нас. Но ‘как’ ставили? Как феерию, как “детскую” оперу. Водили нянек и детей.

вичу // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4 об.

Автобиография - Number 7/2018

Все это пишу без горечи, ибо я давно к этому привык, и потому, что я все же видел “другое” отношение к своей работе и в Париже, и во Флоренции, и в Праге и других европейских центрах.

Вы знаете, как отчаявшийся Глинка прекратил работать, как отчаявшись Мусоргский погиб преждевременно, как Чехова высмеивали, как страдал Достоевский и друг<ие>.

И все это вполне естественно: слишком рано для России иметь искусство. Надо сперва выстроить “дом”, а потом уже вносить “рояль”. Родина же наша похожа на дом без крыши, и посему понятно, как никчемны все эти художники. Сперва культура – а потом искусство. И погибшие таланты похожи на ласточек, которые прилетают слишком рано, еще зимой. Родись Глинка в Германии, Мусоргский в Париже, Чехов в Италии – другая была бы у них и жизнь, и судьба. Слишком не по времени они у нас. Эта война ясно указывает нам, как нам далеко до

Европейцев. Грабежи торговцев, беспорядки дорог ясно указывают, что люди не понимают, что они живут в государстве, а не в лесу, где грабить разрешено.

Нет у нас серьезной жизни и в искусстве.

Искусство – для всех развлечение, забава, должно забавлять, “доставлять удовольствие”.

К чему же сводится тогда роль художников?

Словно повара, они должны готовить вкусные блюда и исполнительно, словно слуги, подавать их публике.

Все это крайне унижительно и неверно.

Не знаю, были ли Вы в Одессе, когда я поставил *В грозу* (1894 г.). Когда я ее услышал, я понял, что “так писать нельзя”. Мне аплодировали в публике, а я в то же время думал – за что аплодируете? Ведь все это ложь, ложь! В лучшем случае – “красивая ложь”, все эти арго, дуэты, хоры, ансамбли, увертюры, антракты, интермеццо и т.п.

Можно ли было избрать целью своей жизни –

“красиво лгать”? Можно ли было душу вкладывать в ложь?

И я отошел от оперы, ушел от музыки. Стал искать ответ на мой вопрос в других искусствах: живописи, литературе, драме.

Так я нашел “искание правды”, нашел и солнце, и трепетание жизни, и “правду чувств”.

Преступление и наказание заставляло меня переживать все события. В то время как слушая *Фауста* или *Демона* или *Онегина*, я ‘не переживал’ совершающееся на сцене. Драмы Чехова были сама жизнь – а оперы были “только искусством”. В руках музыкантов люди не оживали, а были манекенами.

Со сцены “пели о разных” чувствах, но эти чувства меня не волновали, я их не переживал и в правду их я не верил, а главное им не сочувствовал, не был ими заражен.

И я ушел от “опер”, пародий на жизнь.

Постарался уйти от слушания музыки.

И стал изучать другие искусства, литературу,

живопись, драму, скульптуру. Изучал, “как передавать жизнь”.

Я был убежден, что “не вся сила музыки” использована музыкантами, что разработана ее “внешняя” сторона, но не внутреннее, изучено ее физиологическое воздействие, но не психическое.

Я был убежден, что можно “куда сильнее” передавать чувства, чем мы делаем.

Что есть еще много новых красок, мало известных.

Случайно, желая передать настроение Беклиновских картин (я большой любитель Беклина), стал я писать в целотонной гамме. Случайно 20 лет тому назад (в 1895 г.) попались в моих пьесах 3-х-квартовые аккорды²².

Из письма Ф.В. Мироновичу вырисовывался образ композитора-новатора, открывателя новых путей в музыкальном искусстве, но при этом “опередившего” свое время, а потому этим временем не заме-

²² В.И. Ребиков – Ф.И. Мироновичу // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28–28 об.

ченного. Характерен пассаж о так называемом “прометеевом аккорде”, квартовом аккорде, прозвучавшем в “поэме огня” *Прометей* и навсегда связавшемся в сознании музыкальной критики с творчеством А.Н. Скрябина. В письме Мироновичу Ребиков с горькой иронией замечал: “В моей *Бездне*, написанной в 1907, изданной у Редера, в 1908 демонстрированной в Париже (она нравилась г. Лалуа, критику муз<ыкальных> журналов) Вы найдете этот ‘небывалый, мистический’ аккорд!!

Хотя в 1908 г. можно было всюду достать клавир *Бездны*, критик просмотрел мою работу, и пришел в удивление от Скрябинского аккорда”²³.

И если бы только этот аккорд! По свидетельству Ребикова, и идея связать музыкальную тональность с определенным цветом (основа “цветомузыки” Скрябина) пришла в голову именно ему:

Есть люди, которые, слушая музыку, видят световые краски. [...] Если допустить, что *C-dur*, *D-dur* и т.д. соответствуют известным краскам, то можно допустить и их соединение, смешение

²³ Там же. Л. 29.

ние. [...] Тогда пьеса в *S-dur* – явится ‘одноцветной’ и трехчастная песня – *c-dur* + *a-mol* + *c-dur* – будет походить на картину, разделенную на три части и разрисованную двумя красками, следующими хотя бы так:

белая краска – зеленая – белая. [...]

Я сделал опыты соединения красок. Соединение тональностей не горизонтальное, а вертикальное. [...]

Соединения эти порой ухом бывают вполне приемлемы и звучат даже красиво и правдиво²⁴.

Письма Ребикова, прямо манифестировавшие эстетическую позицию композитора, объяснявшие особенности его художественного стиля, свою роль сыграли. А.К. Горский, создавая статью, широко опирался на них, апеллируя к высказанным там суждениям Ребикова как к его прямому слову, приводя скрытые и прямые цитаты. При этом самый жанр юбилейной статьи, требовавший представления творческого пути композитора, был выдержан критиком лишь от-

части. Горский принципиально не писал очерк творчества. Он пытался понять, какая идея стоит за музыкальными исканиями композитора, стремился ввести эти искания в контекст идущего от Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева понимания искусства как “теоантропоургии”. Критик практически не касался фортепианного наследия композитора, не упоминал ни вокальные сцены, ни пьесы-настроения, ни *Басни в лицах*, ни романсы, ни сюиты, ни мелопластики и меломимики. В орбите его внимания – эстетические декларации Ребикова, представленные в его письмах и статьях, и “музыкально-психологические драмы”, причем тоже не все, а лишь те, которые Ребиков в письме Горскому представляет как части символической трилогии *Драма духа*, да находящееся в процессе работы *Дворянское гнездо* (рассказывая о нем, Горский вводит в статью материалы письма Ребикова от 19 ноября 1916 г., в том числе иронический пассаж, адресованный композитором пуристански настроенным меломанам: “На радость врагов целотонных аккордов, во всей драме ни одного аккорда цело-

²⁴ Там же, Л. 29 об–30.

тонного!”²⁵). В центр внимания философ ставит мистерию *Антихрист*, стремясь связать разговор о ней с темой путей и целей истории, разбирая лежащий в ее основе сюжет и образы действующих лиц, относимые в культуре к разряду “вечных”, акцентируя тему любви и милосердия к падшим. В ребииковской версии событий последних времен основной акцент, по мысли Горского, сделан не на фигуре Антихриста, как у В. Соловьева, а на образ Марии, дочери последнего священника последней церкви. Мария, образ которой соотносится Горским с апокалипсическим образом *Жены, облеченной в солнце*, любит все бытие, всю тварь и даже падших демонов: “Люблю я всех, люблю я все. Полна любви я к небесам и даже падших ангелов люблю я”²⁶. Именно она дерзает нарушить главную заповедь сына погибели, воплощающую, по мысли Ребиикова, высшую степень земного, материального эгоизма: заповедь о любви к себе. Изливаясь на мир, всеобъемлющая любовь Марии является, с точки зрения Горского, зачатком преображения, дает

образ иного пути, на который может встать человечество, отвергнув путь эгоизма, ведущий к религиозному и нравственному тупику. В ней видит философ проявление того Преображенного Эроса, который, как писал В.С. Соловьев в трактате *Смысл любви*, изливается на все бытие, утверждая в нем закон “всемирной сизигии” (Соловьев 1990: 547) вместо закона вытеснения, розни, смерти.

Формальная сторона ребииковского творчества, в которую зачастую недоумевающе упирались его строгие критики, интересует Горского не сама по себе. Декларируя неразрывность идеи и формы, он пытается понять, какие мировоззренческие сдвиги стоят за сдвигами в области гармонии, чем определяется тяготение Ребиикова к целотонным аккордам с их диссонирующим, напряженным звучанием. Памятуя о своих диалогах с композитором в первые дни мировой войны, когда Ребиикова одолевали предчувствия поистине апокалипсических битв, опираясь на письма, в которых корреспондент Горского настойчиво повторял, что гармония в мире воцарится лишь после длительного периода кризисов и катастроф, философ подчеркивал, что ре-

²⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

²⁶ В.И. Ребииков, *Христос и Антихрист* // ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 8. Л. 7.

биковские диссонансы суть обостренная реакция на трагедию мира, которую художник стремится выразить и избыть своим творчеством. “Больше чем кто-нибудь он не отворачивался от всего темного, безыменного, бесформенного, каменного, давящего, кошмарного, пока не разоблачил его тайн” (Горский 1916а, 15–16: 102), и этот давящий кошмар выражал каскадами диссонансных звучаний.

И тем не менее в Ребикове не было того предельного отчаяния, которое захлестнуло В.С. Соловьева в его, как оказалось, предсмертном *Письме в редакцию «Вестника Европы» “По поводу последних событий”*. Несмотря на мрачные, напряженные ноты, звучавшие и в личном общении, и в письмах, и в музыке композитора, Ребиков, подчеркивал Горский, стремился к противостоянию злу, к преодолению трагедии мира.

Этот пессимизм, – разъяснял он спустя двадцать лет, – нашедший себе выражение в таких произведениях, как опусы 35 и 36, или драматизованной музыкальной поэме *Альфа и Омега* [...] был для него, как я вскоре убедился из дальнейших

с ним бесед и из последовавшего за этим изучения его творческого пути, лишь ‘оболочкой’, за которой скрывалась горячая вера в возможность победоносного разрешения всех противоречий, активного творческого исхода из вековых тупиков²⁷.

С раннего периода творчества Ребиков искал этот исход, и именно этим стремлением питались его музыкальные опусы и эстетические тексты. Мысли композитора о сущности музыкального психологизма, о безграничных возможностях музыки в передаче тончайших оттенков чувства и настроения Горский интерпретировал как попытку расширения власти музыки, использования той ее силы, которая, как писал Ребиков Ф.В. Мироновичу, поистине ‘колоссальна’. Однако излагая мысль композитора, философ указывал, что одна лишь музыка чувства неспособна гармонизовать бытие: она нуждается в мысли, воле и действии. Философ выстраивал линию движения русского

²⁷ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.

музыкального творчества от “музыки чувства” к “музыке мысли и воли”, находя подтверждение своей гипотезы в судьбе Скрябина и Ребикова: в раннем творчестве они следуют певцам сердца, Шопену и Чайковскому, а затем, преодолевая их влияние, выходят на собственный путь. Правда, с точки зрения Горского, в отношении волевого начала музыка Ребикова, тяготевшего более к “сфере ‘мысли’, идеологии”, уступает гармонии Скрябина, у которого “изысканная утонченная чувствительность (и чувственность) – дорывается до страстного ‘хотения’, до невиданного и неслыханного утверждения ‘воли’”; зато “еще не измеренная глубина и огненно режущая острота идей” Ребикова далеко превосходит мысли своего собрата по музыкальному перу. Скрябин дает в своей музыке голос воли, мощной, неистовой, устремляющейся к невозможному, в его гармониях бьется потрясающая витальная сила. Ребиков стремится передавать на языке музыкальных звуков жизнь духа, “чувства духовные”, такие как “вера, надежда, идеальные стремления, доброта, чистая любовь, доверчивость, дружба, преданность” (Горский 1916а, 15–16: 102). И в конечном счете

оба, по Горскому, дополняют друг друга, выходя в пространство исканий нового музыкального синтеза, религиозного в своей основе и обращенного к действию.

Настойчиво подчеркивая в творчестве Ребикова пафос преодоления трагедии, Горский отчасти выдавал желаемое за действительное, стремился несколько сгладить обостренный катастрофизм его музыки, перетащить композитора в лагерь христианских оптимистов, каким был он сам. Более того, приводя в статье фрагменты ребиковских писем, опираясь на заявления в них смысловые узлы, Горский ставил их в такой контекст и так поворачивал, что они начинали звучать не столько по-ребиковски, сколько с тем тембром, который нужен самому Горскому. По ходу статьи он подспудно спорил с Ребиковым, опираясь на... самого Ребикова, исходя из стержневых идей его творчества, доказывая ему возможность расширительного толкования идей и образов, на которых строилась его религиозно-эстетическая концепция. К примеру, обыгрывая прозвучавшие в письмах композитора слова о “святом эгоизме” и уходе в пустыню, он усиливал не мотив оставления

художником мира, погрязшего в суетности и грехе, а мотив внутреннего делания в пустыне, собирания духовных сил – для грядущего сопротивления злу. Более того, сравнивал пребывание в “пустыне” с пребыванием в пустыне Христа, где Он был искушаем сатаной, “был со зверями; и Ангелы служили Ему” (Мк. 1, 61). Пребывание в пустыне Горский представляет как преодоление искушения злом: художник встает перед лицом открывшейся бездны и не отворачивается от нее. Спускается в глубины человеческих переживаний, “в тайники подсознания, куда еще ничей не проникал отважный взор”. Пытается понять и постичь это мыслью художника и затем выразить в звуках. “Здесь и начинается служение ангелов. Из кризиса, пережитого творчеством Ребикова, художник вышел победителем. Чьи-то крылья подняли его над зияющими ужасами и призраками пустыни. [...] Музыка чувства стала музыкой мысли и воли”. Пустыня становится подвигом не для самоспасения, а во имя спасения мира, предстает как “собираение сил” на преображающее строительство Нового Града. Надежду на победу светлого, оптимистического начала ви-

дел Горский и в ребиковском *Гимн Солнцу*, одной из самых технически сложных для исполнителя вещей композитора.

[...] где последнее какими-то взрывами и громовыми ударами пробивает себе дорогу сквозь мглу ночи. Между прочим, требование автора этой вещи брать здесь некоторые аккорды не пальцами, а всей боком поставленной ладонью донельзя возмущало и оскорбляло профессиональных исполнителей. Между тем в исполнении самого композитора именно этот прием достигал цели, давая незабываемую картину солнечного восхода как “вооруженного напора” световых сил²⁸.

Цитата взята из пояснительной записки Горского к письмам Ребикова. Впечатление от звучания *Гимна Солнцу* представлено более двадцати лет спустя так ярко и живо, что понимаешь: Ребиков самолич-

²⁸ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.

но играл Горскому эту вещь, как, вероятно, и другие свои произведения, ибо исполнительство было для него частью творчества, завершительным актом творческого процесса, рождающего в мир новые сочинения. В статье *Ребиков* еще нет смыслового разбора *Гимна Солнцу*. Но тема преображения бытия в благобытие, просветления материи, ее одухотворения и обожения проходит через весь текст.

С этой темой непосредственно связан один из ключевых внутренних сюжетов статьи – сюжет о Материи и Духе, как он предстал в интерпретации Владимира Ребикова и как воспринимался Горским-философом. На примере этого сюжета особенно видно, что, разбирая творчество композитора, Горский одновременно продолжает диалог и даже спор с ним, завязавшийся в личном общении, перешедший на страницы писем и теперь зазвучавший в статье.

Вечный сюжет о тяжбе Духа с Материей особенно занимает Ребикова-художника, проходя, как указал он в письме Горскому от 24 декабря 1915 г., через тексты трилогии *Драма Духа* и завершаясь в финале мистерии *Антихрист*. По убеждению Ребикова, эта тяжба в итоге должна разрешить-

ся всецелым торжеством Духа, когда же в истории происходит иначе, когда Дух идет на компромисс с материальным началом, тем самым отяжеляясь и обессиливаясь, теряя крылья, или оказывается совершенно подавлен и подмят грубой и плоской материальностью, то человечество сходит с заповеданного ему пути на каменистые тропы блужданий и заблуждений. Так, юная девушка Тэа, живущая в замке на вершине скалы, спускается на землю на зов юноши Гэйоса, но, оказавшись в грубой хижине, понимает, что земная любовь не для нее (“Как грубо все здесь. Как некрасиво! [...] Как чужд мне этот человек”). Но сил доплыть до желанного берега и взойти снова на вершину скалы у Тэи не остается: она погибает (Ребиков. *Тэа*). Предельную же стреноженность духа являет, по Ребикову, человечество, соблазненное Люцифером, как в драме *Альфе и Омега*, или поклонившееся Антихристу, как в мистерии *Антихрист*. Однако если в драме *Альфа и Омега* Люцифер торжествует, то в мистерии *Антихрист* торжествует Христос. Христос, Который, с точки зрения Ребикова, есть Носитель и Учитель Духа.

В архиве композитора сохранилась заметка об Иисусе Христе, датированная 25 декабря 1915 г. Она написана спустя 11 дней после того, как Ребиков отправил Горскому исповедальное письмо, в котором выстраивал мистико-религиозный сюжет трилогии *Драма Духа* и мистерии *Антихрист*. Сюжет тяжбы Духа с Материей получает завершение в этой заметке, написанной в день Рождества Христова и представляющей собой манифестацию веры самого Ребикова:

1915 лет тому назад родился человек, имевший столь осветленную душу, по силе света равную свету Бога, что был впоследствии, когда Он доказал силу Своего Света, – признан Богочеловеком. При жизни Его многие, пораженные силой Его Духа, думали, что это Мессия, спаситель Израиля, царь, который подымет восстание, свергнет иго римлян и создаст великое, сильное царство.

В это верили и на это надеялись прежде всего Его ученики. Учение о Духе, которое проповедовал Иисус, было со-

вершенно непонятно. Какой такой дух? Что такое дух? Этого даже и XX век не знает, а не только невежественные мужики, окружавшие Иисуса. Несколько заинтересовавшихся Его учением ученых людей тоже поняли не более мужиков. Ибо понятие и слово о рождении свыше, царство Божие, Вечная жизнь, Святой Дух и многое другое было трудно усвоить.

Так и текла жизнь Иисуса – Его слушали, но не понимали, и все ждали от него призыва к восстанию. Иисус застал в людях веру в Духа, столь приспособленную к слабостям материи, что много раз негодовал и сердился на толкователей учения о Духе и извратителей основ законов Духа. Те, в свою очередь, сердились на Иисуса: почему, дескать, только он понимает сущность Духа, а не мы и наши предки?

Иисус с своим учением о Духе был совершенно одинок, дружественны к нему были лишь Его ученики, но их было очень мало. Надеялись

на него как на будущего Короля страны массы народа, а против него была сплоченная интеллигенция.

Иисус проповедовал о Духе, а все окружавшие его понимали только запросы Материи. Они друг друга не понимали. Конечно, если Иисус ограничился бы только лекциями о Духе и о законах Духа, Он бы не был убит.

Но Он ребром поставил вопрос – либо служение Духу, либо материи.

Причем служение Материи, по словам Иисуса, неминуемо вело к гибели послесмертной.

Это был уже вызов к борьбе.

И борьба началась.

Но силы были неравные.

Дух боролся с материей.

И, конечно, победила материя, и проповедник о Духе был убит.

Собственно говоря, на этом и должно было бы все кончиться.

Ученики Его разочаровались в Нем, ибо Он не достиг королевской власти, не был Мессией.

Ученики скрылись и трепетали за свою жизнь

Поставлена была досадная точка.

Конец неудачной жизни.

Но тут произошло нечто небывалое.

Иисус воскрес. Его видели, с Ним говорили ученики. Тут только поняли иудушки о то, что такое говорил при жизни Иисус, о духовной стороне жизни человека.

Еще при жизни Иисус, однажды открыв духовные очи учеников своих, показал им СИЛУ СВОЕГО СВЕТА, света Его Духа (в преображении), но и это, в то время, осталось без внимания, удивились ученики и почти забыли.

Но воскресение Иисуса заставило учеников Его совершенно переменить их жизнь.

Труссы превратились в храбрецов, вышли на улицы и стали смело вспоминать слова Иисуса, его жизнь и проповедовать Его учение.

Иисус умер, как неудавшийся король Израильский, воскрес – как Бог.

И в этого Бога поверовали видевшие Его и знавшие Его и так убедительно и горячо говори-

ли о нем, что многие тоже поверовали в Него. И так родилось Христианство.

Тут начались компромиссы.

Дело в том, что в чистом виде учение Иисуса столь духовно, что материи трудно было слиться с ним.

Материя сперва пошла первой на компромисс: безбрачие, посты, умерщвление плоти, отказ от собственности – на все это шла материя в первые века христианства. Жалкая пародия на тогдашние “сдачи позиций” – можно видеть, как кое-где оставшиеся клочки духовной жизни – трапписты, схимонахи, затворничество...

Это – остатки былого величия, выродившиеся потомки сыновей Духа.

Как бы то ни было, но учение Иисуса трогало сердца нищих, рабов, угнетенных общинников, а их было много.

Тогда материя стала давить дух, и заставила последний, в свою очередь, пойти на компромисс. Заключен был союз.

Мы хорошо знаем, к чему ведет компромисс, сделка Духа и Материи.

То же самое произошло и с союзом Рима и учением Иисуса.

Материя торжествующе вошла в мир Духа и поселилась на веки вечные.

Теперь мы празднуем рождение Бога, рождение Духа. А посему, купим окорок, вина, индюшек, поросенка, торт, конфеты и сделаем *Елку*.

А *Елка* – это символ “вечной жизни материи” (вечно “зеленая”), а свечки – задушенный символ солнцеворота (солнце двинулось на к весне).

Итак, в память родившегося на земле величайшего Духа, по силе равного Богу, покушаем поросенка, затем шампанского и зажжем *Елку*, пойдём в гости, лишний раз окунемся в туман

при общении с людьми, увидим притворные улыбки, услышим лживые слова. Чествуя память о Духе, лишней раз вспомним о своей матери!!

То же пред<прини>маем, когда будем вспоминать о смерти и воскрешении Духа.

В промежутках потолкаемся в церкви, послушаем оперное пение, *basso profundo* диакона и все это назовем празднованием.

Среди праха жизни, тумана лжи, торжества материи – если быть искренним хоть на миг, то следует не погашать надежду. Когда-нибудь люди все вспомнят учение Иисуса, когда-нибудь хоть через 2000 лет, примут Его учение²⁹.

Из этого религиозного кредо Ребикова отчетливо видно, что сближало и что разводило его с Горским. Сближал образ всецелого торжества Духа над всеми формами распада и смерти, упоминание о фавор-

ском Преображении, о Воскресении Христовом, этой сердцевине Евангельской истории, которую игнорировали многие современники Ребикова, предпочитавшие гуманистическую, ‘ренановскую’, ‘толстовскую’ трактовку Христа – только как проповедника нравственных максим, но никак не Воскресшего и Воскресителя. Разводил настойчиво декларируемый Ребиковым дуализм Духа и Материи, убеждение в невозможности их союза, их взаимопроникновения и единства. Между тем как для Горского именно полнота этого союза, в которой неразрывно сплетены Дух и Материя, но материя просветленная, открытая преобразующему действию Духа, лишенная жала смерти, составляет истину христианства. И Христос, подчеркивал он, несет в мир не апологию духа, отрицающегося плоти, сбрасывающего с себя телесность как отжившую, скукожившуюся оболочку, но образ всецелого преобразования мира в единстве его физической и духовной природ. Самый образ человека, вершинного создания Божия, несет в себе идею духо-материальности, духо-телесности. И сам Богочеловек, цитирует Горский В.С. Соловьева, есть “дух, навеки

²⁹ ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 102.

воплощенный”, это полнота человеческого самосознания, нашедшего себе “достойную форму”. Христос не проклинает материю, напротив – являет образ преображенной материальности. “Его Плоть” и “Кровь”, которым причащаемся мы на литургии, это Материя, очищенная от всякого “пятна и порока”, “видоизменяемая” и “преображаемая” “до того предела, когда уже врата ада (смерть) бессильны одолеть ее” (Горский 1916а, 17–18, с. 118).

Именно этот образ Христа рисует Горский в статье о Ребикове, стремясь расширить его трактовку у композитора, подчеркивая движение от религии Духа к религии всецелого и всемирного преображения, окончательного примирения Материи и Духа в Христе-Богочеловеке, а значит в перспективе времен – и во всем человечестве, в идеале “нового неба и новой земли”. Христос, подчеркивает Горский, хорошо знакомый с богословской традицией, недаром называется в Новом завете “Спасителем тела”. Уникальность Его явления, служения и проповеди состоит не в умерщвлении и отрицании, а в спасении Плоти, изъятии из нее жала греха, похоти, смерти. И если “для духа недоразвитого плоть

представляется лишь ‘темницей и гробницей’, откуда можно только убежать, освободиться”, то для духа совершеннолетнего, сознающего свою ответственность за бытие, долг водительства твари, “плоть становится предметом влюбленности, творческой работы, преобразующей ее в ‘светлицу и горницу’ Духа” (Там же).

На пути преображения, гармонизации материи, одухотворения телесной природы, ключевая роль, по мысли Горского, принадлежит музыке. В этом и состоит та ее сила, о нераскрытости которой с горечью вздыхал Ребиков. Сам Горский о преображающей силе звуковых волн, составляющих ‘материю’ музыкального произведения, об их способности воздействовать не только на психику человека, но и на его “физику”, писал, рассматривая творчество А.Н. Скрябина (Горский 1916b). Философ ссылался при этом на Б.Ф. Шлецера, который в программной статье *О действительном искусстве в духе Н.Ф. Федорова* призывал использовать влияние музыки на физические процессы, “в созидательных, конструктивных целях”, направить его “на восстановление плоти, реорганизацию вещества” (Шлецер 1915: 9).

Горский, вслед за Б.Ф. Шлецером, утверждал, что для всякого художника, претендующего на жизнетворчество, сверхзадача должна быть в том, чтобы гармонизирующее влияние музыки направить на самый организм человека, на живую плоть мира, чающую спасения и обожения (Горский 1916b).

“Вопрос влияния музыки на тело” (Горский 1916a, 17–18, с. 120), о преображающем воздействии музыкальных волн не только на духовно-душевную, но и на материальную сторону мира, Горский поднимает и в статье *Ребиков*. И не просто поднимает, но выдвигает на первый план. Рассматривая позднее творчество композитора, и прежде всего мистерию *Антихрист*, философ подчеркивает, что Ребиков вплотную здесь приступает к дерзновенной задаче (хотя, разумеется, и не решает ее) сделать искусство реально гармонизирующим, умиротворяющим, способным не только просветлять души людей, но и преображать телесную их природу, быть, если воспользоваться выражением Н.Ф. Федорова, орудием “регуляции”.

С точки зрения задач регуляции рассматривал (и пересматривал Горский) и реби-

ковскую концепцию “орфеизма”. Задача музыки, в представлении Ребикова, способствовать торжеству в жизни светлого, “аполлонического”, “орфического” начала. Просветляя и гармонизируя реальность, музыка вытесняет из нее темные, хаотические, “дионисические” силы. Однако далеко не всегда музыкальное творчество оказывается на высоте этого призвания. Напротив, зачастую в музыкальных гармониях слышны отзвуки буйного, неистового дионисизма, не светлый, звучащий с вышины голос Духа, а голос Крови, бурлящей в подпочве жизни. Два идеала музыкального творчества: прозрачная, чистая, умиротворяющая бытие Музыка Духа и Музыка Крови, воплощающая темно-страстное, вакхическое начало, идущее из глубин природной жизни, Ребиков представлял через сюжет древнего мифа об Орфее. В рассказе *Орфей и Вакханки* он рисует певца, лира которого погасила бурление страсти, заставляя каждого слушать “песни своих сердец”, на мгновение преображала реальность: “Лев лежал рядом с ягненком. Тигр с овцой. Враги лежали рядом друг с другом, словно друзья, словно братья” (Ребиков 1912b: 13). А вслед за этим образом Му-

зыки Духа, воздействующей на высшую, духовную природу человека, способной примирять не только людей, но даже зверей, пожирающих и убивающих друг друга в порядке природы, Ребиков, следуя древнему мифу, описывал бурные танцы вакханок, врывающиеся в мир, зачарованный звуками лиры Орфея, громкие, визгливые звуки тимпанов и флейты, поющей *Песни Крови*. Вакхизм и орфеизм как направления музыкального развития предстали и в фантастическом рассказе Ребикова *Через пятьдесят лет* (Ребиков 1911а). Его герой, бывший ученик консерватории, пятьдесят лет безвыездно проживший в Сибири, возвращается в 1960 г. в Москву и знакомится с новыми формами организации музыкальной жизни и новыми тенденциями в музыкальном искусстве. И здесь он встречает соперничающие друг другом школы композиторов-орфиков, которые задались целью “сделать музыку проводником не только чувств, но и зрительных ощущений”, и представителей “мелопластики”, развивающих идеи школы Айседоры Дункан, которые “хотят возродить искусство вакханок” (Ребиков 1911а, 14: 364, 365).

Противостояние Музыка Крови и Музыка Духа было для Ребикова одним из проявлений того, что она назвал “драмой Духа”, одной из ипостасей извечной тяжбы Духа и Материи, стремящейся его пленить, загасить, уничтожить. Эту связь он обозначил еще в первом письме Горскому, где раскрывал замысел трилогии *Драма Духа* и мистерии *Антихрист*:

Читали ли Вы статью *Орфей и Вакханки и Музыка через 50 лет*, напечатанные в «Русской Музыкальной Газете» (издание Н. Финдейзена) в 1910 и в 1911 годах? Там я говорю об *Орфее* как о начале *песен Духа*, и о *вакханках* как об источнике *песен крови. Песни Духа* и *песни Материи*. Если не читали, то прочтите, там я много своих мыслей изложил об этих песнях.

Орфей! Подобно ему, наш Поэт пел: 1) чувства “добрые” я лирой пробуждал, прославил я “свободу... милость” к падшим призывал. Это все ‘орфические’ эмоции. Орфей тоже будил “добрые” чувства даже в животных, такова

была его цель. Песни же крови, песни *Вакханок* будили чувства, более свойственные людям. Главная их приманка была внешняя “красота” звуков, форм, ритмов.

Орфей и Вакханки – это символ, такой же, как и Нарцисс. Хотя допускаю, что Орфей был в действительности композитор, умевший “чувства добрые” пробуждать, он был уничтожен враждебными ему “вакханками”³⁰.

Вопрос о вакхизме и орфеизме, как путях человеческого творчества вообще и музыкального творчества в частности, поднимал Ребиков и в программном письме Ф.В. Мироновичу:

Насколько разработана музыка крови, столь же зачаточна музыка духа. Композиторы умеют музыкой заражать слушателей чувствами тела, но передавать чувства духовные – веру, надежду, идеальные стремления, доброту, чистую любовь, доверчиваость, дружбу,

преданность и т.д., ах, с каким трудом передается звуковой палитрой – ибо краски на ней “кровяные”, а не “духовные”. Вот и есть теперь задача – найти “краски звуковые” Духа – найти “лиру Орфея”³¹.

Приведя эту цитату в статье о Ребикове, Горский, сочувствуя “устремлениям” композитора, выражает несогласие с коренным разделением, лежащим в основе ребиковской концепции “орфеизма”: “Само разделение крови и духа условно, и в жизни и в музыке не так легко отграничить голос духа от голоса крови. И главное – ‘нужно’ ли отграничивать?” (Горский 1916а, 15–16: 103). Для Ребикова Кровь ассоциируется с низшим, материальным началом, в ней говорит голос Плоты. Однако Горский напоминает о том, что в бытии и истории был явлен образ другой Крови: пронизанной Духом, обновляющей смертное естество, как и образ другой Плоты, просиявшей на горе Фавор и затем восставшей в Силе и Славе. Тело и Кровь Христовы, подаваемые в таинстве Причащения верующим, –

³⁰ В.И. Ребиков – А.К. Горскому. 14 декабря 1915 // РГАЛИ. Ф. 741. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

³¹ В.И. Ребиков – Ф.В. Мироновичу // Там же. Л. 29 об.

вот где для Горского путь к примирению Плоти и Духа.

Споря с Ребиковым-теоретиком, Горский доказывает, что Ребиков-художник оказывается шире спрямленных эстетических схем. “Не обескровленный дух ему нужен, но одухотворенная кровь” (Там же). Для Горского в лире Орфея, гармонизирующей не только души людей, но и природу, уже дан человечеству образ регуляции, преобразования Материи Духом. Однако полноту гармонизации мира раскрывает все же не Орфей, а Христос. Именно Он является, с точки зрения Горского, Центром истории и Центробразом искусства. И Ребиков, пытается показать Горский, несмотря на поклонение лире Орфея, движется в сторону признания духовной опорой Музыки будущего не орфеизма, а христоцентризма. В подтверждение этому критик приводит слова композитора, сказанные ему летом 1914 г.: “Написать еще только жизнь Христа, и тогда могу считать свою деятельность законченной” (Горский 1916а, 17–18: 117). А далее, в финальной части статьи, пытается начертать образ музыки будущего, “Музыки Нового завета”, участвующей в том, что Николай Федоров называл “внехрамовой

литургией”, а сам Горский – “вселенским делом”. А дуализм Ребикова, противопоставлявшего *песням Крови песни Духа*, разрешает через христианское учение о Церкви как Телу Христовом и апостольское учение о браке, пропущенное сквозь призму соловьевского *Смысла любви*. Подлинное эротическое отношение, с точки зрения Горского, неразрывно с идеей духо-телесного преобразования любящих. Через эротическую любовь, воспринимающую другого как целостность (этим она в корне отлична от сексуальности, где человеческая личность всегда дробна, всегда редуцирована до своего пола), должно быть уяснено “истинное отношение духа к телу” (Там же: 119). В статье о творчестве Ребикова Горский фактически нащупывает и проговаривает будущие темы своего *Огромного очерка*, соединяющего философию любви с философией жизнетворчества.

Когда статья о Ребикове вышла в свет, Горский послал ее своему ялтинскому корреспонденту. Композитор откликнулся двумя письмами: одно содержало поправку закравшейся в статью смысловой опечатки, а другое было развернутым откликом на ин-

терпретацию его творчества, данную Горским в юбилейной статье. Откликаясь на суждения Горского–критика, хваля за чуткость и пронизательность, благодаря за синтетический, религиозно-философский, а не узко-профессиональный подход к его творчеству и в то же время стремясь более точно расставить акценты, Ребиков, как в своем время в письме Ф.В. Мироновичу, пишет еще одно “исповедание веры”:

Дорогой Александр Константинович,

Вашу статью прочел с большим вниманием и очень обрадовался как глубине мыслей Ваших, так и новому оригинальному освещению событий.

Вы большой талант критический, и пророчу Вам большое будущее. Вы умеете угадывать самую сущность. В то время как другие, испугавшись неблагозвучия целотонной гармонии, покинули меня, Вы сумели угадать мою пустыню, и заметили и зверей, и Ангелов. Вы все заметили, поняли и отметили. Воистину, я ушел в пустыню и прислушиваюсь к голосу

своего Духа, надеясь, что он даст отголосок Великого Духа. Душа человека – вроде телефонной трубки, прислушайтесь к ней и Вы, может быть, услышите голос Великого Света или голос Люцифера. Если подходить ко мне только с ‘музыкальным аршином’, как это все делают, выходит нелепость. Это не та мерка: с аршином не меряют тяжесть, с фунтом не меряют длину. Отсюда и непонимание, враждебность, пренебрежение. И не зная, сколько фунтов в аршине, критик махает рукой и уходит, говоря: “Куда он идет? Дальше с ним не пойду”. Я на это не обижаюсь, я их понимаю. Я ушел от людей, и в будущем, может быть, дальше уйду. Поняв жизнь – понял, что это ‘сплошное преступление’. Как живут. Так жить могут только слепые и глухие. Жизнь в тумане лжи.

Вы меня считаете скромным. Спасибо. Но я боюсь, что я нескромен. Я ставлю перед собой такие колоссальные задачи, что скорее хочу

быть назван нескромным.

В *Альфе* я должен был выдать тайну силы Люцифера: а именно его две приманки – ‘знание’ и ‘власть’. И все человечество в руках Люцифера. Весь мир – ‘его дом’.

Проповедь Антихриста будет именно такой, какой я ее изобразил, любить себя выше всего в мире, для знания всего, для власти надо всем. Если знаешь состав капли морской воды, то знаешь состав воды целого океана. Если знаешь себя, знаешь все человечество. Святой эгоизм духа. Вот что проповедует Антихрист. И его царство будет до той поры, пока в сердце человека не проснется всесозидающая ‘любовь’ к людям, и они понесут этот огонь к людям и осветят мир. И настанет Царство Божие. Но к нему путь – ‘через’ путь Антихриста, сперва будут все любить себя, а потом уже других. Духовный эгоизм – Нарциссианство. Теизм – только ‘путь’ к Антихристу, и наконец в конце концов настанет истинная любовь друг к другу.

И тогда Христос ‘вторым Пришествием’ придет в души людей.

И настанет радость до конца мира. А пока: мы только в преддверии царства Антихриста. Мрачен и долог этот путь, полночь глухая, время привидений и шабаша ведьм.

Взгляните на то, что происходит теперь – ведь это шабаш ведьм.

Все пошло вверх дном. Погибли самые высокие идеалы, поруганы самые великие понятия. Мог бы быть ‘сад цветущий’, теперь лысая гора, и на ней торжественная черная служба.

Каждый человек должен иметь ‘свою пустыню’.

В ней он поймет себя, поймет мир, и себя спасет, и других спасти может.

Нарциссианство – это путь, спасший многих.

Святой эгоизм приводит к богу, но тот же путь будет рекомендован и Антихристом. В этом тайна.

Нарциссианство – гимнастика Духа.

Укрепив мышцы Духа –
волен человек либо на
пользу людей силу свою
употреблять, либо на
зло.

Вот тут ‘распутье’.

Кто куда пойдет.

И Антихристов гений
сумеет, до распутья до-
ведши, дальше устре-
мить людей на путь зла.

Боюсь, что на условиях
русской сцены моя рабо-
та увидит только Париж-
скую сцену.

К этой теме я все время
стремился.

Елка – поэма одиноких
душ.

Тэа – стремление к свя-
тому эгоизму.

Нарцисс – святой эгоизм.

Альфа и Омега – тайна
Люцифера.

Ворочаюсь к прежней
моей мысли.

Почему я в пустыне?

Как художник, я только
Вами понят.

А 29 лет иду один.

Один критик пишет, что
я не рожден ‘вождем’. [...]

Вожди всегда тянут за

собой паровозы, десятки
вагонов, полных людей.

Вождь часто, словно
“проводник”, должен
оборачиваться, объяс-
нять все и ‘трепетать, как
бы не удрали те, кому он
служит проводником’.
Часто приходится идти
ради этого на “компро-
миссы”.

Посмотрите на Вагнера.
Всегда ли он был на вы-
соте своих идеалов и не
превращалось ли его
Sprechsingen в *Singen*³²,
когда дело доходило до
передачи чувства любви
и других знаков нежного
характера? Откинул ли
он эффекты?

Ох, ох уж эти вожди!

Если бы только “вожди”
шли не в шуме и гаме
окружающей их толпы! Я
всем ‘талантам’ рекомен-
дую: “только пустынь”.
Она спасет. Мир погу-
бит, пустынь спасет. А
когда мир с ума сошел и
шабашует, то одна пу-
стынь спасет: и ‘звери’
пустыни покажутся ла-
нями и овечками. Если
бы дикие звери могли
понимать и видеть то,
что делают теперь люди,

³² *Sprechsingen* – “речь на распев”,
высший тип речитатива, введенный
Вагнером, *Singen* – пение (нем.).

завтра звери сочли бы себя за идеал доброты и невинности³³.

Как и в письме от 14 декабря 1915 г., композитор характеризует части своих “музыкально-психологических драм” как части единого религиозно-художественного замысла, включая в него не только *Тэа, Нарцисса, Альфу и Омегу, Антихриста*, но и оперу *Елка*, написанную в 1899–1900 гг. и воспроизводившую в символической форме сюжет святочного рассказа Ф.М. Достоевского *Мальчик у Христа на елке* и сказки Г.Х. Андерсена *Девочка со спичками*. Эта опера еще в те ранние годы обозначила сопротивление Ребикова ‘обмирщению’ христианства, превращению великого праздника, знаменующего явление в мир Его Спасителя, в бескрылую, мещанскую толкотню. И теперь композитор сознательно ставил эту самую известную свою вещь, религиозно-философский смысл которой публика не понимала, в параллель с “драмами духа”. Примечательно, что в письме, написанном после прочтения статьи Горского, Ребиков уже не столь прямолинеен в от-

стаивании “Музыки Духа” как идеального, которое неприемлемо противоположно реальному. Более того, касаясь темы “святого эгоизма” и образа ‘пустыни’, он объясняет их, “держа в уме” трактовку Горского. Он подтверждает, что “святой эгоизм” – это не путь обособленности, но необходимый этап становления личности, на котором, уйдя внутрь себя, она оказывается способной обрести истину и затем выйти в мир, спасая других. Гораздо сильнее, в сравнении с первым письмом, звучит теперь у Ребикова тема любви: именно любовь составляет содержание финального этапа истории, который следует за царством Антихриста. Именно любовь отверзает небеса, раскрывая мир навстречу Христу. И хотя Ребиков по-прежнему пророчит, что человечество ожидают в ближнем и дальнем будущем нестроения и катастрофы, финал истории в его изложении оптимистичен. Царство любви, являющееся в конце исторического процесса, ничто иное, как “тысячелетнее Царство Христово” 20 главы *Откровения...*, где Христос будет царствовать вместе с людьми. Более того, в изложении Ребикова нет и намека на то, что “после” миллениума возмож-

³³ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, *Осень 1916* // РГАЛИ. Ф. 741. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 24–27.

ны хоть какие-то срывы и взрывы зла. А ведь, если следовать апокалиптической 'букве', через 1000 лет благоденствия сатана вновь будет развязан и выйдет на последнюю брань против "стана святых". Ребиков же описывает конец истории почти как философы активного христианства Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, для которых история, преодолевшая антихристов соблазн, "врастает" в эсхатологию, миллениум преобразается в "Новый Иерусалим" (см. подробнее: Гачева 2015b).

Переписка Ребикова и Горского продолжилась и после выхода в свет статьи *Ребиков*. Композитор ценил общение с молодым критиком, столь вдумчиво и с таким широким дыханием написавшим о его творчестве. Регулярно делился своими планами, посылал ноты, сообщал, над чем работает в данный момент. Особенно часто писал о музыкально-психологической драме *Дворянское гнездо* по роману Тургенева. Эта вещь была другого рода, нежели символические драмы трилогии, но зато она в совершенстве соответствовала ребиковскому представлению о "музыке чувства", и композитор возлагал на нее особенные надежды.

Письма Ребикова, касающиеся *Дворянского гнезда*, углубляют ту концепцию "музыки чувства", которую композитор разрабатывал с начала 1900-х годов, создавая свои "пьесы-настроения". Если рассматривать их в связке с программными статьями композитора, то становится очевидным: ребиковская "музыка чувства" оказывается одним из вариантов искусства как житнетворчества, декларирующего радикальное расширение возможностей искусства в его воздействии на человека. Эта музыка, стремящаяся к детальной передаче жизни души, тончайших ее нюансов, воспринимается не только "ушами", но всем существом, захватывает всего человека. Опера, "театр" создают лишь иллюзию правды жизни. "Музыка чувства", становясь основой музыкально-психологических (или психографических, как выражался сам композитор) драм, разрушает "театральность", против которой выступал еще Р. Вагнер, а в России – современники Ребикова Вяч. Иванов и А.Н. Скрябин. Она снимает барьер между и творящим и внемлющим, между "публикой" и "актерами". У внемлющего душа так же "слушает и живет" "вместе со всеми действующими лицами"

произведения. Он является не просто “зрителем, слушателем”, но “действующим лицом драмы” (Ребиков 1911а, 2: 35–36). А в поздний период творчества, пришедшийся как раз на годы общения с Горским, когда в сознании Ребикова усиливаются эсхатологические настроения, он рассматривает “музыку чувства” как один из инструментов “гармонизации” атмосферы эпохи. Слушающие музыкальную пьесу или присутствующие на представлении музыкальной драмы в момент исполнения оказываются охвачены общим чувством, и это единство эмоции для Ребикова – и свидетельство о том, что человечество в своей сущности, несмотря на различия наций, рас, убеждений, едино, и предвещает будущее, уже совершеннолетнего, сознательного единства в любви, к которому, чаёт композитор, придет мир в финале времен. Ребиков неоднократно подчеркивал, что для его драм не подходит современный театр, что они требуют совершенно иной организации пространства и самого действия. О том, какой бы он хотел видеть постановку *Дворянского гнезда*, композитор писал А.К. Горскому:

Вокальные артисты умеют, возбуждая в себе чувство, настроение, заражать ими слушателей. Оркестровые артисты умеют делать то же самое. Декорации реальные, постановка тоже. Надо соблюдать, по возможности, декорациями – настроение акта. Например, сцена у пруда, общее настроение – “интимность” уголков запущенных парков у пруда и т. п. Вот мои требования. Если только ‘что-нибудь’ будет дисгармонировать – все пропало. 4 элемента: вокальные артисты + оркестровые артисты + декорации + режиссура – должны звучать “как аккорд четырехзвучный”. И этот аккорд должен видоизменяться соответственно настроению действия. И это аккорд будет давать “полный гипноз”. Это будет не представление, а сама жизнь, не артисты, а живые люди. Вот чего я хочу. Вот почему не называю свои работы “операми”, а музыкально–

“психографическими” драмами³⁴.

Горский, как никто другой, понимал “религиозную”, “этическую” подкладку ребиковской эстетической теории. Декларируя “музыку чувства”, заставляющую автора раскрывать себя как можно полнее и глубже, так, чтобы ничего из его переживаний и настроений не осталось невыраженным в звуках, но прозвучало, а значит было воспринято, пережито и понято слушателями, композитор как будто спорил с тютчевским *Silentium*’ом: “Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь”. Он словно отвечал “первому русскому поэту философу”: изреченные, высказанные вербально мысль и чувство – может, и ложь, но прозвучавшие, выразившиеся музыкально, – никогда ложью не будут. “Музыка чувства” преодолевает барьер между душами, закрытость, непрозрачность сердец, в чем и коренится одна из глубинных причин нестроений в человеческом мире. И Горский, наследник *Философии общего*

дела, воспринимал музыкальную концепцию Ребикова в контексте федоровского идеала “психократии”, основанного на необходимости преодоления разрыва между “внешним” и “внутренним”, заменяющего “юридико-экономические” отношения родственно-нравственными.

“Музыка чувства”, по убеждению Ребикова, должна была стать вектором музыкального развития будущего. Однако реализация ее заданий во всей полноте наталкивалась на тот самый стоящий между людьми барьер непрозрачности, неполноты, невысказываемости, который она же призвана была сокрушить. Между композитором, выражающим эмоцию в произведении, и слушателем, который должен был эту эмоцию воспринять, стоял еще исполнитель – со своим духовным и человеческим багажом, со своей собственной верой и своими представлениями о сущности и назначении музыки. Исполнитель-посредник оказывался неспособным во всей полноте воспринять и передать эмоции композитора, выразившие себя в музыкальном произведении, неизбежно скатывающегося к “интерпретации”, и именно об эту фигуру спотыкалась концепция “музыки чувства”. Неда-

³⁴ В.И. Ребиков – А.К. Горскому. 1 июля 1917 // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12 об.

ром Ребиков постоянно подчеркивал, что по-настоящему звучат написанные им вещи лишь в авторском исполнении:

Жаль, что я не могу сам сыграть Вам *Дворянское Гнездо*. Если кто-нибудь перед Вами будет, разбирая ноты, проигрывать *Дв<орянское> Гн<ездо>*, то знайте, что это не *Дв<орянское> Гн<ездо>*, а ноты. Это все равно, что монолог Гамлета читать без выражения.

Вообще с моими драмами надо знакомиться в “моей” интерпретации. “Тогда только это то, что я написал, что я чувствовал”.

Мне приходилось слышать свои сочинения в интерпретации даже хороших пианистов, – и скажу: “это была не моя музыка”. Были мои ноты, но не было моей души.

В этом все несчастье и трагедия моего искусства, оно слишком личное³⁵.

³⁵ В.И. Ребиков – А.К. Горскому. 1 июля 1917 // РГАЛИ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 17 об.

И все же несмотря на очевидные “ножницы” между “замыслом” и “интерпретацией”, Ребиков стремился осуществить постановку *Дворянского гнезда*, которое считал вершиной своей “музыки чувства”, на современной сцене. Сама драма была закончена быстро – писание заняло осень и начало зимы 1916 г., а в январе 1917-го Ребиков уже был занят оркестровкой произведения, о чем и сообщил Горскому в письме от 13 января³⁶. В конце года *Дворянское гнездо* было опубликовано в музыкальном издательстве П.И. Юргенсона. Как свидетельствовал сам Горский, “в одном из (утраченных) писем, кажется, 1918-го года было подробно описано, как побывавший в это время в Ялте Владимир Иванович Немирович-Данченко, прослушав клавир *Дворянского гнезда*, чрезвычайно высоко оценил это произведение и категорически обещал осуществить постановку его на сцене своего театра”³⁷. А в сентябре 1918 г. композитор приглашал Горского в Киев, где “через месяц” должно было

³⁶ Там же. Л. 13–13 об.

³⁷ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

идти его *Дворянское гнездо*, и сообщал, что по дороге мог бы остановиться в Одессе и представить фортепианную версию в консерватории³⁸.

Увы, все эти планы были разрушены катастрофическими событиями эпохи. Мировая война, Февральская, а затем Октябрьская революции, Гражданская война, красный и белый террор воочию демонстрировали, что человечество семимильными шагами идет по пути Люцифера, когда-то отпавшего от Бога, Источника Жизни, и превратившегося из светоносного ангела во властителя тьмы, ада и смерти. Сбывались самые мрачные пророчества Ребикова, высказанные им Горскому летом 1914 года.

В разгар событий Гражданской войны Ребиков пишет мистико-философский этюд о Люцифере. Подобно В.С. Соловьеву в *Краткой повести об Антихристе* он представляет вехи апостасийной истории, служащей не Творцу, а антагонисту Творца. Однако, в отличие от автора *Трех разговоров*, обращается не к будущему, а к событиям современной истории, интерпретируя происходящее здесь и сейчас как

³⁸ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 19 сентября 1918 // Там же. Ед. хр. 1. Л. 19.

проявление вековой тяжбы Князя Тьмы с Богом, предметом которой является человек:

Для Люцифера вся наша планета котел, в котором он варит людей. Это его химический опыт. Люцифер хочет доказать Богу, что напрасно Иисус принес свою жизнь в жертву ради спасения людей, что души у людей нет, что у них “только тело”. Что Иисус ошибся, идеализировал людей, предлагая им: любить врагов, раздать имущество, что все проповеди и планы жизни, предложенные Им людям, – все это не для людей. Люцифер хочет доказать Богу, что спустя 1900 лет Веры в Бога нет ни на грош в людях, что люди – это лишь одна из разновидностей обезьян.

И что же? На мой взгляд – Люциферу это удалось сделать. Химический опыт удался. Люциферу удалось доказать, что в ЧЕЛОВЕКЕ нет ничего Духовного. Ничего!

Особенно блестяще удался опыт на русском народе. Люцифер взял любовь из народа, поло-

жил в реторту, добавил реактивы подлости, измены, трусости, безверия, злобы, ненависти, жадности. На реторте написал: “СВЯТАЯ РУСЬ” – и начал опыт. Немедленно получился осадок. Все эти элементы оказались налицо. Прощедив оставшееся, Люцифер доказал, что ничего иного, кроме этих элементов и не было.

И Люцифер составил формулу человека.

$H_2O + C + N + \text{подлость}_4 + \text{подажность}_5 + \text{трусость}_{10} + \text{жадность}_5 + \text{измена}_4 + \text{воровство}_{10}$.

И эту формулу он преподнес Богу. И Бог ужаснулся.

Кипит реторта, шипит и пары клубятся.

С улыбкой сидит Люцифер.

Клубится пар и призрачные тени из пара появляются, и восстают в клубах пара образы.

Вот образ свободы, мчится богиня с факелом вверх, к небу, за ней тянутся декабристы, и много революционеров былого времени.

К свободе, к свободе, вопят они, страстно желая ее взять.

Но мгновение и уже пар изменил свою форму, уже не богиня свободы, а хромая ведьма, хихикающая, подмаргивающая похоть. И нет уже неба, нет звезд, к которым неслась богиня, а есть черная, мрачная расщелина, есть тесная трущоба.

– Иди за мной, – хихикает гадкая старушонка.

Тени революционеров прошлых времен в ужасе отпрядают от нее, и все растворяется в воздухе.

Новый клуб пара: границы открыты, едут революционеры, едет Ленин! Ах, он спасет Россию, ах, он даст ей счастье.

И вот появляется светлое видение: рыцарь с знаменем, на знамени надпись: “Долой войну”, “Будем брататься с врагами”, “Будем любить врагов” – за них, за этих светлых рыцарей пойдем!

Клубятся пары, несутся видения, и причудливо меняются очертания.

Рыцарь превращается в Иуду и ведет не к небесам, а в тень, по полям, усеянным костями глупых идеалистов, которые думали, что есть Родина,

что есть Отечество, честь!

И клубы дыма расходятся – нет ни рыцаря–Ленина, нет ни толп народа, все исчезло, растворилось в воздухе.

С улыбкой смотрит Люцифер.

Снова клубы дыма – “да здравствует свобода”, – кричит армия, простирает красные знамена, запутывается в них и исчезает с фронта.

“Да здравствует свобода от понятий – честь!” – шепчет Люцифер.

Клубятся пары, и в их очертаниях видны испуганные с презрением глядящие лица бельгийцев, сербов, черногорцев, чехов, французов, итальянцев, англичан, японцев, американцев.

“Так вот, что такое русское!” – доносится их глумящийся шепот, их полные негодования и презрения взоры.

А клубы клубятся дальше. Вот новые образы, за ними тянутся руки и крики: “Спасите Россию”.

Но светлые рыцари, но чистые феи, манящие к высоким целям с пением “Спасем революцию” ис-

чезают. На их место новые виденья. И так без конца, без конца.

А Люцифер все варит, все варит и подкидывает в реторту новые реактивы.

То жидкость в реторте черная как смола, то красная как кровь, то как хамелеон меняет окраски.

Занятное занятие.

Что в конце концов получится?

Что выйдет?

А из мировых бездн следят за этой работой толпы умерших героев. Тут и Ахилл, и Александр Македонский, и Аттила, и Цезарь, и Наполеон. Их интересуется военное дело.

Ахилл – за германцев. Цезарь за Италию. Наполеон за Францию. Но все они с презрением глядят, как удирают русские легионы, как сдаются в плен сотни тысяч солдат, как продают родину Мясоедовы и миллионы воров русских.

Эти великие тени не могут понять, как можно свою семью обкрадывать, как можно свою семью отдавать врагам.

А Люцифер обращается к Богу и говорит: “Ты видишь, что ничего христианского в людях нет, что и католики, и лютеране, и православные – ничем не хуже людоедов и язычников древних времен умеют ‘ненавидеть врагов’, ‘убивать врагов’, ‘грабить врагов и своих’. И если порой кажется, что ‘братание’ это основано на учении ‘Люби врага’, то вот я положу в реторту этот реактив – трусость. – Ты видишь, как моментально почернела жидкость: любят врагов только из-за трусости, только из трусости”.

Химический опыт продолжается.
 Люцифер задается новыми мыслями. “А если положить еще то или это, что получится?”
 Те, кто останутся в живых, могут наблюдать за опытами Люцифера, а их будет еще много, много. Он получит еще много

удовольствия, этот царь природы – Люцифер!³⁹

Этот историософский этюд мрачен, жесток, но не пессимистичен. Ребиков верил, что власть Князя Тьмы не будет вечной. “Много, много” не значит “всегда”. За месяц до октябрьского переворота, 22 сентября 1917 г. Ребиков пишет Горскому:

Я предвидел все совершившееся 17 лет тому назад. Посмотрите список моих сочинений.

В 1900 г. – опус 22 *Рабство и Свобода*.

опус 23 *В сумерках*

опус 24 *Песни сердца*

опус 25 *Стремление и достижение*

... <опус> 26 *Кошмар*

‘Итак, все кончилось кошмаром’.

В коем живем и сейчас.

А потом я написал страшный *opus 27 На их родине*. На чьей. Не знаю. И там № 5. *Они идут!*

Но предвижу, что *opus 28* настанет: *Scenes bucoliques*.

³⁹ ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 85.

Человечество устанет от убийств, от ненависти, и зазвучат пасторали. Так я предсказал в 1900 году⁴⁰.

Примечательно, что в этом спрессованном до нескольких строк программном письме Ребиков не пессимистичен. Ощущение катастрофизма истории, восприятие современных событий как вековой тяжбы добра и зла, Бога и дьявола, Христа и Антихриста, не ведет к разочарованию в бытии и человеке. Демонстрируя, сколь далеко зашло человечество в своем блуждании по адским тропам, заботливо проторенным для него Князем Тьмы, композитор верит в конечный его поворот на иную, спасительную дорогу. Глядя на свое творчество поистине со дня бездны, он представляет последовательное рождение своих музыкальных вещей как символическое отражение прошлых и нынешних путей человечества и пророчество о будущем, в котором, как он выражается, после десятков тысяч лет ненависти, страданий, борьбы, наконец “зазвучат пасторали”, наступит зо-

лотой век, царство всецелой и всемирной любви.

В годы революции и гражданской войны Ребиков вновь обращается к замыслу мистерии *Антихрист*, первый приступ к которой был сделан в 1914 г. Эта мистерия, по собственному признанию композитора, расширяла его трилогию *Драма Духа* до тетралогии, символически выражающей духовный путь человечества с его блужданиями и заблуждениями, соблазнами и откровениями, отступничеством и обретением правды. Новую версию текста Ребиков создает в январь 1918 г., когда Ялта подверглась бомбардировке с красного эсминца, а затем в городе начался большевистский террор. Начинает работать над музыкальным его оформлением и летом 1918 г. даже исполняет *Антихриста* на одном из ялтинских частных собраний в присутствии лиц, “интересующихся религиозно-философскими темами” (Розанова-Свердловская 2011: 94).

Работу над мистерией Ребиков считал не просто художественным заданием, но актом веры. Он сознавал, что создаваемая им вещь выходит за границы музыки в обычном ее понимании, представляет собой явление религиозного

⁴⁰ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 22 сентября 1917 // РГАЛИ. Ф. 742. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 15–15 об.

творчества. В начале марта 1918 г. он так писал Горскому:

Кому горе принес минный крейсер, а мне большую радость.

Я сидел под выстрелами дома и писал, писал 5 дней и ночей. Это был сон.

Пришло вдохновение и продиктовало мне пятиактную драму в стихах. Не знаю, дойдет ли это письмо до Вас, я бы послал драму, да боюсь, потеряется в дороге.

Я кинул вызов судьбе. Веря в Бога, я верил, что Он дозволит мне кончить эту работу. И я кончил!

Значит, такова была воля Бога⁴¹.

Более развернуто об обстоятельствах работы над новой версией текста Ребиков рассказал в другом письме Горскому, сохранившемся только в копии (из подборки писем Ребикова, переданной Горским в ГЛМ в октябре 1938 г., оно таинственно исчезло):

Христос Воскресе!

⁴¹ Датируется по штемпелю Одессы – 5 марта. // В.И. Ребиков – А.К. Горскому, Не ранее 5 марта 1918 // РГА-ЛИ. Ф. 741. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21.

Дорогой Александр Константинович!

Мир и тишина воцарились на моей и, надеюсь, и на Вашей душе. 8-го января начался обстрел Ялты с миноносца и 12-го января кончился: начались реквизиции, обыски, расстрелы на молу, одним словом ужас террора.

Окно моей комнаты было на море, все происходило передо мной. Все жильцы дома помчались в подвал, я один только не пошел и севши к столу стал писать под диктант какого-то ангела мистерию в стихах.

Писал и днем и ночью, ибо обстрел продолжался и ночью. Когда наступило молчание – 12-го – передо мной была совершенно готовая 5-актовая мистерия в стихах. Спасибо им. Я использовал мой нервный подъем и написал мистерию, о коей один священник сказал: “Теперь Вы можете умереть. Лучшего не создадите”⁴².

⁴² В.И. Ребиков – А.К. Горскому, Не ранее 11 мая 1918 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

Сюжетную канву новой редакции Ребиков изложил в третьем письме, которое также исчезло из коллекции, переданной в ГЛМ:

Дорогой Александр Константинович!

Спешу Вам сообщить, что *Антихрист* вышел очень красочно и сценично.

Вся обстановка переделана мною.

Пролог на небе. Первый Акт в комнате двух священников, читающих Библию и пытающихся догадаться, кто будет Он. Второй Акт на площади, где он проповедует свое учение. Третий Акт и палатки его. 2-ая картина того же Акта в поле; против него [пропуск в машинописи] у патриарха, он с помощью своего отца побеждает их, и провозглашает себя Богом. Последний акт в Риме. По его приказанию Марию, все еще любящую его, сжигают, облака дыма превращаются в небесные облака и виден Христос, идущий судить живых и мертвых. Гимн Христу.

Вот что я написал в стихах под бомбардировку миноносца.

Смотрю на эту работу как на продиктованную каким-то ангелом. Я сидел в комнате 5 дней и писал.

Сердцем Ваш Ребиков⁴³.

Текстами этих писем Ребикова Горский воспользовался в новой статье о композиторе, которая была напечатана им в № 1 журнала «Универсальная библиотека», начавшем выходить осенью 1918 г. Поводом к ней стал 30-летний юбилей творческой деятельности Ребикова, отмечавшийся 1 августа. Как и в статье к 50-летию композитора, Горский не стал «подводить итоги тридцатилетней работы художника и прослеживать этапы его творческого пути» (Горский 18: 15). Коротко упомянув о *Дворянском гнезде*, в котором «тургеневский сюжет [...] получил наконец достойное его музыкальное истолкование», подчеркнув, что Ребиков «в совершенстве» сумел передать оттенки тех чувств, которые «не в состоянии изобразить никакое слово» (Там же) и которые по выражению самого

⁴³ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, Вторая половина мая 1918 // Там же.

Тургенева, могла бы передать только музыка (Тургенев 1978: 167), подчеркнув, что в своем творчестве Ребиков отразил предчувствие современных кризисов и катастроф (в подтверждение этому Горский перелагал текст письма Ребикова от 22 сентября 1917 г.), он сосредоточился на мистерии *Антихрист*, представляя ее как вершину творчества композитора, как произведение, “по широте замысла и глубине психологической разработки” приближающееся “к выдающимся произведениям мировой поэзии” и одновременно ставящее его в ряд таких величин русской культуры, как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, младосимволисты, А.Н. Скрябин и др. Подобно им, Ребиков охвачен “эсхатологическим горением” (Горский 18: 16), осмысливает современность в свете метаистории, в перспективе конечной победы сил света над силами тьмы, и ключевая тема, которой касается он в своем последнем, вершинном, произведении, “это вечно русская и всемирная дума, лежащая в основе всех войн и сотрясений цивилизации: *Христос и Антихрист*” (Там же). *Антихрист* предстает в интерпретации Горского не как *Драма Духа*, а как драма двух идеалов, стре-

мящихся повести за собой мир, как столкновение двух “Центрообразов” человечества. Мужество Ребикова, не бежавшего в страхе в подвал, подобно другим обывателям дома, но оставшегося на своем творческом посту для того, чтобы, подобно апостолу Иоанну, принять и выразить данное ему откровение, апокалиптически настроенный критик представил как поступок, имеющий религиозное измерение:

Если происходящая мировая раскачка есть, по крылатому слову одного из вождей среднеевропейских армий, ставка на нервы, то вот эта ставка выиграна нами в лице Ребикова, выиграна самым неожиданным, но и самым реальным образом. Если смерть Скрябина и срыв его “Предварительного Действия”, по мысли проницательных людей еще в апреле 1915 года, знаменовали проигрыш войны и развал России, то, может быть, мы когда-нибудь увидим, что знаменует для нас и для всего человечества происшедшее в этом январе с Ребиковым (Там же).

Для Горского произошедшее с Ребиковым есть предчувствие и предвестие нового – мужественного и ответственного – выбора человечества: не бежать трусливо в подвал, спасаясь от натиска зла, а остаться на страже, противостоя этому злу. Пятидневный труд композитора над мистерией он осмысливает как опыт духовного сопротивления и одновременно как манифестацию того единственно спасительного пути истории, который дан Христом человечеству в заповеди о любви и подтвержден апостолом Иоанном в его знаменитом призыве: “Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога” (1 Ин., 4, 7), “Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире этом, как Он” (1 Ин. 4, 17).

Излагая сюжет мистерии *Антихрист* по письму Ребикова, Горский называет центральной ее идеей идею апокатастасиса. Именно эта идея, по мысли философа, манифестирует во всей полноте ту веру в благой исход исторического процесса, которую декларировали предтечи и деятели Се-

ребряного века: Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, представители религиозно-философского возрождения. Всеобщность спасения означает полноту победы над силами зла, смерти и розни, полноту всеединства, всецелое торжество Христова закона в человеке, истории, мире.

Отсылая к одной из статей Н.Ф. Федорова, в которой приводился текст *Молитвы за угнетателей*, входившей в состав богослужения персидских несториан, повторяя слова философа общего дела: “На основании молитвы за угнетателей можно бы молиться о спасении Антихриста”, он подытоживает: “Мистерия Ребикова и есть такая пламенная молитва о спасении Антихриста – о просветлении всех злых, антихристианских, разрушительных сил истории, которые ‘не ведают, что творят’, как не ведали несчастные матросы, громившие Ялту” (Горский 1918). В *Краткой повести об Антихристе* В.С. Соловьева “старец Иоанн” (литературная проекция образа Иоанна Богослова), внезапно осознающий, что стоящий перед ним император и благодетель человечества никто иной, как Антихрист, реагирует на это понимание со смертным ужасом: он, чистый правед-

ник, отталкивается от носителя предельного зла. В мистерии Ребикова Антихрист, самый отверженный, самый падший, самый плененный демонической силой зла, оказывается бесконечно любим. Мария, героиня мистерии, направляющая на него, “одни только лучи чистейшей любви” (Там же), помнит слова апостола Иоанна, забытые этим “апостолом Христа” в *Краткой повести...*: “В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх” (1 Ин. 1, 18).

Торжествующая в мистерии идея апокатастасиса, с точки зрения Горского, обретает особый, спасительный смысл на фоне исторических событий 1917–1918 гг. В лице Марии “русская душа как бы освобождается наконец от своего вечного кошмара – страха перед грядущим Антихристом: ‘Он идет!’” (Горский 1918). Братоубийственное противостояние, раздирающее тело России, по мысли философа, может быть побеждено абсолютным прощением и той подлинно христианской решимостью, которую демонстрирует ребиковская героиня, готовая “обдать потоком лучей творческой любви” даже самого Антихриста (Там же). История, становящаяся на Божьи

пути, движется этой любовью. В финале статьи Горский, актуализирует идею “христианской политики”, выдвинутую в русской историософской мысли XIX в. И.С. Аксаковым, Ф.И. Тютчевым, Ф.М. Достоевским, В.С. Соловьевым, приводя строки знаменитого стихотворения Ф.И. Тютчева *Два единства*, где единству, скрепленному “железом и кровью”, противопоставит иное, высшее единство – единство в любви. Увы, несмотря на выраженную в статье Горского веру: “Единство человечество будет скоро создано; каждый пусть пока служит ему, чем может и умеет” (Там же), ход событий времени демонстрировал горькую правду Ребикова, утверждавшего, что ‘пасторали’ зазвучат в истории еще в очень отдаленном будущем. Редкие письма Ребикова Горскому 1919–1920 гг. демонстрируют, как композитор, посредник всеобщего безумия, борется с приступами отчаяния и пессимизма, как пытается духовно собрать себя и каким утешением в минуты духовного упадка являются для него письма и статьи Горского:

Тысячу раз целую Вас за Ваши статьи, от которых я в восторге. Вы ‘един-

ственный, настоящий друг моей музыки’.

С минуты на минуту приходится решить вопрос: куда уезжать?

Я с января прошлого года не могу сочинять.

Где то место, где моя душа обрящет покой?

Для творчества он нужен; а я понимаю жизнь как только творчество.

Искренно Вас любящий и благодарный

В. Ребиков⁴⁴.

Это письмо, написанное 4 апреля 1919 г., путешествовало из Ялты в Одессу месяц. На Крымском полуострове всюду полыхала Гражданская война. Когда же 7 февраля 1920 г. в Одессе, где жил Горский, установилась Советская власть, посылать письма в Ялту, находившуюся в это время под властью Деникина и Врангеля, и наоборот стало практически невозможно. Как свидетельствовал позднее философ, “Врангелевское сиденье отрезало Ялту от Одессы”⁴⁵, связь с композитором была

⁴⁴ В.И. Ребиков – А.К. Горскому, 4 апреля 1919 г. // РГАЛИ. Ф. 741. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21.

⁴⁵ А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и профессору Ф.В. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 742. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 6.

потеряна, а 1 августа 1920 г. Ребиков скончался.

Горский так и не узнал подробностей его смерти, не смог найти концов его архива⁴⁶, хотя до 1924 г. в Ялте существовал Музей Ребикова (Розанова–Свердловская 2011: 94). Но о творчестве композитора, чуткого к апокалипсическим зовам эпохи, расширявшего мистериальное начало в музыке, выступая тем самым в авангарде движения от трагических к литургическим формам искусства, он попытался напомнить в статье *Музыка конца*, над которой работал на рубеже 1922–1923 гг. и которая, как и мистерия Ребикова *Антихрист*, осталась то ли не завершена, то ли утрачена. По наброскам статьи, сохранившимся в архиве Горского, видно, что философ планировал поставить творчество Ребикова в центр разговора о музыке и ее эсхатологических горизонтах, которые определялись для него появляющимся в Откровении образом гуляров, стоящих на огнестеклянном море, держа “гусли Божии”, и поющих *Песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца* (Откр. 15, 3). Более того, в разговоре о музыке и эсхатологии философ плани-

⁴⁶ Там же.

ровал опираться не только на мистерию *Антихрист*, но и на трилогию *Драма Духа*, музыкально-психологическую драму *Дворянское гнездо*, подчеркивая, что еще предстоит вскрыть ее “космический смысл”⁴⁷, на программную статью композитора *Музыка через 50 лет*, а также, как и ранее, на письма Ребикова. Именно статья *Музыка конца* должна была поставить последнюю точку в диалоге философа с композитором, который уже не мог быть ни очным, как в 1914 г., ни эпистолярным, как в 1915–1920, но перерастал в высказывание, направленное из времени в вечность.

В сохранившихся в архиве заметках Горский то опирается на Ребикова, то спорит с ним. Несмотря на свою устремленность к финалу истории и веру в то, что этот конец будет благим, Ребиков, с точки зрения критика, не додумывает “проблему ‘организации конца’”, для самого же Горского эта проблема упирается в федоровский “план общего дела”. Вершинной задачей музыки, повторяет Горский мысль, высказанную еще в прежних статьях, является регуляция не

только психики человека, но и окружающей его внешней среды, атмосферы. В музыке и через музыку человечество обретает “воздушную власть”, выставляя против “князя власти воздушной”, сатаны, Люцифера, превращающего планету в “котел”, вселенское действие, преобразующее ее в храм, в мир – в огармоненный космос.

После этой, так и не завершенной статьи, имя Ребикова практически исчезает из текстов Горского, но идеи и понимания, родившиеся в эпистолярном диалоге с композитором, не только не исчезают, но находят свое преломление в его эстетическом и философском наследии. Значение шестилетней переписки двух деятелей Серебряного века для Горского в зрелый период его творчества требует специального раскрытия⁴⁸.

⁴⁷ А.К. Горский, [Заметки о Ребикове] // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

⁴⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Библиография

Белый 1992: А. Белый, *Материал к автобиографии (интимный)*, публ. Дж. Малмстада, «Минувшее: Исторический альманах», 9, Открытое общество Феникс, М., 1992, с. 409–449.

Бердяев 1990: Н.А. Бердяев, *Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции*, Изд-во Московского университета, М., 1990, с. 55–89.

Вселенское дело 1914: *Вселенское Дело*. Выпуск 1, тип. Венске и Любек, Одесса, 1914.

Гачева 2003: А.Г. Гачева, *Религиозно-философская ветвь русского космизма (1920-е – 1930-е годы) // А.Г. Гачева, О.А. Казнина, С.Г. Семенова, Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов*, ИМЛИ РАН, М., 2003, с. 79–125.

Гачева 2015а: А.Г. Гачева, *От имяславия к имядействию: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев в кругу споров об имени, «Вопросы философии»*, 2015, 3, с. 122–136.

Гачева 2015б: А.Г. Гачева, *Идеал “Царства Божия на земле” в русской философской мысли: от Серебряного века до новгородства 1930-х годов, «Соловьевские исследования»*, 2015, 3, с. 80–98.

Георгиевский 2004: Г.П. Георгиевский, *Из воспоминаний о Николае Федоровиче (К 40 дню кончины) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн, РХГА, СПб., 2004, кн. 1, с. 153–164.*

Горский. [Заметки]: А.К. Горский, *[Заметки о Ребикове] // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.*

Горский. Письмо В.И. Ребикову: А.К. Горский, *Письмо В.И. Ребикову // ВМОМК. Ф. 68 (Ребиков). Ед. хр. 233. № 1200.*

Горский. Пояснение: А.К. Горский, *Пояснение к письмам композитора В.И. Ребикова к А.К. Горскому и проф. Ф.В. Мироновичу // РГАЛИ. Ф. 742. К. 1. Ед. хр. 2.*

Горский. Предложение: А.К. Горский, *Предложение о передаче в ГЛМ писем В.И. Ребикова к А.К. Горскому и Ф.В. Мироновичу // РГАЛИ. Ф. 612 (ГЛМ). Оп. 1. Ед. хр. 3067. Л. 341.*

Горский 1914: А.К. Горностаев <А.К. Горский>, *Тяга земная // Вселенское дело*, Выпуск 1, Одесса, 1914, с. 140–207.

Горский 1915: А.К. Горский, *Этапы духосознания, «Южный музыкальный вестник»*, 1915, 4, с. 2–6.

Горский 1915–1916: А.К. Горский, *Германизм и музыка, «Южный музыкальный вестник»*, 1915, 6, с. 6–9; 7, с. 9–12; 12–13, с. 3–4; 15–16, с. 1–3; 1916, 5–6, с. 23–25.

Горский 1916а: А.К. Горский, *Ребиков*, «Южный музыкальный вестник», 1916, 15–16, с. 100–104; 17–18, с. 115–120.

Горский 1916b: А.К. Горский, *Окончательное действие*, «Южный музыкальный вестник», 1916, 7–8, с. 35–39.

Горский 1918: А.К. Горский, *В.И. Ребиков*, «Универсальная библиотека», 1918, 1, с. 15–16.

Горский 1928: А.К. Горностаев <А.К. Горский>, *Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров*, Харбин, 1928.

Горский 1929: А.К. Горностаев <А.К. Горский>, *Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров*, Харбин, 1929.

Горский, Сетницкий 1995: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, *Сочинения*, Раритет, М., 1995.

Достоевский в воспоминаниях современников 1912: *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках*, Товарищество И.Д. Сытина, М., 1912.

Иеромонах Антоний 1916: Иеромонах Антоний, *Современный модернизм в церковной музыке*, «Южный музыкальный вестник», 1916, 11–12, с. 69–70.

К 50-летию В.И. Ребикова 1916: *К 50-летию В.И. Ребикова*, «Русская музыкальная газета», 1916, 20–21, с. 448–449.

Левая 1917: Т.Н. Левая, *Двадцатый век в зеркале русской музыки*, Изд-во им. Н.И. Новикова, СПб., 2017.

Логинова 1911: В.А. Логинова, *Лику Серебряного века: Владимир Ребиков, Николай, Черепнин, Алексей Станчинский*, Изд-во ГОУ ВПО «ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей», Оренбург, 1911.

Ницше 1909: Ф. Ницше, *Полное собрание сочинений: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи*, под ред. С. Франка и Г. Рачинского, М., 1909.

Проскурнин 1922: Милий Стремин <Проскурнин С.М.>, *О Ребикове (Клочки воспоминаний)*, «Художественная жизнь», 1922, 2, с. 2–4.

Ребиков. Письма А.К. Горскому: В.И. Ребиков, *Письма А.К. Горскому* // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Ребиков. Письма А.К. Горскому [машинопись]: В.И. Ребиков, *Письма А.К. Горскому [Машинописные копии]* // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого.

Ребиков. Письмо Ф.И. Мироновичу: В.И. Ребиков, *Письмо Ф.И. Мироновичу* // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 28–30.

- Ребиков. Христос и Антихрист: В.И. Ребиков, *Христос и Антихрист* // ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 8.
- Ребиков. 1915 лет тому назад: В.И. Ребиков, *1915 лет тому назад* // ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 102.
- Ребиков. Для Люцифера вся наша планета котел: В.И. Ребиков, *Для Люцифера вся наша планета котел* // ВМОМК. Ф. 68. Ед. хр. 85.
- Ребиков. Альфа и Омега: В.И. Ребиков, *Альфа и Омега: Музыкально-психологическая драма: Ор. 42: Для пения с ф.-п.*, Р. Jurgenson, М., Лейпциг, б.г.
- Ребиков. Тэа: В.И. Ребиков, *Тэа: Музыкально-психологическая драма*, Юргенсон, М., б.г.
- Ребиков 1911а: В.И. Ребиков, *Через пятьдесят лет*, «Русская музыкальная газета», 1911, 1-3, 6, 7, 13, 14, 17, 19, 22-25.
- Ребиков 1911б: В.И. Ребиков, *Орфей и вакханки*, «Русская музыкальная газета», 1911, 1, с. 6-13.
- Ребиков 1916: В.И. Ребиков, *Мысли о музыке*, «Русская музыкальная газета», 1916, 20-21, с. 441-443.
- Розанова-Свердловская 2011: Л. Розанова-Свердловская, *Ялта музыкальная. 1888-1920*, Н. Орианда, Симферополь, 2011.
- Семенова 1994: С.Г. Семенова, «Положительное целомудрие» Н.Ф. Федорова; «Смысл любви» Владимира Соловьева; «Преобразовательная эротика» А.К. Горского // *Тайны Царствия Небесного*, Школа-пресс, М., 1994.
- Соловьев 1990: В.С. Соловьев, *Сочинения*, Мысль, М., 1990, т. 3.
- Томпакова 1989: О.М. Томпакова, *Владимир Иванович Ребиков: Очерк жизни и творчества*, Музыка, М., 1989.
- Тургенев 1978: И.С. Тургенев, *Собрание сочинений*, Художественная литература, М., 1978, т. 8.
- Федоров 1995: Н.Ф. Федоров, *Собрание сочинений*, Издательская группа «Прогресс», М., 1995, т. 1.
- Шлецер 1915: Б.Ф. Шлецер, *О действенном искусстве (Смерть А.Н. Скрябина)*, «Новое звено», 1915, 17(69), с. 8-11.
- Штерн 1916: Л. Штерн, *Музыкальный импрессионизм*, «Южный музыкальный вестник», 1916, 11-12, с. 70-72.

Дмитрий Торшилов

“Миф моей жизни”: письмо Якова Голосовкера Андрею Белому

The Myth of My Life: A Letter from Iakov Golosovker to Andrei Bely

Iakov Golosovker developed the theme of the mythologization of autobiography in a manner that was close to the Russian Symbolists (see his *My Life Myth*). The proof of this is in his unpublished letter to Andrei Bely, which can be dated to 1921, the time when they were both members of the Moscow ‘Vol’fila’. It is possible that their meetings and creative ties in the late 1920s resulted in the image of Christ visiting a modern town in Bely’s *Petersburg* and Golosovker’s *Burned novel*.

Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) вырос и получил образование филолога-классика и философа в Киеве, где издал первую книгу стихов *Сад души моей* (Голосовкер 1916), а затем, перебравшись в Москву, занимался преподавательской деятельностью и вращался в кругах, близких к московским символистам: он преподавал, в частности, в организованном В.Я. Брюсовым Высшем литературно-художественном институте (Шмидт 1998: 4), участвовал в деятельности московского отделения ‘Вольфила’ (см. ниже).

Поэзия и проза самого Голосовкера, переводчика Гельдерлина, пожалуй, близка даже не символистам, а их

предшественникам, – немецким романтикам; с символизмом его роднит то, что образы *Сожженного романа* (Голосовкер 1998: 23–72) или *Сказаний о титанах* (Голосовкер 1955), претендуя на предельную обобщенность, явно понимаются автором как живые воплощения философских идей. Сам Голосовкер называл такой коррелят символа “смыслообразом”, и описывал его в своей философской книге *Имагинативный абсолют* (Голосовкер 2012: 150 и далее); “Имагинативный абсолют” являются одновременно теорией мифологии, и в этом Голосовкер тоже может показаться скорее прямым наследником позднего Шеллинга и фило-

софии немецкого романтизма, чем собственно символистов, исходивших из Ницше и Владимира Соловьева, а потом зачастую из Р. Штейнера.

Другая традиционная тема символизма, 'творчество жизни', из которой вытекает мифологизация автобиографии, так же не чужда Голосовкеру. С характерной для него лапидарной простотой и одновременно напряженностью чувства она выражена в неоднократно издававшемся наброске *Миф моей жизни* (например: Голосовкер 1998: 15–22), где жизнь одинокого романтика сводится к драме образной мысли, воплощенной в нескольких этапных произведениях, созданию которых принесено в жертву все остальное; а высоты безысходной трагедии эта драма достигает за счет того, что сами эти произведения, их единственные рукописи, безвозвратно погибли в огне.

О своем темном "гераклитовском пути" (огонь – стихия, которую Гераклит считал первоначалом) Голосовкер говорит уже и в начале 20-х в публикуемом письме, где также развивает 'автобиографический миф' (и даже два автобиографических мифа – Белого и собственный). Уже при-

сутствует даже тревога за сохранность своих рукописей.

Письмо не датировано, но его содержание в сопоставлении с записью Белого из *Ракурса к дневнику* делает датировку почти бесспорной: сентябрь 1921 г., начало знакомства. Запись Белого гласит: "Заседание у Нилендера, организующее московскую 'Вольфилу' (Столяров, Бердяев, Новомирский, Нилендер, С.М. Соловьев, И.З. и А.З. Штейнберги, Голосовкер, Петровский¹, еще кто-то)" (Белый 2016: 469).

¹ Владимир Оттонович Нилендер (1883–1995) – филолог–классик, переводчик, друг Андрея Белого (по приезде из Берлина в 1923 г. Белый вначале остановился у него); Михаил Павлович Столяров (1883–1937) – переводчик, видный деятель московского Антропософского общества; Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ; Новомирский (настоящее имя Яков Исаевич Кирилловский, 1882 – после 1936) – анархо–синдикалист, ученый секретарь московской 'Вольфилы'; Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) – поэт–символист, филолог–классик, переводчик, ближайший друг Андрея Белого; Аарон Захарович Штейнберг (1891–1975) – философ, публицист, один из виднейших деятелей петроградской 'Вольфилы'; Исаак Захарович Штейнберг (1888–1967) – его брат, видный член партии левых эсеров; Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – библиограф, переводчик, антропософ, ближайший и постоянный друг Андрея Белого.

Описание Голосовкером Белого на этом заседании (“Вы сейчас совсем разорванный, сам не свой. Когда вчера я смотрел на волхвов и волхвянок, так приятно для себя обсасывающих Вас, мне хотелось втиснуться в стену [...]”) похоже на другие сведения о Белом во второй половине 1921 г., незадолго до отъезда из России (сначала из Москвы в Петроград, потом в Берлин через Ковно [Белый 2016: 469]). О скором отъезде Голосовкер тоже упоминает. Из письма ясно, что он хорошо знаком с творчеством Белого, но лично они не знакомы; посредником между ними является С.М. Соловьев, друг Белого на протяжении всей жизни и, как и Голосовкер, филолог-классик и переводчик с классических языков. Подтверждает датировку и упоминание *песен Атаны*, писавшихся в 1920–1921 гг. (Брагинская 1998: 608). Ответа на письмо, по-видимому, не было и продолжения переписка не получила. Белый вскоре отбыл в Петроград, а потом пробыл два года (1922–1923) в Берлине. Голосовкер не принимал участие в ближайших после сентябрьского мероприятия московской ‘Вольфилы’, хотя впоследствии участвовал в ее деятельности (Белоус 2005: 200,

ср. 210, 217, 220) и читал доклады, в том числе связанный с его будущей книгой *Достоевский и Кант* (Белоус 2005: 226; Голосовкер 1963). Затем Голосовкер также уезжал в Германию, но, в отличие от Белого, возвращался там не в среде русской эмиграции, но продолжал классическое образование у немецких профессоров, тогда лучших в мире в этой области (Каждан 2010: 451; Шмидт 2010: 473).

В конце 20-х знакомство продолжилось: Голосовкер 4 раза был у Белого в Кучине:

17 февраля 1927 г.: Приезд Голосовкера. Разговор с ним.

5 марта 1927 г.: Был Голосовкер; беседа с ним.

11 января 1928 г.: Был Голосовкер.

18 января 1928 г.: Был Голосовкер. Беседа с ним втроем (с К.Н.²). Читал отрывки “поэмы” (Белый 2016: 494, 495, 507, 508).

Белый не упоминает Голосовкера в известных произведениях и письмах, но судя по тому, что визит не стал одно-

² Клавдия Николаевна Бугаева (1886–1970), жена Белого.

кратным, посещения не были ему неприятны³.

Точно неизвестно, какую именно “поэму” Голосовкер читал Белому и К.Н. Бугаевой во время последнего визита, но вполне вероятно, как и предполагают комментировавшие *Ракурс к дневнику* А.В. Лавров и Дж. Малмстад, что это была не поэма (отчего Белый и поставил слово в кавычки), а “роман-поэма моей зрелости *Запись Неистребимая*”, как назвал его сам Голосовкер в *Мифе моей жизни* (Голосовкер 1998: 18), где она называется вторым (из трех) этапных произведений, из которых складывается этот миф. Речь идет о написанной в 1925–1928 гг. и как раз законченной ко времени посещения Кучина первой (погибшей) редакции *Сожженного романа*, рассказывающего о посещении Христом советской Москвы 20-х гг. “Исус” Голосовкера, “невиданный дядя в белом халате” (Голосовкер 1998: 58) или “лунный призрак с взлохмаченной головой: че-

³ Хотя он так и не запомнил, как пишется фамилия его нового знакомого, – в *Ракурсе к дневнику* она систематически пишется “Колосовгер” (как и фамилию близкого друга и важного спутника творческой деятельности, М.О. Гершензона, Белый всегда писал “Гершенсон” [см. Белый, Гершензон 2000: 233]).

ловек-в-белом”, “явление-в-белом”, “чудило-в-белом” (Голосовкер 1998: 63–65), бродящий по тюрьмам, кабакам и пустырям советской Москвы, конечно, имеет непосредственным предшественником неназванного прямо Христа, “белое домино”, “кого-то печального и длинного”, являющегося в *Петербурге* Белого среди городского ландшафта Софье Петровне Лихутиной, чтоб “вывести” ее “из ада” (т.е. с бала у Цукатовых) и даже вызвать извозчика, а потом, на прощание, начать проповедь: “Вы все отрекаетесь от меня: я за всеми вами хожу” (Белый 2004: 172–173).

“Отрекаются” от голосовкерского “Исуса” и обе дамы, которых он “изводит из ада”, представленного в куда более прозаических красках, чем бал у Цукатовых (хотя первая дает шоколадку); и сам Исус выглядит и ведет себя существенно проще и прозаичней, чем у Белого⁴.

Таким образом Белый, как и в 1921 г., оставался для Голосовкера желанной аудиторией, адресатом того, что он писал, и товарищем по тому “герак-

⁴ О связи *Сожженного романа* Голосовкера и написанного позднее *Мастера и Маргариты* М.А. Булгакова см. (Угольников 2014; Граф 1998; Чудакова 1991 и др.).

нее. [...] В 1923 году эта набережная была глухим захолустьем [...] Путь проходил по маломодным и подозрительным местам. Там и днем были возможны неприятности. С наступлением темноты, особенно в темные осенние вечера, было просто опасно: могли раздеть и ограбить, если не хуже... [...] пустыри и огороды, [...] На пустырях, возле этих строений с утра до позднего вечера посиживали, вольготно полеживали и празднично толклись весьма подозрительные личности обоего пола. Нередко здесь распивалось 'согревающее' из зеленых бутылок. Вслед вам могло прозвучать и 'материнское благословение' (Зайцев 2008: 48–49)⁵.

Переселившись на Бережковскую набережную, Белый надолго приходил туда, под стены Новодевичьего, один (вероятно, ждать лодку): "со службы же отправляюсь за Девичий Монастырь, дабы 2-ую

⁵ Ср. у самого Белого: "Среди пустыря, отделяющего мой дом от Москвы, грабят по вечерам" (Белый, Иванов-Разумник 1998: 256).

часть дня провести в тишине" (Белый, Алянский 2002: 98). Возможно, об этом ландшафте между Белым и Голосовкером тоже шла речь.

Я.Э. Голосовкер – Андрею Белому⁶
Сентябрь 1921 г.

Еще слишком чужой я для Вас, Борис Николаевич, чтобы Вы услышали меня – но и не совсем чужой. В глубине, на поворотах, в зорней и зазорней близи – у меня там синие молнии – есть у нас родное, сородное или как там хотите. Я это чувствую, знаю, плотью осязаю.

Еще десять лет назад, когда Вы перепрыгивали стены – через все свои симфонии, я стоял неподвижно у стены – моей, единой – и слушал. Вы уже мучились, неистовствовали – я молчал. <Копии?> Молчания (у Вас – "<пиавки?>"): Вашим заговорят. И как! – загорающимися молниями. (Это же риторика!)

⁶ Автограф хранится в: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 173. В угловых скобках с вопросительным знаком – слова, которые не удалось разобрать уверенно.

И только два года назад перепрыгнул и я мою стену. Нас тогда уже разделяло пространство и пути на нем.

Ушел в горы. У меня свой путь – темный, гераклитовский. Не могу выразиться проще. У Вас – σοφία⁷. Кто она? Каков Ваш гнозис? т.е. каков Вы живой – этого я пока не знаю: не дышал с Вами. Ошибусь ли, если назову точку, около которой Вы сейчас кружитесь: *Divina simplicitas* (конечно – не *sancta!*)⁸ Через эту точку проходит ось Вашего бешеного вращения, и Вы хотите схватить (даже схватываете) свою же ось и растворить ее во всем живом – т.е. в себе живом прежде всего: так овладевают Софией. Влейте в нее образ любимой женщины и “Она” воплощенная сходит. Тут не откровение, ибо схождения никакого отсюда сюда нет: “она” вся здесь, как и Вы весь здесь.

⁷ Греч. ”мудрость”, София.

⁸ Божественная простота (конечно, не “святая”!) (лат.). Голосовкер обыгрывает латинскую поговорку *sancta simplicitas*.

Яснее не выразить существа мысли. Но тем, что его выражаю и так выражаю (если верно для Вас) определяется возможность в “X^m” моменте (именно “моменте”: время, а не пространство) совпадения Вашей и моей точки. Если скаламу бурить: я попал в точку.

Такое сродство вызывает обыкновенно два чувства: гнева и радости.

Гнева: кто-то другой мыслит – переживает – как я (что и богу своему не прощается, этого и бог не прощает – не простите и Вы мне).

А радость? – есть кто-то, кто так же думает – чувствует – как я: санкция истины (смысл бога). Это не только примиряет, это торжество. Хочется даже воскликнуть свою маленькую осанну.

Пока все только пунктир. *Mea parte*⁹. Но если Вы читали и не просто “читали” (если вообще читали) песни Атаны (рукопись)¹⁰, Вы почув-

⁹ С моей стороны (лат.).

¹⁰ *Песни Атаны* – неизданный сборник стихов Голосовкера, писавшийся в 1920–1921 гг. от лица вымышленного поэта, безумного Атаны; см. о нем (Брагинская 1998: 608).

ствовали бы нечто от своей глубины. Там все писано кровью. Что там плохо – неважно, пусть. Важно – что хорошо. Я не манифестирую. Манифест есть и должен быть: но пока я удержал его у себя. Намек дан.

Вы сейчас совсем разорванный, сам не свой¹¹. Когда вчера я смотрел на волхвов и волхвянок, так приятно для себя обсасывающих Вас¹², мне хо-

¹¹ Ср. описание выступления Белого в 1921 г., данное П.С. Коганом, в передаче М.И. Цветаевой (конечно, обобщенное, а не документальное, и преувеличенное, но выражающее примерно то же): “Потому что уморили Блока и меня хотят! Я не дамся! Я буду кричать, пока меня услышат: ‘А-а-а-а!’ Бледный, красный, пот градом, и такие страшные глаза, еще страшнее, чем всегда, видно, что ничего не видят” (Цветаева 1995: 254).

¹² Ср. описание самим Белым того, как он чувствовал себя в ‘Вольфиле’: “[...] я как вол заработал в нашей Петербургской ‘Вольфиле’; [...] за меня там цеплялись десятки душ, которых я приобщал к ‘самопознанию’: меня буквально выпили; и, выпитый, я кинулся обратно в Москву, потому что уже не мог давать ничего людям (в Петербурге я прочел до 60 лекций), опять попадая в Москву и опять окруженный криком: ‘Дай, дай, дай, дай духовной пищи!’ [...] не легко было эту пищу давать, потому что я-то ни от кого не получал ничего... [...] работая безумно много, до нервного изнеможения [...]” (Белый 2013: 522–523). Письмо написано из Ковно, где-

телось втиснуться в стену или взяв Вас за руку вывести на “темные стогна града”¹³. Поэтому и пишу. Впрочем, не только поэтому: писать легче, тверже выходит.

Что больше <-> скажу.

Якоб Голосовкер¹⁴

P.S. Обе рукописи (тревожит меня предчувствие – черновики не совпадают¹⁵) передайте, если сами возвратить не можете, С.М. Соловьеву¹⁶ на мое имя. Если они не с Вами, напишите просто в записке где они, у кого получить. <Переживете,?> читая (если дадут читать) письмо, то, что я

то через месяц после описанного Голосовкером заседания.

¹³ Выражение из стихотворения А.С. Пушкина *Воспоминание* (“Когда для смертного умолкнет шумный день...”), которое Достоевский повторяет в описании встречи Христа с Великим инквизитором, эпизоде, объяснению которого и посвящена книга Голосовкера *Достоевский и Кант* (и, вероятно, был посвящен доклад в ‘Вольфиле’, см. вступ. статью).

¹⁴ Голосовкер обычно подписывался именно “Якоб” (Шмидт 1998: 4).

¹⁵ О предчувствии см. вступ. статью. Упоминание черновиков не очень ясно, но нужно иметь в виду, что по замыслу Голосовкера, стихотворения Атаны сохранились только в черновиках (см. прим. 9).

¹⁶ См. о Соловьеве выше.

– урвете лоскут времени,
чтобы поговорить до
отъезда.

Адр. Арбат, Криво-
арбатский 12 кв. 8 IV
этаж направо.

Библиография

Белоус 2005: В.Г. Белоус, *Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924: в 2-х кн.*, Модест Колеров и “Три квадрата”, М., 2005, кн. II. Хроника. Портреты.

Белый 2004: Андрей Белый, *Петербург*, подг. Л.К. Долгополова, Наука, СПб., 2004.

Белый 2006: Андрей Белый, *Стихотворения и поэмы: в 2-х т.*, вступ. ст., сост., подг. текста и прим. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада, Акад. Проект, СПб., Прогресс–Плеяда, М., 2006, т. 2.

Белый 2013: Андрей Белый, *Три письма Андрея Белого <В.Ф. Ходасевичу>*, подг. текста Е.В. Наседкиной, комм., послесл. Н.А. Богомолова // М. Л. Спивак, Е.В. Наседкина (сост.), *Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты*, Новое литературное обозрение, М., 2013, с. 517–549.

Белый 2016: Андрей Белый, *Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930–х годов*, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Белый, Алянский 2002: Андрей Белый и С.М. Алянский, пред. и публ. Дж. Малмстада // *Лица. Биографический альманах*, 9, СПб., 2002, с. 67–115.

Белый, Гершензон 2000: *Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона*, вступ. ст., публ. и комм. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада // В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина (сост.), *In memoriam: Ист. сб. памяти А. И. Добкина*, Феникс, СПб., Atheneum, Париж, 2000.

Белый, Иванов–Разумник 1998: Андрей Белый и Иванов–Разумник. *Переписка*, публ., вступит. ст., комм. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Atheneum, Феникс, СПб., 1998.

Брагинская 1998: Н.В. Брагинская, *Слово о Голосовкере* // В.А. Лекторский (ред.), *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1920–50-е годы*. М., 1998, с. 603–611.

Голосовкер 1916: Я.Э. Голосовкер, *Сад души моей*, тип. АО “Петр Барский в Киеве”, Киев, 1916.

Голосовкер 1955: Я.Э. Голосовкер, *Сказания о титанах*, Детгиз, М., 1955.

Голосовкер 1963: Я.Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант*, Изд. Академии Наук СССР, М., 1963.

Голосовкер 1998: Я.Э. Голосовкер, *Засекреченный секрет. Философская проза*, Водолей, Томск, 1998.

Голосовкер 2012: Я.Э. Голосовкер, *Имагинативный абсолют*, Академический проект, М., 2012.

Граф 1998: А. Граф, *Сожженный роман Я.Э. Голосовкера в контексте Легенды о великом инквизиторе Ф. Достоевского и романа М. Булгакова Мастер и Маргарита*, «Slavica tergestina». 1998, 6, с. 125–144.

Зайцев 2008: П.Н. Зайцев, *Воспоминания*, сост.: М.Л. Спивак, вступ. ст., комм. М.Л. Спивак, Дж. Малмстада и др., Новое литературное обозрение, М., 2008.

Каждан 2010: А.П. Каждан, *Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера* // Я.Э. Голосовкер, *Избранное: Логика мифа*, Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, СПб., 2010, с. 451–454.

Письмо Я.Э. Голосовкера Андрею Белому // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 173.

Угольников 2014: Ю.А. Угольников, *Происхождение Мастера: Как Михаил Афанасьевич беседовал с Яковом Эммануиловичем*, «Вопросы литературы», 2014, 3, с. 78–90.

Цветаева 1995: М.И. Цветаева, *Пленный дух* // *Воспоминания об Андрее Белом*, сост., вступ. ст. В.М. Пискунова, Республика, М., 1995, с. 236–282.

Чудакова 1991: М.О. Чудакова, *Иисус и Иешуа: о внутренней связи романов М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” и Я. Э. Голосовкера “Сожженный роман”*, «Дружба народов», 1991, 7, с. 136–141.

Шмидт 1998: С.О. Шмидт, *О Якобе Голосовкере* // Я.Э. Голосовкер, *Засекреченный секрет. Философская проза*, Водолей, Томск, 1998, с. 4–14.

Шмидт 2010: С.О. Шмидт, *О Якове Эммануиловиче Голосовкере*
// Я.Э Голосовкер, *Избранное: Логика мифа*, Центр гуманитарных
инициатив: Университетская книга, СПб., 2010, с. 473–481.

Елена Глухова

Автобиографический нарратив в письмах Веры Станевич к Андрею Белому

The Autobiographical Discourse in Vera Stanevich's Letters to Andrei Bely

The article is a study on the relationship between the writer Andrei Bely and the young poetess and translator Vera Stanevich thanks to the study of their personal correspondence. Female correspondence is here considered as an autobiographical set of texts which, in their sub-generic characteristics, can be compared to the genre of the confession letter.

Женский эпистолярный Серебряного века вызывает несомненный интерес у современного исследователя эпохи, предоставляя широкое поле как для гендерных исследований, так и для биографических разысканий. Относительно недавно введенные в научный оборот письма Л.Д. Зиновьевой–Аннибал, М.В. Сабашниковой, Н.И. Петровской, Л.Д. Менделеевой–Блок (Переписка 2009; Волошин 2013; Волошин 2015; Переписка 2004; Переписка 2017) – являются значимым источником сведений о женщине эпохи модерна. В данной работе нас будет интересовать письмо как форма автобиографического высказывания, в особенности тот случай, когда изложение построено не на

повествовании о повседневном событии, но претендует на аналитическое переосмысление автором собственной биографии. Таким образом, по своей субжанровой характеристике письмо приближается к исповеди, раскрывая один из важнейших аспектов эпистолярной лаборатории как экспериментального жанра.

Объектом нашего исследования будет краткая реконструкция на основе односторонней переписки отношений Андрея Белого с Верой Оскаровной Станевич (1890–1967), поэтессой и антропософкой, широко известной современному читателю как переводчица с нескольких европей-

ских языков¹ (Лавров 2017). Сохранилось 44 письма и записки Станевич к Белому, к сожалению, его письма к ней не сохранились вовсе; вообще ее личный архив раннего периода 1910–1920-х гг. представлен довольно скудно, хотя отдельные письма и тексты обнаруживаются в хранилищах РГБ и РГАЛИ; в составе архива ее мужа, поэта и переводчика, Юлиана Павловича Анисимова (1886–1940), сохранилась часть материалов, связанных с ее переводческой деятельностью начиная с середины 1930-х (РГАЛИ). Вместе с тем, ее письма к Белому во многом помогают реконструировать как ранний ‘около-символистский’ период биографии Станевич, так и реконструировать некоторые малоизвестные факты из жизни писателя.

Вера Станевич была дочерью заведующего пензенской

больницей, земского врача Оскара Казимировича Станевича (?–1912); ходили слухи, что

она была не родной, а приемной дочерью пензенского врача Станевича; были довольно обоснованны предположения, что ребенок был подкинут ему из цыганского табора, кочевавшего в тех краях. Цыганские черты можно видеть и в ее музыкальной и вообще художественной одаренности, и в страстности темперамента, и в более глубоких свойствах души – способности любить преданно и жертвенно. И еще одно в ее существе может быть идет оттуда же: черты атавистического ясновидения (Жемчужникова 1988: 18).

¹ Среди ее переводов: Ш. Бронте *Джен Эйр*; О. Бальзак *Первые шаги в жизни*; Л. Фейхтвангер *Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ*; Т. Манн *Волшебная гора*; Г. Уэллс *Анна-Вероника*; Дж. Лондон *Маленькая хозяйка большого дома*; Ж. Верн *Таинственный остров*; Э.М. Ремарк *Время жить и время умирать*; И.В. Гете *Эгмонт*; Г. Гейне *Путешествие на Гарц*; Г. Фаллады *Каждый умирает в одиночку*; Дж. Голсуорси; Р. Роллана и др.

Вера Станевич, судя по всему, была девушкой независимой и решительной: она приезжает в Москву, когда ей едва исполнилось восемнадцать и поступает на Высшие женские курсы Герье по философскому отделению, пройдя “строгую школу мысли, сначала классической философии на Высших Женских Курсах, главным об-

разом у Б.А. Фохта, а затем – целиком отдавшись науке антропософии”, – сообщала о ней антропософка и переводчица М.Н. Жемчужникова, –

Редко можно встретить человека, обладающего таким четким, конкретным и в то же время образным мышлением. Широкое философское образование дало ей способность обобщения, но эти обобщения не были абстрактными, а выливались в образы, которые, однако, отнюдь не “витали в облаках”, а всегда выражали собой конкретное содержание того, о чем шла речь. Это был удивительный дар речи, блестящей по форме и богатой по содержанию. [...] Музыкальность натуры и острый ум – две черты, часто противоречащие друг другу, у нее сливались воедино, создавая неповторимое своеобразие личности. Страстная, увлекающаяся натура, полная противоречий и в то же время в чем-то основном непоколебимо цельная (Жемчужникова 1988: 18).

Как указывает А.В. Лавров в публикации, посвященной незаконченному поэтическому сборнику Станевич – она находилась под сильным влиянием личности и творчества Андрея Белого (Лавров 2017: 368–369). Судя по сохранившемуся корпусу писем к писателю – ее характер представлял сочетание юношеской ребячливости со склонностью к серьезному философическому мирозерцанию и живостью ума; воспитанная в семье земского врача на идеалах шестидесятников, она получила прекрасное домашнее образование, владела несколькими иностранными языками; обладала великолепным слухом и прекрасно музицировала. Согласно воспоминаниям К.Г. Локса, Станевич была “талантливой женщиной, с одинаковым рвением занимающейся и поэзией, и прозой, и философией, и теософией” (Локс 1994: 76).

Скорее всего Станевич впервые повстречала Белого на одной из публичных лекций, с которыми он охотно выступал, начиная с середины 1900-х; она начинает писать ему письма в надежде найти повод для личного знакомства. Первое письмо от 20 января 1908 г. сохранилось в архиве писате-

ля, вероятно позабавив его своей непосредственностью:

Мне давно хотелось иметь с Вами какое-нибудь общение, да никак не удавалось, да и ярлычок “писатель” как-то стеснял... Теперь придираясь к следующем случае, который сам по себе не лишен интереса... Дело в том, что одна компания курсисток очень усиленно занимается спиритизмом (чем только не занимаются теперь, во время революционного отлива) и вздумала вызвать Ваш дух. К их изумлению дух стал читать стихотворения... Так как среди них нет поэтесс, то очевидно стихи были собственной импровизацией духа. Я знаю довольно хорошо все Ваши произведения и там ничего такого не встречала. Привожу их Вам, т.к. это очень забавно. Стихи не совсем удачные².

– Далее следовали стихи, пародийно-курьезно воспроиз-

² Здесь и ниже письма В.О. Станевич цитируются по одному архивному источнику: НИИОР РГБ. Ф. 25. К. 23. Ед. б.

водившие образный и лексический строй символистской лирики Белого. Нельзя не заметить, что и содержание письма Станевич апеллирует к ряду житнетворческих клише эпохи Серебряного века: курсистки и спиритизм, сочинительство стихов и революционное движение, – демонстрируя не праздный интерес автора к околелитературному быту эпохи.

Белый пользовался популярностью среди студенческой молодежи, например, в записях *Ракурса к дневнику* он отмечал за ноябрь 1908 г., что “совет курсисток педагогических курсов выбирает меня и Эллиса лекторами, но интриги Когана и Айхенвальда заставляют нас отказаться и тем разрешить создавшееся положение” (Белый 2016: 382). Действительно, в этот период вокруг писателя образовалось некоторое число поклонниц из курсисток: Мариэтта Шагинян, тогда тоже слушательница Высших Женских курсов, – познакомилась с ним примерно в это же время (Шагинян 1982); как Шагинян, так и Станевич, были знакомы друг с другом и одновременно были увлечены поэтом-символистом. Вскоре Станевич сняла комнату неподалеку от него, в арбатских переул-

ках, чтобы иметь возможность чаще видаться с Белым; обладая здоровым чувством юмора – однажды явилась к нему под видом своей выдуманной сестры и передала от себя записку. Похоже, что постепенно писатель привык к своей влюбленной поклоннице: она частенько забегала к нему за просто, но поскольку обычно ее не принимали – оставляла швейцару записочки с просьбами: передать книги, или с жалобами, что не застала (и надо сказать – все эти записочки Белый сохранил).

В записях *Ракурса к дневнику* за ноябрь 1908 г. писатель отмечал: “Начинаю вести частую теоретическую переписку с Мариэттой Шагинян и В.О. Станевич (Анисимовой)” (Белый 2016: 382). К сожалению, письма Белого к Станевич не сохранились, но можно предположить, что из любопытства он довольно быстро откликнулся на ее письма. Не будучи уверенной в том, что ее запомнили, в одном из первых писем Станевич старательно описывает себя в образе типичной декадентско-богемной эмансипированной барышни:

Спасибо за искреннее, простое письмо... Поняли меня... Да, мне хочет-

ся говорить с Вами не о внешних вещах, – все это все это слишком большое место занимает в жизни окружающих, а о том, что составляет внутренний мир человека, чем живет его я...

Я хочу Вашей души, потому что она должна быть красива и чутка, потому что она знает творчество. Это с обычной точки зрения очень смело, но я этих оговорок вообще делать не буду; – это зависимость. Моим оправданием служит то, что я говорю как думается, – следовательно <?> подменяет не факт сказанного, а факт подуманного. Я много видела людей и в России, и за границей, много имела отношений – мгновенных и продолжительных – и мой интерес к личностям не ослаблен. Меня утомляют и делают равнодушной – внешности, все, во что люди драпируются, чем стараются <?>. Мне доставляет наслаждение проникать в самые тайники человечес<еского> я, следить и понимать скрытые процессы переживаний на гранях бес-

сознательного... Это конечно не значит 'лазать' в чужую душу. Ведь можно даже не говорить с человеком и понимать, что в нем происходит.

Я могу в иные мгновенья страшно много сказать, 'все' сказать... Когда люди имеют секреты и делают тайны из поступков и мыслей своих – мне делается смешно. Как они еще зависят от окружающего! Пусть все видят меня – мне не нужно удостоверений в подлинности моего я, потому что только я могу назвать их таковыми и <?>.

Вообще я философствую, как <женщина>, первокурсница... Хотела бы еще поговорить, но молчу по очень определенной причине. Сообщу некоторые сведения о себе: зовут меня Верой (пожалуйста без отчества и многоуважаемой), мне 20 лет, учусь на курсах, имею вид обычной 'курсистки', на улице веду себя 'неприлично', не имею ни одной знакомой 'семьи', страшно люблю солнце, Шопэна, Пшибышевского и шоколад. Мне хочется по-

говорить с Вами лично, но...

С истовым рвением Станевич принялась осваивать основы символистской эстетики: в письмах она просит у Белого для чтения книг – роман Арцыбашева *Санин* и книги Блаватской, спрашивает англо-русский словарь, сообщает о чтении Юма и Авенариуса, Канта и Ницше, намеревается писать статью об Ибсене – разумеется, это все был повод для бесед с писателем, под сильным влиянием которого она находилась. В своих воспоминаниях Константин Локс иронически описывал вольный студенческий быт Станевич, снимавшей с подругой комнату³ и частенько устраивавших веселые молодежные вечеринки: "Вера Оскаровна была своего рода амазонкой и покорительницей сердец. Она училась на философском отделении Высших Женских курсов и была *au courant* всех интересов эпохи. Тут был и символизм, и религиозно-философские искания и даже Кант все вперемежку, все вместе, но именно этот сумбур и делал ее занимательной"

³ Подруга – тоже Вера, в 1916 г. вышла замуж за филолога, философа и антропософа Михаила Павловича Столорова (1888–1937) (Локс 1994:138–139).

(Локс 1994: 45) – “... на столе стояла бутылка какао-шуа, сидели несколько студентов, и Вера Оскаровна в штанишках танцевала кек-уок. Никаких разговоров о несказанном не было [...] Такие вечера начали повторяться систематически и вскоре нельзя было понять, какое отношение к ним, кроме иронического, имеет *Критика способности суждения* лежавшая на столе у В<еры> О<скарловны>” (Локс 1994: 52). Историю ‘коротких штанишек’ обыгрывает Ходасевич в своих воспоминаниях, иронически намекая на одолевавших Белого поклонниц:

Белый в ту пору был в большой моде. Дамы и барышни его осаждали. Он с удовольствием кружил головы, но заставлял штудировать Канта – особ, которым совсем не того хотелось.

– Она мне цветочек, а я ей: сударыня, если вы так интересуетесь символизмом, то посидите-ка сперва над *Критикой чистого разума!*

Или:

– Ах, что за прелесть эта милейшая мадмуазель Штаневич! Я от нее в восторге!

– Борис Николаевич, да ведь она Станевич, а не Штаневич!

— Да ну, в самом деле? А я ее все зову Штаневич. Как вы думаете, она не обиделась?

Неделю спустя опять:

— Ах, мадмуазель Штаневич!

— Борис Николаевич! Станевич!

— Боже мой! Неужели? Какое несчастье!

А у самого глаза веселые и лживые (Ходасевич 1995: 63)

Вдохновленная знакомством с Белым, Станевич задумывает объединение курсисток, с которыми предполагала обсуждать вопросы символистской эстетики, о чем и сообщает в одном из писем: “В субботу состоялось первое собрание кружка, выработавшее план занятий и небольшой устав. На ближайшее время назначены следующие рефераты: 1) о

Брюсове, 2) о Бодлере, 3) о Андрее Белом. Почему мы взяли отдельных писателей для построения теории символизма – я сейчас распространяться не буду. Т.к следующее собрание в субботу [...] и никто еще реферата приготовить не успеет – назначено собеседование на тему: символизм как цель, или как средство”. Из этой затеи студенческого кружка вышел скорее курьез: когда Станевич попыталась привести к писателю домой, на Арбат, делегацию курсисток – то он попросту удрал с черного хода, запрыгнув в “таинственную карету”. В письме по следам этой истории Станевич возмущалась:

Выяснение случая с кружком – только пояснение к тому, что было для меня непонятного в Вашем отношении ко мне. Поймите, как я не хочу ничего заключать, я только хочу спросить Вас: “Зачем Вы так сделали?” [...] Ведь разве Вы не видели, что к Вам пришла молодежь, как к писателю, как к мыслителю, который услышит и поймет, и даст ответы на те вопросы, с которыми мы так доверчиво приходим к нему. Мы

сказали вам: “учи нас, мы так хотим знать...” И неужели Вы прошли мимо, неужели еще раз подчеркнули пропасть между ‘избранными’ и толпой? [...] И зачем было вообще тогда подходить к нам и уйти не прямо и открыто, а в таинственной карете, законспирировавшись с помощью швейцара?

Довольно скоро тон писем Станевич к Белому меняется, что вполне объяснимо – в этот период развивается его роман с будущей женой Асей Тургеневой; а Станевич все еще остается его горячей поклонницей. В своих ретроспективных дневниковых записях за май 1909 он отмечал: “Приезд Станевич, важный разговор с ней” (Белый 2016: 385), – имея в виду ее приезд в имение Дедово, где тогда гостил Белый. Скорее всего в разговоре были затронуты темы, которыми Белый был тогда всерьез увлечен: он погрузился в изучение истории средневековой алхимии и эзотерической философии – читает Роберта Флюдда, Кунрата, Эккартсгаузена, Элифаса Леви, Агриппу Неттсгеймского, Парацельса; беседует о теософии розенкрейцства с А.Р. Минцловой

и Вяч. Ивановым; пишет 3-ю главу романа *Серебряный Голубь*, размышляя об исторической и мистической миссии России, расположившейся на перепутье между Востоком и Западом. Разумеется, все эти темы вполне могли стать поводом для серьезных разговоров со Станевич, и это не могло не произвести впечатления на юную, философски настроенную барышню; в любом случае, роман *Серебряный голубь* оказал на нее сильнейшее влияние. Позднее, в 1914 г., она напишет в своей статье об этом романе:

Одна женщина в рассказе Рильке говорит о том, что, глядя на великое искусство прошлого она вдруг поняла, что в нем был когда-то Бог и что поэтому он будет опять. То же хочется сказать и о России: Бог о котором вещает заключенная в ней тайна, уже был когда-то [...] И, если, как говорит Рильке, Бог рождается в темноте нашего сердца, то посмотрите в солнечный день на темные впадины Кремлевских стен, и вы поймете, что Бог уже был в России (Станевич 2004: 319).

Постепенно влюбленность в писателя-символиста сменяется у Станевич обожанием духовного учителя – в одном из писем она замечает: “Когда шла от Вас – очень хотела вернуться, и принести Вам несколько белых роз, но нигде уже не могла достать. Ведь у каждого есть своя ‘творимая легенда’”. Это трепетное отношение и выстраиваемая ‘творимая легенда’ отразились в ее неопубликованном стихотворении *Искушение*, помеченном сентябрем 1909 г., с посвящением “А.Б.”:

Я знаю с давних детских лет
Твой нежный лик неотразимый;
В душе навеки выжжен след,
Оставленный рукой любимой

Под прахом долгих тяжких дней
Ты не померкнул, не истаял:
Я знал про свет иных огней,
Я встречи близкой смутно чаял.

В моей мечте ты жил один,

Я в путь далекий вышел
рано...
Ты в пепле грез сверкал,
рубин,
Ты жег – пылающая ра-
на!

Когда терялся в облаках
Мой робкий взор, ему
внимая –
Не ты ли слал в его чер-
тах
Тоску<, > восторг и жаж-
ду рая?

Не ты ль сверкал во тьме
божниц
Немым и сладостным
укором,
И в слезах жарких падал
ниц
Я пред его ожившим
взором...

И к Богу сладостной
тропой
Я шел сквозь темный
терн колючий;
И встретил ты; навек со
мною
Дитя и муж, как бог мо-
гучий!⁴

⁴ Подборка нескольких стихотворений Станевич и один рассказ, переписанные набело – сохранились в фонде Вяч. Иванова (РГБ. Ф. 109. Карт. 46. Ед. хр. 34). Вероятнее всего материалы оказались у него около 1913 г., когда они с Анисимовым готовили издание Рильке.

Отметим как значимое – появление мужского лирического ‘Я’ в стихотворении Станевич – явление достаточно распространенное в женской поэзии Серебряного века (ср., напр. ‘мужской’ псевдоним Зинаиды Гиппиус и мужской коррелят лирического ‘Я’ в ее стихотворениях). Станевич не только в лексическом смысле примеривает мужское лирическое ‘Я’, но и стилистически копирует Андрея Белого, становясь, таким образом, его своеобразным alter ego.

Летом 1909 г., по следам разговоров с Белым, Станевич пишет ему исповедальное письмо, наполненное размышлениями о процессе выявления и вырастания собственной личности; приводимые ею интеллектуальные источники крайне важны для понимания образа эмансипированной женщины начала XX в. – ее круг чтения – это *Исповедь* Л.Н. Толстого, книги Ренана; усвоенный с юношеских лет нигилизм как стиль мышления; народнические идеи общественного служения и необходимость революционных преобразований российской государственности – все это восходит к эстетике поколения ‘шестидесятников’, разрушившего некогда прочные устои патриархальной про-

винции. Позволим себе целиком процитировать письмо-исповедь Станевич, как образец автобиографического нарратива женского эпистолярия рубежа веков:

Для меня стало совершенно необходимо написать Вам... Продолжить и закрепить возникшее, или, быть может, разрушить его навсегда, – сказав недосказанное, выяснив то, как я мыслю и переживаю и чего ищю. Я не знаю, достигну ли хоть отчасти цели, которую Вы мне поставили, отвечу ли достаточно полно на вопросы, которые Вы хотели мне задать, и будут ли это ответы... Все же я пытаюсь дать хоть материал, по которому, быть может Вы узнаете кто я и можно ли мне верить. В этой неспособности дать Вам полный очерк моего 'я' сказывается некоторая безграмотность смущенной, еще не познавшей себя души, а я еще более не знаю Вас.

И все же я пишу о том, что мне кажется самым важным, что прежде всего бросается в глаза, ко-

гда я перелистываю страницы прожитой жизни; – да, в письме легче побороть боязнь слов. Прибавлю еще, что, говоря преимущественно о прошлом, я пытаюсь передать его совершенно независимо от тех выводов, которые могли возникнуть за последнее время, дав мне новое понимание и освещение прошедшего моего существования. И если будут совпадения в выраженьях – они случайны, т.к. последние взяты из заметок прежних годов.

Если я спрошу себя, какими главными мотивами были проникнуты с детства мои искания – я увижу два: один – ясный, определенный и безусловный, другой – тайный, стыдливый, всегда пробуждающий сомнение в своем праве на существование и все же – всегда живой и в решительные мгновенья подчиняющий себе мою волю. И оба сливаются в одном – в принципе действия. Первый – вопрос о хорошем и дурном в их непосредственной связи с жизнью, в воплощенье

в поступках людей. – Первое затребованье [Так! – Е.Г.] пробуждающегося сознания: “Что хорошо и как жить, чтобы осуществлять хорошее?” С этой, исключительно этической стороны подходила я к каждому миропониманию, и этим стремленьем иметь хоть какой-нибудь критерий поступков объясняется подчас слишком торопливое согласие с той, или иной теорией, известный фанатизм и со стороны совершенно понятные противоречия между вчера и сегодня, которые должны были быть искуплены, как только найдется настоящая правда. До 15 лет переживалась полоса обычного романтизма (к которому так по-иному возвращаешься теперь) с порывами к творчеству, смутными мечтами о подвигах и великих жертвах, нездешних прекрасных переживаньях. От Бога я ушла рано – атеистически воспитанная, с привитым обычным отношением к науке и метафизике. Решив из гордости и самолюбия отказаться от помощи и по-

кровительства – я вообще решила обойтись без него, и до болезненности не выносила всякого напоминанья о нем. Имевшееся еще в ходячем пониманье христианство, – в качестве совокупности известных принципов жизненного “деланья” или вернее “неделанья”, как думалось тогда, – под влиянием первых “настоящих” книг вроде “исповеди” Толстого, Ренана и др. – подверглось той же участи и все лучшие духовные силы были на многие годы заглушены. И нескоро был возврат к себе, к свету, сиявшему в детстве. Все что только мог причинить вредного материализм нашло себе место в моей пятнадцатилетней голове. Все же я не могла не наименовать своей “религией”, открывшийся мне тогда социализм, удовлетворявший не только самым далеким и смутным затребованьям, но и дававший программу *minimim* – каждодневный ритуал. Наконец могло быть “дело” – долгожданное измененье жизни – был найден ис-

ход жажде жертвы, отдавая себя за что-нибудь. Конечно, близкое заслонило дальнее, и скучен был обряд, почувствовались пути. Только искусство, которое мне было запрещено, и от которого я сама отказалась в пору разрушительной горячки, только лишенное того, что составляло главную часть моей души, самую дорогую и сокровенную: только отречение от простоты заставило меня вернуться оттуда, где мне так долго виделась красивая жизнь и красивая смерть.

И ближнее заслонило дальнее. Все еще верная идеалам я ушла от борцов, утративших после короткой вспышки все вдохновенье, всю последовательную революционность каждого поступка, внесших в свою обыденную жизнь узость, безволие и мещанство. Казалось необходимым углубить и возвысить отношение каждого к работе, сделать революцию религией. И сама я ушла, считая себя недостаточно чистой и богатой для великого служенья (я пишу об этих подробно-

стях, чтобы выделить одно, т.к. сами по себе он слишком типичны и не интересны, и все, что возможно, я опускаю). И я увидела, что “лучшие” притворяются и лгут, и делают не по свободному хотенью, а для выполнения долга, часто с отворачиванием и страхом. А про остальных и говорить не приходилось.

Все делали не то, что хотели их ‘я’, боялись быть собой, и лгали каждым словом, каждой мыслью лгали. Высшим выражением этого отношения были для меня слова Бранда: “Не в том спасенье, чтоб на кресте в страданиях умереть, но в том, чтобы этого ‘хотеть’”⁵. А отсюда – искренность, правдивость во что бы то ни стало – быть, а не казаться. Я стала презирать людей за то, что они были трусы и лжецы, и где-то очень далеко любила их, мечтая о том дне, когда я с радостью брошу им для их спасенья свою душу, и они пройдут по ней, потому что они будут

⁵ Цитата из пьесы Ибсена *Бранд* (действ. 3-е), в переводе Анны и Петра Ганзен.

больше меня. Это было в последнем классе гимназии. И от этой сети лжи мучительной и ненужной от обыденной жизни, которая мне делала очень больно – я ушла <к> красивым напевам, стихам, к мгновеньям ярких, красивых чувств. Это был нехороший год упадка сил и скитанья по всяким запутанным тропинкам; год бесплодных вспышек и ненужных пустоцветов. Стало ясно наконец к чему пришли окружающие с теорией “свободного паденья” обращавшейся на служенье и оправданье всякого рода влечений и минутных <?>. Все было только в мысли, в фантазии и ничего в жизни нелепой и мучительной. Столько красоты и ни одного красивого поступка. И тогда от всей этой мишуры, украшавшей жизнь, от всего этого культа «мгновений», на меня пахнуло смертью и застоєм, безвольем и слабостью.

Я увидела, что высшее искусство – искусство жить. (С тех пор я все еще боюсь слов). Переживающий прекрасное

должен быть прекрасным в каждом незначительном изгибе своей жизни и только тогда исчезнет дисгармония между красотой в искусстве и человеческим существованием. И тогда я замкнулась от всех и пошла в философию искать ответов. Но там было последнее искушение, последний соблазн – с первых возвышенностей предгорья я поняла, что не найду желанного, а пройдя трудный путь быть может только приближусь. Это было последний год. Я не буду касаться по возможности подробностей; только в конце. Последние дни перед моим просветлением, когда уже жизнь встала для меня во всей очевидности своей ненужности – я отказалась от Вас – от последнего с чем была еще связана моя радость, моя любовь, – отказалась от мысли когда-либо стать для Вас чем-нибудь. Это был отказ в самом большом. – Я творила любовь свою долго и нежно, и все лучшее, сбереженной для нее отдавала ей. И в часы тихого успокоенья

в <?> безнадежности, во мне все стало умирать. Умерла и жизненная суета и уже ничего не было. А потом и пролилась на меня голубая тишина, и родилось, и стало расти мое обновляющее светлое, примиряющее навсегда изменившее линию моей жизни – счастье. Тут выяснился второй мотив. Эта впервые в 7 лет осознанная предопределенность к чему-то. В детстве это было удивительно ярко и убедительно, потом за мусором жизни потускнело и лишь временами вспыхивало неумолимо перед необходимостью выполнить задание. Теперь душа многое поняла и увидела, но это относится уже к настоящему – я же хотела говорить лишь о прошлом.

Наконец я кончила пересказ моих прежних мыслей и чувств. Если нужно более подробные ответы, – скажите, я с радостью дам их. Простите за громоздкость изложения – но мне хотелось сократить даже самый язык, чтоб было ближе к правде.

С конца 1909 г. при ‘Мусагете’ образуются по меньшей мере два идейных центра – кружок под руководством К.Ф. Крахта и Эллиса (Эллис читал там лекционный курс о французском символизме – Бодлере, Верлене, Верхарне, Роденбахе и Метерлинке), и параллельно с этим – кружок ‘Экспериментальной эстетики’ (или Ритмический кружок) под руководством Белого (Протоколы 2014; Мусагет 2014). Мусагетские мероприятия с энтузиазмом посещала молодежь – в основном гуманитарное студенчество, пишущее стихи и увлеченное литературой и искусством; эта группа известна как ‘Молодой Мусагет’: Сергей Дурылин, Алексей Сидоров, художник и поэт Юлиан Анисимов, Татьяна Буткевич, Семен Рубанович, Михаил Сизов, Сергей Шенрок, Дмитрий Баранов (Рэм) и др. (Шруба 2004: 127). Ср. в воспоминаниях Белого: “формировался при ‘Мусагете’ кружок для изучения ритма; кружок должен был работать под моим руководством [...] среди прочих, вступивших в кружок, мне запомнились: Сергей Бобров, Чеботаревская (сестра А.Н.), Чеботаревский, Нилендер, В.О. Станевич, П.Н. Зайцев; и – ряд других лиц; появлялся у нас молодой поэт Пастернак”

(Белый 1997: 356; также: Белый 2016: 808).

Участвуя в работе кружка ‘Экспериментальной эстетики’, Станевич всерьез увлеклась ритмическим разбором стиха по методу Белого, занималась статистикой пятистопного ямба у Брюсова и Лермонтова. Ответственно подойдя к своему заданию, она и летом 1910 г., когда кружок ушел на каникулы, продолжила работу над проблемами ритма; ее письма этого периода к В.Ф. Ахрамовичу и С.Н. Дурылину демонстрируют глубокое проникновение в суть стиховедческой дисциплины (Протоколы 2014: 462–463)⁶. Локс вспоминал: “Вокруг Веры Оскаровны скоро образовался вихрь, где она была чем-то вроде центрального светила. В этом кругу молодых людей, то есть поэтов и будущих, как им казалось, знаменитостей, все чаще повторя-

⁶ В дальнейшем теория ритма Белого оказала существенное влияние на концепцию перевода, которую Станевич разрабатывала в 1950–60-е годы (Станевич 1971). Срвн., например, близкие к темам Белого (в его работах *Ритм как диалектика* и *Медный всадник* и *Мастерство Гоголя*) высказывания: “именно ритм расставляет по местам элементы образительности, подчиняет их единству замысла, придает им эмоционально-мелодический разбег и устремленность” (Станевич 1971: 83).

лось слово ‘Мусагет’. Андрей Белый по вечерам вел там занятия по ритмике и В.О ревностно изучала ‘кривые’ и ‘крыши’, запечатленные потом в книге ‘Символизм’” (Локс 1994: 52). В этот период Станевич пишет стихи, которые предлагала для *Антологии* лирики, издававшейся ‘Мусагетом’. Однако, ее стихи, так же, как и стихи Анисимова, были отклонены, хотя и сохранились в редакционном портфеле ‘Мусагета’ (Дурылин 2014: 406).

В конце 1910 г. Станевич жаловалась Белому, уехавшему с Асей Тургеневой в итальянское путешествие, – на разногласия, возникшие в Ритмическом кружке:

После Вашего отъезда, неделя, проведенная мной в Москве (= Мусагете) была крайне неприятной. [...] Первый случай пустой и ничтожный показал, что мы не знаем друг друга, даже может быть не знаем, с кем имеем дело, и назревавшее за эти три месяца скрытое разделение – теперь совершенно ясно. Как раз незадолго до истории с журналом у меня собралось несколько “молодых” и обсуж-

дался вопрос о том, что нет в Мусагете между нами желанного объединения и внутренней близости, что нужно нам встречаться вне занятий, устанавливать такие отношения, при котором выяснилось бы кто из нас “об одном”... Но это меньшинство: большинство же, – Сидоров, Дурылин, Шенрок и т.п. – очевидно в этом потребности не ощущали... В сущности – они – “львовцы”, –мы – “Бугаевцы” [...] После этой истории мы стали совсем чужими друг другу. Я предчувствую, что Бугаевцы будут очень одиноки после Вашего отъезда. Есть “Бугаевцы” и вне ‘Мусагета’. “Бугаевец” любит Вас нежно и преданно: он мечтает о кольце людей, охраняющем Вас... от чего? Он и сам хорошенько не знает... Много можно было бы сказать про тех и других.

Это был переломный момент в отношениях с писателем. В 1911 г. Станевич выходит замуж за молодого поэта, художника и начинающего переводчика

Юлиана Анисимова⁷; их первый литературный дебют состоялся в 1913 г., в поэтической антологии *Лирика*, где дебютировали и молодой Борис Пастернак и Николай Асеев (Лавров 2017: 369; Дурылин 2014: 406). Станевич вместе с Анисимовым пробует себя на переводческом поприще; помогает мужу в переводах из немецкой поэзии: в 1913 г. Анисимов под редакцией Вяч. Иванова издал книгу переводов из Р.М. Рильке (Азадовский 2006); затем они вместе переводили Моргенштерна (*Песни висельника*, а также его антропософскую лирику). Начиная с 1913 г., когда супруги Анисимовы поселились по соседству с особняком М.К. Морозовой – они вместе посещают заседания Московское Религиозно-Философское общества; кроме того, по соглашению с М.К. Морозовой, Станевич переводила книгу Шеллинга *Философия откровения* для книгоиздательства ‘Путь’ (Локс 1994: 143). С 1911 г. Станевич и Анисимов становятся завсегдатями московского антропософского

⁷ После революции Ю.П. Анисимов служил во Всероссийской коллегии по делам музеев при Наркомпросе (1918–1927), занимался искусствоведением, был одним из хранителей Третьяковской галереи.

кружка, где читались записи лекционных курсов Штейнера. Антропософия сблизила интересы Белого и Станевич, вывела их отношения на иной уровень. В 1916 году, совместно с К.Н. Васильевой, Станевич намеревалась создать общество 'для изучения сознания', вела кружок по книге Штейнера *Христианство как мистический факт и мистерии древности* (Жемчужникова 1988: 17). В июле 1917 г. Белый уехал в подмосковное имение антропософов Б.П. и Н.А. Григоровых – Поваровку, а неподалеку, в Петровском (и близости от имения Дедово), – снимали дачу Анисимовы, поддерживавшие тесную дружбу с семьей Сергея Соловьева. Во время одного из визитов на дачу к Анисимовым в Петровском – произошла “встреча по-новому, ясному, прекрасному” Белого с уже знакомой ему прежде К.Н. Васильевой, которая вскоре станет его второй женой; тогда же, у Анисимовых, он прочел свое изложение 5-го *Евангелия* Штейнера⁸ (Белый 2016: 436). Московская квартира Анисимовых, находившаяся в Мертвом переулке, была одним из

⁸ В октябре 1913 г. Р. Штейнер прочел курс лекций *Из хроники Акаши. Пятое Евангелие* (*Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evengelum*).

мест встреч антропософов⁹ – ср.: “частые собрания у Анисимовых и у меня (еще живу на Арбате)” (Белый 2016: 439); писатель выступал там с чтением своих произведений, например, в октябре 1917-го – прочел отрывки из только что законченной *Глоссолатии* (Белый 2016: 437). Белый помогал и в обустройстве публикации стихов Анисимова и прозы Станевич, рекомендовав их Иванову-Разумнику для 3-го сборника «Скифов», но поскольку эта книга не вышла, то они были напечатаны в газете «Знамя труда» (Иванов-Разумник 1998: 155). В письме к Асе Тургеневой от 21 февраля 1918 г. он сообщал: “Из нашей антропософской молодежи очень выровнялись и подают надежды: Михаил Петрович Столяров, Вера Оскаровна Анисимова, особенно Клавдия Николаевна [...]” (Иванов-Разумник 1998: 258).

С 1921 г. Станевич вместе с другими антропософами (Андрей Белый, Т.Г. Трапезников, М.П. Столяров, М.В. Сабашникова, А.С. Петровский) – входит в Ломоносовскую группу Московского антропософского общества. В 1922 году внутри этой антропософской общины

⁹ По выражению Локса – антропософы свили “прочное гнездо в квартире Анисимовы” (Локс 1994: 136).

начинает ощущаться недостаточность прежних форм социального взаимодействия, да и по условиям времени приток новых членов сильно сокращается. Тогда Станевич предлагает освоить новую форму общения, назвав ее ‘вольным содружеством’:

Она находила, что Вольфила слишком “академична” и “философична” и что теперь нужны другие, более “демократичные” формы духовного общения, более широкие как по кругу вопросов, так и по составу участников. Она сказала. Что еще в дореволюционное время, когда она училась на Высших Женских курсах, в Москве существовала чайная, куда приходили люди из самых разных слоев “простонародья”, желавшие поговорить и поспорить о “вере” – сектанты различных толков, староверы и православные, толстовцы и одиночки – “искатели веры” (Жемчужникова 1988: 40).

Название группе также придумала Станевич: ‘Вольное содружество духовных течений’; за поддержкой они обрати-

лись к толстовцам, теософам и в Христианский Студенческий союз; по большей части в ‘содружестве’ принимали участие молодые люди, ‘анархистамики’. Не имея четко обозначенной идейной платформы, общество через год прекратило свое существование (Жемчужникова 1988: 40–45), тем более, что с 1923 г. в Советской России были фактически запрещены все эзотерические кружки и объединения; в том числе, Антропософское общество собиралось тайно, в квартирах участников¹⁰.

В пореволюционные годы (1918–1919) Станевич недолгое время служила в Румянцевском музее, куда ее вероятно устроил антропософ А.С. Петровский, занимавший должность сотрудника и хранителя библиотеки. С середины 1920-х ее биография приобретает все более официальные черты, она отходит от участия в антропософском обществе, обвинявшего ее в измене идеа-

¹⁰ Срвн. показания на допросе в ОГПУ А.С. Петровского 18 марта 1924 г.: “После того, как общество было распущено, мы, члены его, продолжали собираться то у одного, то у другого на квартире как частные знакомые между собою люди [...] приходили на собрания: Андрей Белый, Васильева Клавдия Николаевна, Анисимова Вера Оскаровна [...]” (Иванов–Разумник 1998: 306).

лам духовной науки (Жемчужникова 1988: 20); по некоторым сведениям, в 1930-е годы Станевич также входила в периферийный круг ордена Тамплиеров (Орден 2003: 40). В 1934 г. от скарлатины внезапно умирает ее сын, а вскоре и муж. Из документов этого периода сохранилась в основном ее переписка в связи с переводческой деятельностью: долгое время Станевич была сотрудником секции переводчиков Союза писателей СССР. Полагаем, что дальнейшее обследование ряда частных антропософских архивов и фонда Ю.П. Анисимова в РГАЛИ может добавить дополнительные штрихи к биографии Веры Станевич, женщины эпохи Серебряного века¹¹.

¹¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Библиография

Азадовский 2006: К.М. Азадовский, Вячеслав Иванов и Рильке: два ракурса, «Русская литература», 2006, 3, с. 115–127.

Белый 1997: Андрей Белый, *О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи*, вступ. ст., сост., подг. текста, комм. А.В. Лаврова, Автограф, М., 1997.

Белый 2016: Андрей Белый, *Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов*, сост. А.В. Лавров, Дж. Мальмстад; научн. ред. М.Л. Спивак, Наука, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Волошин 2013: М.А. Волошин, *Собрание сочинений, Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1903–1905, Эллис Лак, М., 2013, т. 11, кн. 1.

Волошин 2015: М.А. Волошин, *Собрание сочинений, Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1906–1924, Эллис Лак, М., 2015, т. 11, кн. 2.

Дурылин 2014: С.Н. Дурылин, *Комментарии к “Антологии”*, публ., комм. М.Ю. Гоголина, А.И. Резниченко // Книгоиздательство “Мусагет”: история, мифы, результаты. Исследования и материалы. Сб. статей, РГГУ, М., 2014, с. 347–413.

Жемчужникова 1988: М.Н. Жемчужникова, *Воспоминания о московском антропософском обществе*, публ., пред., комм. Дж. Мальмстада // *Минувшее*, Феникс, М., Вып. 6, 1988, с. 7–53.

Иванов–Разумник 1998: Андрей Белый и Иванов–Разумник, *Переписка*, публ., вступ. ст, комм. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада; подг. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. Atheneum–Феникс, СПб., 1998.

Лавров 2017: А.В. Лавров, *Ранние стихотворные опыты Веры Станевич // Окно из Европы. В 80-летию Жоржа Нива*, Три квадрата, М., 2017, с. 367–389.

Локс 1994: Константин Локс, *Повесть об одном десятилетии (1907–1917)*, публ. Е.В. Пастернак, К.М. Поливанова // *Минувшее*, Atheneum–Феникс, М. – СПб., Вып. 15, 1994, с. 7–162.

Мусагет 2014: А. Резниченко (сост.), *Книгоиздательство “Мусагет”: история, мифы, результаты. Исследования и материалы. Сб. статей*, РГГУ, М., 2014.

Орден 2003: *Орден российских тамплиеров: в 3 тт*, публ., вступ. ст., комм. указатель А.Л. Никитина, *Минувшее*, М., 2003, Том I. Документы 1922–1930 гг.

Переписка 2004: Валерий Брюсов – Нина Петровская. *Переписка: 1904–1913*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2009: Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева–Аннибал. *Переписка: 1894–1903*, Новое литературное обозрение, М., 2009, т. 1.

Переписка 2017: А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. *Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017.

Протоколы 2014: Андрей Белый. *Ритм как диалектика и “Медный всадник”*, вступ. ст. Д.О. Торшилова; подг. текста, комм. Е.В. Глухой, Д.О. Торшилова, Изд-во “Дмитрий Сечин”, М., 2014, с. 230–251.

Станевич 1971: В. Станевич, *Ритм прозы и перевод // Вопросы теории художественного перевода*, Художественная литература, М., 1971.

Станевич 2004: В. Станевич, *О “Серебряном голубе” // Андрей Белый: Pro et contra*, сост., пред., примеч. А.В. Лаврова, РХГИ, СПб., 2004, с. 310–319.

Ходасевич 1995: В.Ф. Ходасевич, *Андрей Белый // Воспоминания об Андрее Белом*, Республика, М., 1995.

Шагинян 1982: М. Шагинян, *Человек и время. История человеческого становления*, Советский писатель, М., 1982, с. 239–247.

Шруба 2004: Манфред Шруба, *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Papers

Irina Erman

Autobiography of a ‘Living Plagiary’: Vasilii Rozanov’s Secret Dostoevskian Genealogy

This article examines Vasilii Rozanov’s autobiographical practices by analyzing previously unnoticed aspects of his engagement with Fedor Dostoevsky’s works. Rozanov’s fascination with Dostoevsky is hardly a secret, and his contemporaries found his tendency to embody characters, such as Fedor Karamazov or Smerdiakov so striking that he was even called a ‘living plagiary’ of Dostoevsky’s novels. And yet, a major aspect of this literary performance has yet to be explored. The author posits that Rozanov’s excessive intertextuality and his creative embodiment of certain Dostoevskian characters contribute to his creation of a hybrid autobiography, whose uniqueness emerges from its fundamental dependence on others’ texts and its thematization of relationality. Ultimately, this article argues that Rozanov wrote himself into a Dostoevskian genealogy of his own making, while also developing an original authorial persona that combined autobiographical referentiality with a subjectivity enacted primarily through interaction with others’ texts.

Розанов брал отовсюду, вводил воровские даже слова.
(Shklovskii 1921: 45)¹

To call Vasilii Rozanov’s Dostoevskian genealogy a ‘secret’ may raise a few eyebrows, although certainly fewer than Rozanov’s own literary performance. He created a unique autobiographical persona via auto-projection onto a number of Fedor Dostoevsky’s unsavory characters, such as the Underground Man, Smerdiakov and Fedor Karamazov, in addition to other unpleasant types drawn from con-

temporary novels like Fedor Sologub’s *Petty Demon*. Readers regularly took note of his exhibitionist imitativeness and Rozanov made sure to acknowledge it and to reinforce the associations. For instance, referencing the reviews of *Solitaria*, his 1911 collection of autobiographical fragments, Rozanov writes, “Со времени «Уед.» окончательно утвердилась мысль в печати, что я – Передонов, или – Смердяков. Merci” (Rozanov 1990: 279)².

While Rozanov’s self-exposure as a “a pup out of the Dostoev-

¹ “Rozanov borrowed from everyone; he even used thieves’ jargon”. All translations in the article are by the author.

² “From the time of ‘Sol.’ the press has become completely convinced that I am Peredonov, or – Smerdiakov. Merci”.

sikian kennel”, as D. H. Lawrence pithily calls him (Lawrence 1965: 100), may be the most readily observed aspect of his autobiographical performance, his philosophic and literary concerns actually emerge from an alternative interaction with the famous writer. Smerdiakov’s illegitimacy, which is so central to his storyline, hints at Rozanov’s ‘secret’ Dostoevskian lineage – this is what will be explored in this article. This will require us to look past the autobiographical ‘trilogy’ of *Solitaria* and *Fallen Leaves Basketful I* and *Basketful II* to the less often studied works of the early 1900’s, such as the 1903 *The Family Question in Russia*, which is explicitly centered on the plight of illegitimate children. This was a very personal subject for Rozanov, since his inability to obtain a divorce after his short-lived marriage to Dostoevsky’s former lover Apollinaria Suslova meant that the children he would later have with Varvara Butiagina were considered illegitimate by law. Out of this personal turmoil, Rozanov emerges as the passionate philosopher of procreation, intimacy and sexuality. He does this in part by exposing the hidden seams in Dostoevsky’s texts by uncovering their sexual, bodily subtext and by inserting his autobiographical per-

sona into a Dostoevskian genealogy he ultimately fashions for himself.

Furthermore, Rozanov’s performance of the autobiographer as a ‘living plagiarist’ exposes the autobiographical tradition’s poorly hidden secret – its uneasy negotiation between claims of originality and its heavy dependence on convention and intertextual modeling. Thus, Jean Jacques Rousseau protests a bit too much when he opens the *Confessions* with the words, “I am resolved on an undertaking that has no model and will have no imitator” (Rousseau 2000: 5). For all of his claims to autonomy and originality, Rousseau has a clear model in Augustine’s *Confessions*, and also engenders plenty of imitators himself. In utilizing the first person confessional mode, the autobiographer joins a family tree whose roots stretch back to Augustine and Rousseau. In contrast, Rozanov’s autobiographical project combines his philosophic interest in relationships and private family life with a challenge to the confessional autobiographical tradition, represented by figures, such as Rousseau, who relate their private affairs for different narrative ends. “Совершенно не заметили, что есть нового в «У.». Сравнили с «Испов.» Р., тогда как я прежде всего не

исповедаюсь”, explains Rozanov in *Fallen Leaves I* (Rozanov 1990: 249)³.

Twentieth century literary criticism has been very interested both in the philological search for intertextual references and in theorizing the uses of intertext in literary fiction. It has, however, been somewhat dismayed to discover the level of intertextuality in autobiographical or pseudo-autobiographical texts. The following excerpt from an article on St. Augustine’s *Confessions*, which is generally considered to be the *urtext* of western autobiography, effectively conveys this critical anxiety:

At every point in a narrative, which we would like to believe is as unique as the individual who produces it, we discover other narratives lurking, like children in a nearby house. Augustine’s individuality turns out to be no more than a variation of a collection of textual patterns. (Rothfield 1981: 210)

While it may be anachronistic to expect Augustine to place as high a value on individual ex-

³ “They completely missed what was new in ‘S’. They compared it to ‘Conf.’ of R. while I am first of all not confessing”.

pression as writers have done since the Romantic period, Rothfield brings up an important issue. How do we account for excessive incidences of textual patterning in works that purport to be the stories of a unique individual’s life?

The central concern of Rozanov’s experimental autobiographical texts lies in the theoretical issue of translating the self into text, and the performative question of living, authoring the self that is already constituted by texts. Rather than conceal his intertextuality, Rozanov playfully indulges in it. His self-conscious excess presents a challenge to autobiographical theory, as it leads Rozanov to develop a hybrid autobiographical genre, whose uniqueness emerges from its fundamental dependence on others’ texts and its thematization of relationality. His texts combine essayistic fragments, records of his life and thoughts, responses to other thinkers and critics, and even letters from his friends and readers reproduced in their entirety. Rozanov’s textual practices led Viktor Shklovskii to theorize the development of a new type of modernist ‘plot’ based on the interrelationship and contrast between textual fragments, rather than causal or temporal continuity. Shklovskii would ul-

timately credit Rozanov with founding a new literary genealogy with his fragmentary autobiographical genre that would come to prominence in the 1910s-1920s. But in positing this development of what he calls the “writer’s notebook” genre (Shklovskii 1926: 35), Shklovskii surprisingly ignores its most direct provenance in Fedor Dostoevsky’s *Diary of a Writer*. Thus, Rozanov’s innovation turns out to be not strictly generic. Rather, I would argue that he theorizes textual interaction by materializing strategies of literary descent and filiation through self-inscription rather than the mere appropriation of another’s text or the creative overcoming of an authoritative rival. In fact, Rozanov emphatically lacks any ‘anxiety of influence’. He effectively wrote himself into a Dostoevskian genealogy, while also developing a unique authorial persona that combines autobiographical referentiality with a subjectivity enacted primarily through interaction with others’ texts, and especially with those of Dostoevsky.

Shklovskii counts that there were as many as 123 writers mentioned in Rozanov’s famous *Solitaria* and *Fallen Leaves* trilogy (Shklovskii 1921: 42). Many of these names were lesser known authors, or even complete un-

knowns, whose words were gathered up in Rozanov’s ample *Basketfuls* in an act of collection and preservation. Rozanov even went so far as to insert private letters from his childhood schoolmate into *Fallen Leaves Basketful II*. This had been a regular practice for him for a number of years, even before the publication of *Fallen Leaves II* (1915). Rozanov’s earlier publicistic and philosophical works were also stitched together from his own essays, extended quotations from others texts, reviews and letters, all of them copiously footnoted with Rozanov’s dialogic commentary to the texts. Rozanov was so infamous for publishing private letters that many correspondents who wished to reveal personal information (and often it was quite personal, since Rozanov’s most prominent philosophical theme was that of sexuality and procreative marriage) stopped identifying themselves when writing to him. One reader’s letter begins with the words: “не решаюсь же подписываться, зная вашу почти болезненную склонность печатать даже интимные письма” (Rozanov 1995: 333)⁴. Rozanov, of course, published

⁴ “I am unable to sign my name, knowing full well of your almost unhealthy tendency to publish even the most intimate of letters”.

the entirety of this letter, together with many others, in his 1901 *In the Land of the Unclear and Undecided*.

Rozanov's contemporaries were even more shocked by another one of his intertextual tendencies. Contemporary readers interpreted Rozanov's self-presentation as an impersonation of every unpleasant literary character they could think of. The list included Peredonov from Sologub's *Petty Demon*⁵, Iudushka Golovlev from Saltykov-Schedrin's *The Golovlev Family*, as well as an impressive array of Dostoevsky's deplorables. His readers were so struck by this aspect of his self-presentation that he was able to boast the questionable privilege of having been called "a living plagiarist" of Dostoevsky. The following excerpt from a 1915 article entitled *Bobok* (after Dostoevsky's eponymous short story) portrays an even higher level of critical anxiety and incredulity than Rothfield's assessment of the textual patterning in Augustine's *Confessions*:

⁵ There was a history of personal enmity between Rozanov and Sologub, and it was widely believed that Rozanov actually served as one of the prototypes for Sologub's nasty schoolteacher Peredonov in *Petty Demon*. For more on this, see Danilevskii 2006.

Байрон создал целую армию Чайлд-Гаролдов, Гете – Вертеров, Пушкин – Онегиных, Лермонтов – Печориных. Но не было примера, чтобы писатель до такой степени полно воплотил черты героев из творений другого писателя. В этом смысле Розанов, действительно, вполне оригинален. По странной ошибке его сочли вообще оригинальным, между тем, как его оригинальность только в том, что порою рабски воспроизвел черту героев Достоевского. Если разобраться в этом подробнее с необходимыми выписками и сопоставлениями – это будет поразительно. Известный большой писатель окажется каким-то живым плагиатом. Окажется, что Розанова нет, а есть обыкновенный русский человек, циничный, неряшливый и талантливый, в сущности простой и «добрый малый», который так сжился с фантастическими репертуарами Достоевского, что сам стал какой-то фантазмагорией. Розанова нет, а есть тень,

падающая от тайной
стороны Достоевского.
(RGALa: 81)⁶

The article's pseudonymous author locates Rozanov's originality precisely in how incredibly unoriginal he seems when read through the prism of Dostoevsky's characters. This opinion was not limited to anonymous reviews and reader comments. Nikolai Berdiaev writes in his reminiscences that: "Мне всегда казалось, что он зародился в воображении Достоевского и что в нем было что-то похожее на Федора Павловича Карам-

зова, ставшего гениальным писателем". And yet, in the same breath, Berdiaev confesses: "В. В. Розанов один из самых необыкновенных, самых оригинальных людей" that he had ever met (Berdiaev 2003: 394)⁷. And Berdiaev was not alone in this opinion. As much as he baffled some of his contemporaries by his autobiographical performance, Rozanov was considered by many others to be a fascinating thinker and possibly even "the greatest writer of his generation" (Mirsky 1926: 171-2).

Rozanov's unique achievement lay in the way he activated the interstitial spaces between texts and within his own pages as sites for creative dialogue by positioning his authorial persona as a sort of incarnated imitation, a breathing, whispering citation⁸. In contemporary reviews

⁶ "Byron created an entire army of Childe Harolds, Goethe – Werthers, Pushkin – Onegin, Lermontov – Pechorins. But there has never been an example of a writer, who to such an extent incarnated the characteristics of the heroes from the works of another writer. In this sense, Rozanov is indeed quite original. By some sort of strange mistake he has been considered an original writer, whereas, in reality, all his originality consists in the fact that he has, often slavishly, imitated the traits of some of Dostoevsky's heroes. But if we took a close look at this and compared excerpts to each other, we would be amazed. This famous, important writer would turn out to be some sort of living plagiarist. It will turn out that there is no such thing as Rozanov, but there is only this ordinary Russian man, cynical, careless and talented, in essence a simple and 'a good sort', who managed to intertwine himself so closely with Dostoevsky's fantastical repertoire that he in effect became some sort of phantasm. There is no Rozanov; there is only the shadow that falls from the dark side of Dostoevsky". Emphasis added.

⁷ "It always seemed that [Rozanov] was conceived in Dostoevsky's imagination and that in him there was something resembling Fedor Pavlovich Karamazov, who had become a brilliant writer (...) V.V. Rozanov was one of the most fascinating and original people".

⁸ Zinaida Gippius is one of many memoirists, who describe Rozanov's performative intimacy and his emphasis on the whisper and the *tête-à-tête*. This is how she describes the first impression Rozanov made: "Говорил быстро, скользко, не громко, с особенной манерой, которая всему, чего бы он ни касался, придавала *интимность*. Делала каким-то... шепотным" ("He spoke quickly, in a slippery way, quietly and with this particular man-

the Dostoevsky cord was primarily struck by Rozanov's performative self-exposure of an autobiographical self that was not just explicitly imitative, but also always in flux – shifting themes, addressees, and seeming to change his opinion with every page, if not with every line. The style of this over-exposure, combined with Rozanov's penchant for contextualizing his fragments in the material details of his everyday life, contributed to the motif of the incarnated Dostoevskian text. “С хитренькой смердяковской улыбкой на лице”, moans a reviewer, “он высыпает весь свой семейный сор на голову читателю и при этом старательно отмечает, где, при каких обстоятельствах и по какому поводу пришла ему в голову та или другая мысль и где он её записал” (RGALib: 28)⁹.

Rozanov cultivates an embodied poetics that seeks to let the reader into the scene of the text's composition and the author's sensations. His fragments

ner that gave everything he touched on in conversation a feeling of *intimacy*. It made everything somehow... whispery”. Gippius 1995: 145).

⁹ “With a sly Smerdiakovian smile on his face he pours all of his private rubbish onto the reader's head, and each time makes sure to carefully note where, in what circumstances, and from what cause one or another of his thoughts came into his head, and on what material he wrote it down”.

are often accompanied by a notation indicating the location where they had been written (train, W.C., funeral procession), his activity at the time (numismatics, dusting his bookshelves), or even the material on which they had been written (“на подошве туфли” (Rozanov 1990: 106))¹⁰. The contextualization of Rozanov's fragments illuminates the text's constructiveness rather than its confessional authenticity¹¹. According to Shklovskii, the context that prompts each fragment serves as an additional level of contrast to the differences between the contradictory sentiments expressed within the span of a page. The thoughts that struck Rozanov in the W.C. very often tended to be of a profounder nature than those he documented at his editor's office. And the long excursion on prostitution, which occurred to him at a stately funeral (or the hilarious description of his own imaginary funeral, which features Rozanov in the carnival guise of the unruly undead, who refuses to lie still and begs his pallbearers for a cigarette), seems to be more of a

¹⁰ “On the sole of my slipper”.

¹¹ Anna Lisa Crone approaches this issue of Rozanov's ‘inauthenticity’ or constructiveness differently by focusing on his performative fictions, which break with what Lejeune has famously termed the autobiographical ‘pact’ (Crone 1990: 36-51).

provocative homage to Dostoevsky's *Bobok* than a sincere chronicle of his shifting sensations. Indeed, Dostoevsky was such a major reference point for Rozanov that "upon reading *Diary of a Writer*" should have been the most commonly occurring contextual marker in the fragments.

Rozanov's friend Erikh Gollerbakh reports:

Много раз в печати и в беседе с друзьями В. В. Розанов говорил о своей тесной, интимной, психологической связи с творчеством Ф. М. Достоевского. Помню, однажды, любовно поглаживая том *Дневника Писателя*, В. В. сказал: «научитесь ценить эту книгу. Я с ней никогда не расстаюсь». Достоевский всегда лежал у него на столе. (Gollerbakh 1922: 56)¹²

Although the intertextual relationship between Rozanov's works and the *Diary of a Writer*

¹² "Many times both in print as well as in conversation with friends, V.V. Rozanov spoke of his close, intimate, psychological connection with F. M. Dostoevsky's art. I remember once V.V. said, 'learn to appreciate this book. I never part with it', while lovingly patting the volume of *Diary of a Writer*. Dostoevsky never left his desk".

is regularly mentioned, there have been remarkably few in-depth examinations of the parallels¹³. In particular, readers have missed perhaps the most direct mediator, who helps Rozanov inscribe himself into an unending dialogue with Dostoevsky, and whose entry serves as a model for Rozanov's penchant for paradox and insistence on recording ever altering, and often contradictory opinions within the space of a single page. Even Andrei Siniavskii, who posits the model of the Underground Man and of the "iurodivyi" or 'holy fool' as the touchstones for Rozanov's paradoxicalism, misses the character that strolls into the *Diary of a Writer* in April of 1876 and appears again in the July-August issue of the same year. Dostoevsky calls this man the Paradoxicalist. He appears in the *Diary* solely in the context of a dialogue with the author. The readers are presented with a series of fascinating conversations, one of which in particular supports his reviewer's charge that Rozanov was 'a living plagiarist' of Dostoevsky.

In the July-August 1876 issue, which is entirely taken up by their conversation, the Paradoxicalist espouses views on marriage and procreation, which are

¹³ The only extended comparison I have seen so far has been Fokin 2000: 191-202.

quite reminiscent of the only argument that Rozanov never fundamentally altered. In Chapter 4 of the July-August issue, in a section entitled *Children's Secrets*, the Paradoxicalist argues that endless childbirth should be woman's primary task in life and only in its pursuit will she really know true happiness and connect "с живою жизнью" (Dostoevsky 1972: XXIII: 92)¹⁴. Although Rozanov is rarely so unoriginally misogynist, he shares the 'Paradoxicalist's' emphasis on physical reproduction. It is not, however, an argument that Dostoevsky himself would make elsewhere. In point of fact, his private diary reveals that he may have occasionally leaned toward the exactly opposite opinion¹⁵. He did, however, impart some similar statements on another memorable character who rejects asceticism and favors bawdy, grotesque self-presentation. Fedor Karamazov is another regular point of comparison for Rozanov. In fact, Danilevskii has suggested that Rozanov's philosophy of 'reli-

¹⁴ "With living life".

¹⁵ See, for example, his moving entry as he sits up with the dead body of his first wife. In this entry, Dostoevsky sounds almost Augustinian in his ascetic rejection of the value of marriage and sexuality in favor of the heavenly, desire-free bodies that are to be granted to men at the Resurrection (Proffer 1973: 39-41).

gion and sex' is really just a sort of upside-down, 'theorized' Karamazovschina. He also puts forth the idea that Rozanov's attacks against ascetic monasticism are modeled directly – both in style and in content – on Fedor Karamazov's outbursts (Danilevskii 2006).

Paul de Man has pointed out that autobiography tends to look a bit "self-indulgent" and "disreputable" when placed side by side with more established genres, such as the novel (de Man 1979: 919). And yet, Rozanov emphatically lowers, or debases his autobiographical persona, precisely by constructing it out of traits borrowed from famous novelistic characters. Rozanov goes even further than Dostoevsky in *Diary of a Writer* in fragmenting the 19th century text and probing its fertile secrets. For instance, he exposes the issue of illegitimacy as a major driver of the 19th century plot. In doing so, he prefaces fascinating scholarly examinations into Dostoevsky's works, such as Fusso's *Discovering Sexuality in Dostoevsky* and Apollonio's *Dostoevsky's Secrets*, which find a rich dynamic of "secrecy and sexuality" at play in Dostoevsky's novels (Apollonio 2009: 79).

In his autobiographical performance, Rozanov frequently figures as both the disgraceful fa-

ther and the illegitimate child – Fedor Karamazov and Pavel Smerdiakov in one. One of his pseudonyms, Elizaveta Sladkaia, even references Smerdiakov's mother, Elizaveta Smerdiaschaia. The physical descriptions he offers of himself are grotesque and clearly recall the emphasis on Fedor's semi-contrived coarseness and semi-spontaneous lewdness. In Rozanov's autobiographical texts, the aged nudity of an unattractive gentleman in his late fifties is frequently alternated with embryonic and infantile self-descriptions¹⁶. For instance, *Fallen Leaves Basketful II* begins with the provocative declaration: “С выпученными глазами и облизывающийся – вот я. Некрасиво? Что делать” (Rozanov 1990: 332)¹⁷. The book concludes with an extended image of “маленькой Розанов” (“little Rozanov”), embracing the entire world as if it were a mother's breast and suckling on its nipple. “И люблю я этот со-

¹⁶ In fact, his early experimental fragments, which would pave the way for *Solitaria* and *Fallen Leaves*, was called *Embryos*. Some of these were published in «Grazhdanin» in 1900 under the pseudonym Orion. There is evidence he intended the sketches to comprise a longer, fragmentary work. Several *Embryos* can be seen in Rozanov 2009.

¹⁷ “With bulging eyes and licking my lips – here I am. Not too pretty, eh? What is to be done?”.

сок мира”, he adds, “/смуглый и благовонный, с чуть-чуть волосами вокруг” (Rozanov 1990: 576)¹⁸. *Fallen Leaves II* thus reverses the autobiographical order and instead of beginning with the words “I was born...” concludes with the image of the author as a newborn.

Rozanov's self-presentation as simultaneously paterfamilias and child, together with his thematization (and spirited rejection of 19th century views) of illegitimacy underscores his concern with patrimony in the form of literary inheritance. But while Fedor Karamazov and Smerdiakov are perhaps the most commonly identified points of origin for Rozanov, he averred the closest kinship with a very different – and rather surprising – Dostoevskian character. When he was asked to name the literary character for whom he felt the greatest affinity, Rozanov replied, “конечно – Шатов” (“Shatov, of course”) without a moment's pause (Gollerbakh 1922: 57). Needless to say this led to a rather puzzled reaction, for how indeed can one explain the gulf between the perverse paterfamilias, or the parricide, and the student sacrificed at the end of *The Dev-*

¹⁸ “And I love this nipple of the world [...] so tawny and aromatic, with just a little bit of hair around it”.

ils? Rozanov's problematic answer was thus interpreted as either one of his characteristic paradoxes, or as a statement of an ideological affinity to Shatov's messianic nationalism. This confusion persisted due to the fact that from Rozanov's death in 1919 until quite recently, the experimental trilogy of *Solitaria* and *Fallen Leaves I and II* has been almost exclusively privileged by scholars over the earlier philosophic and publicistic texts. In fact, Rozanov enacts one of his most fascinating intertextual performances in *The Family Question in Russia*, which was published in 1903, a full ten years before the first *Basketful of Fallen Leaves*. In *The Family Question*, Rozanov expresses his personal anguish over the status of his illegitimate family with Butiagina and proposes to make the family as such the subject of religious-philosophical investigation. He passionately argues against the ascetic strivings of the church fathers, who marginalized the sanctity of marriage and procreative sexuality. In this context, we will remember that in *The Confessions*, Augustine models more than a conversion to Christianity. He ultimately seeks the most stringent form of the profession of faith: complete abstinence and withdrawal from social bonds, particularly that of

marriage. To illustrate his argument against this ascetic model of conversion, Rozanov presents an extended five-page quotation from Dostoevsky's *The Devils*. The scene is that of the birth of Stavrogin's child to Shatov's estranged wife Marie, and Shatov's subsequent rebirth through the sacred experience of fatherhood. Rozanov's reading of Shatov's simultaneous fatherhood and rebirth conflates the distinction between father and child and recalls Oedipus' scrambled genealogy, as well as his own altered autobiographical chronology. Rozanov rewrites the tragic parody (for in the novel the child, the mother, and Shatov all die soon thereafter) of the scene in Bethlehem into a prophetic apotheosis of the sanctity of reproduction. Rozanov writes:

Читатель да простит нас за длинную цитату. Мы все *рассуждали* (о браке и о его *духе*), но ведь нужен и матерьял, к которому конкретно мы могли бы относить свои рассуждения. Мы от себя высказали, что *рождение и все около рождения* – религиозно; и теперь приводим иллюстрацию, что оно *воскрешает*, и даже *воскрешает* из такой пустынности отри-

цания как наш нигилизм. (Rozanov 2004: 59)¹⁹

I hope I may also be forgiven for this long quotation, but I think it is essential to reproduce at least a part of this performance. The text below is a part of the excerpt from Dostoevsky's *Devils* as it was printed by Rozanov; the italics are all Rozanov's, as is the explanatory footnote he plants on the bottom of the page:

... Marie лежала как без чувств, но через минуту открыла глаза и странно, странно поглядела на Шатова: *совсем какой-то новый был этот взгляд, какой именно он еще понять был не в силах, но никогда прежде он не знал и не помнил у ней такого взгляда.*

- Мальчик? Мальчик? – болезненным голосом спросила она Арину Прохоровну.

¹⁹ “The reader will have to forgive us for this long quotation. We were reasoning (about marriage and about its spirit), but we also need material to which we could concretely direct our thoughts. We put forward the idea that birth and everything around birth is religious; and now we give you this illustration, which demonstrates that it resurrects, and resurrects even from such a desert of negation that is our nihilism”.

- Мальчишка! – крикнула та в ответ, увертывая ребенка.

[...]

- Веселитесь, Арина Прохоровна... *Это великая радость...* - с идиотски-блаженным видом пролепетал Шатов, просиявший после двух слов Marie о ребенке.

- Какая такая у вас там великая радость? – *веселилась Арина Прохоровна, суетясь, прибирая и работая как каторжная.*

- *Тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая,* - Арина Прохоровна, и как жаль, что вы этого не понимаете!

Шатов бормотал бесвязно, глупо и восторженно. Как будто что-то колебалось в его голове и само собою без воли его выливалось из души.

- *Было двое и вдруг – третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет выше на свете!*

- Эх напорол! Просто дальнейшее развитие организма, и ничего тут нет, никакой тайны, -

искренно и весело хохотала Арина Прохоровна, - *этак вякая муха тайна*.*

*Вот он, просвет к древним религиям, к Фивам египетским, Вавилону халдейскому, к обрезанию - Авраама. Если *рождение* и в основе *обюдополость* - мистико-религиозны, то «Бог всяческая и во всем», и в травке, и в звездочке; в человеке как в мухе. Тогда храм наполнится травами, и звездами, и ликами животного-поклоняемыми. Тут же разрешается и вопрос, есть ли и возможны ли «*лишние дети*», «*незаконнорожденные*». Это место следует иметь в виду при излагаемой дальше полемике о незаконнорожденных. (Rozanov 2004: 58)²⁰

²⁰ "...Marie lay as if unconscious, but in another minute she opened her eyes, and strangely, strangely looked at Shatov: this look was something entirely new, in what way - he couldn't yet understand, but he could not remember seeing such a look from her ever before.

- A boy? A boy? - with a sickly voice she asked Arina Prokhorovna.

- Yep, a boy! - she yelled back, swaddling the child.

[...]

- Be happy, Arina Prokhorovna... This is a great happiness... - babbled Shatov with an idiotically blissful look, beaming after Marie's two words about the child.

- What are you talking about, great happiness? - laughed Arina Prokhorovna,

This passage demonstrates a number of Rozanov's favorite textual practices. For instance, he locates his central philosophic concern - the recuperation of the sanctity of procreation and the body - in his favorite spot at the bottom of the page. This

as she bustled about, working like a convict.

- The mystery of the appearance of a new being, a great mystery, unexplainable, Arina Prokhorovna, and it's too bad that you don't understand this!

Shatov babbled incoherently, stupidly and ecstatically. As if something was tottering in his head and came pouring out of his soul against his will.

- There were two and suddenly - a third person, a new spirit, whole, complete, in a way that's not possible from men's hands alone; a new idea and a new love; it's almost frightening... And there is nothing more lofty in the world!

- Hah, what a bunch of nonsense! It's just the further development of the organism, and there is nothing more here, no mystery, - sincerely and joyously laughed Arina Prokhorovna, - according to you every fly would be a mystery.*

[Footnote:]

*Here it is, the window to the ancient religions: to Egyptian Phoebes, Chaldean Babylon, Abraham's - circumcision. If both birth and the sphere of sexual relations are fundamentally mystical-religious phenomena, then 'God is everything and in everything', in the grass, and in the little star; in man same as in the fly. Then the temple will fill up with grass, and stars, and with venerated images of animals. The question as to whether there are 'superfluous children' or 'illegitimate', and whether they are even possible, is also resolved here. This excerpt should be kept in mind for the following polemic about illegitimate children".

marginal space of the footnote is also where we find Rozanov's incredibly personal, anguished rejection of the legal concept of illegitimate children. This subjective interpretation overflows into the quoted passage in the form of Rozanov's italicized highlights that fragment Dostoevsky's text and generate new synaptic interactions between its parts. This move parallels Rozanov's deconstruction of the interiority of the self in *Fallen Leaves* through his unique 'internalization' of others' texts. He materializes the metaphor of his textual consumption: "...иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы" (Rozanov 1990: 332)²¹. And yet the inside is the outside, since his commentary originates from the marginal space at the edges of the page and moves inward. Thus, his citational interiority is re-performed in the page's layout itself. This excessive marginalia attempts to stage the encounter with the other's text as a self-inscription between its lines, rather than merely its appropriation or rewriting.

The motif of Shatov's resurrection (or religious conversion) through his participation in this accidental family calls to mind

²¹ "...sometimes it seems that the decomposition of literature is taking place inside me".

Rozanov's frequent claims that his union with Varvara Butiagina fundamentally transformed him and gave birth to his philosophic project. In this context, I have no doubt that Rozanov's surprising assertion that out of all of Dostoevsky's heroes he feels the greatest affinity for Shatov refers his readers back to this particular scene of spiritual rebirth through the miracle of childbirth²². Thus, by claiming to uncover a sacralized procreative structure deep in the heart of Dostoevsky's text, Rozanov does not merely excerpt an authoritative reference to support his argument. He generates his own literary genealogy by performatively inscribing his rebirth in the form of a footnote to one of his 'originary' texts.

Dmitry Khanin has argued that "Rozanov's trilogy imitates the great Russian moralistic novel in which a troubled male protagonist experiences rebirth at the hands of a simple-minded beauty with a flawless moral instinct" (Khanin 1998: 86). But, in Rozanov's case, morality tends to have very little to do with it, especially when we consider his avowal that he is "не такой еще подлец, чтобы думать о

²² Rozanov also claimed that he had also been awakened from a youthful infatuation with positivism and materialism by his encounter with Dostoevsky's works.

морали” (Rozanov 1990: 86)²³. In analyzing his inscribed re-birth, we need to consider what Rozanov had to be saved from and, to echo the title of a famous 19th century novel, who is to blame? The answer to the question is once again rather surprising – for it is Dostoevsky. Or rather, it is Rozanov’s youthful attempt to materialize a kind of relationship with his predecessor that could have been conceived on the pages of Dostoevsky’s novels (for instance, we can note Fedor and Dmitry Karamazov’s competition for Grushen’ka in the *Brothers Karamazov*). We hardly need a reminder that Rozanov married Apollinaria Suslova in 1880, a year before Dostoevsky’s death. Rozanov’s marriage to the significantly older Suslova materialized his desire for a Dostoevskian genealogy by literally enacting Sedgwick’s theory of literary descent and homosocial desire via a female mediator (Sedgwick 1985). However, as this attempt to ‘marry into’ Dostoevsky’s ‘family’ disintegrated in spectacular fashion, Rozanov found himself theorizing other modes of literary interrelations, while also, interestingly enough, declaring himself the philosopher of the body and procreative

marriage. He ultimately converts this troubled bodily exchange into an embodied citation of Dostoevsky’s characters, rejecting models of textual appropriation in favor of intertextual self-inscription into his literary family tree. In combination with his philosophic thematization of birth and family life, Rozanov’s self-conscious intertextual modeling anticipates theories that describe literary exchange as filiation, patrimony and generational change. However, Rozanov’s performance rejects the kind of adversarial structure that Bloom depicts in *Anxiety of Influence* and also foregrounds autobiography’s secret affinities. In the end, Rozanov forgoes killing the father in favor of writing the scene of his own literary birth.

²³ “Not such a scoundrel as to think about morality”.

Bibliography

- Berdiaev 2003: N. Berdiaev, *Samopoznanie*. Eksmo, Moscow, 2003.
- Budanova 2005: I. F. Budanova, *Epistoliarnyi Dialog O Dostoevskom K. N. Leont'eva i V. V. Rozanova*, in A. I. Stroeva (ed.), *Dostoevskii: Materialy i Issledovaniia*, Vol. 17. Nauka, St. Petersburg, 2005, pp. 129-144.
- Danilevskii 2006: A. Danilevskii, *V.V. Rozanov Kak Literaturnyi Tip*, «Toronto Slavic Quarterly», Winter 2006, XV.
- Dostoevsky 1972: F. Dostoevsky, *Polnoe Sobranie Sochinenii v Tridsati Tomakh*, Nauka, Leningrad, 1972.
- Egorov 2002: P. A. Egorov, *V.V. Rozanov – literaturnyi kritik*, GMPI im. M.M. Ippolitova-Ivanova, Moscow, 2002.
- Fateev 2002: V. Fateev, *Zhizneopisanie Vasiliia Rozanova: S Russkoi Beznoi v Dushe*, Kostroma, St. Petersburg, 2002.
- Fokin 2000: P.E Fokin, 'Novaia, Svoeobraznaia i Prekrasnaia Forma Literaturnoi Deiatel'nosti...' (Dnevnik Pisatel'ia 1876-1877 godov Dostoevskogo i Opavshie List'ia V.V. Rozanova), in A. Stroeva (ed.), *Dostoevskii: Materialy i Issledovaniia*, Vol XV, Nauka, St. Petersburg, 2000, pp. 191-202.
- Gippius 1995: Z. Gippius, *Zadumchivyi Strannik*, in V. Fateev (ed.), *Vasily Rozanov: Pro et Contra, Vol I*, Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Universiteta, St. Petersburg, 1995, pp. 143-185.
- Gollerbakh 1922: E. Gollerbakh, *V.V. Rozanov: Zhizn' i Tvorchestvo*. Poliarnaia Zvezda, Peterburg, 1922.
- Grübel 1996: R. Grübel, *Avtor Kak Protivo-Geroi i Protivo-Obraz: Metonimiia pis'ma i videnie kontsa iskusstva u Vasiliia Rozanova*, in V. M. Markovich, W. Schmidt (eds.), *Avtor i Tekst: sbornik statei*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 1996, pp. 354-386.
- Nikoliukin 2009: A. Nikoliukin (ed.), *Naslediie Rozanova i Sovremennost': Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii*, Rosspen, Moscow, 2009.
- RGALiA: Lukian, *Bobok*, «Birzhevye Vedomosti» (September 1915). Location: RGALI, f. 419, op. 1, d. 888, l. 81.
- RGALiB: A. Iablonovskii, *Golye liudi*, «Rech'», CXXVII (May 12, 1913). Location: RGALI f. 419, op. 1, d. 888, l. 28.

Rozanov 2009: V. Rozanov, *Judaism*, in V. Rozanov, *Sobranie Sochinenii*. Respublika, Moscow, 2009.

Rozanov 2006: V. Rozanov, *Semeinyi Vopros v Rossii* in V. Rozanov, *Sobranie Sochinenii*, Respublika, Moscow, 2006.

Rozanov 1996: V. Rozanov, *Legenda o Velikom Inkvizitore F.M. Dostoevskogo* in V. Rozanov, *Sobranie Sochinenii*, Respublika, Moscow, 1996.

Rozanov 1995: V. Rozanov, *V Mire Neiasnogo i Nereshennogo* in V. Rozanov, *Sobranie Sochinenii*, Respublika, Moscow, 1995.

Rozanov 1990: V. Rozanov, *O Sebe i Zhizni Svoei: Uedinennoe, Smertnoe, Opavshie List'ia, Apokalypsis Nashego Vremeni*, Moskovskii Rabochii, Moscow, 1990.

Sarychev 2007: Ia. Sarychev, *Tvorchestvo V.V. Rozanova 1900-1910-kh godov: fenomenologiya religioznykh i khudozhestvenno-esteticheskikh iskanii*, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Lipetsk, 2007.

Siniavskii 1999: A. Siniavskii, *Opavshie List'ia V.V. Rozanova*, Zakharov, Moscow, 1999.

Shklovskii 1926: V. Shklovskii, *Udachi i Porazheniia Maksima Gor'kogo*, Zakkniga, Moscow, 1926.

Shklovskii 1921: V. Shklovskii, "Rozanov" iz knigi *Syuzhet Kak Yavleniie Stilya*, Opoyaz, Petrograd, 1921.

Sukach 2008: V. G. Sukach, *Vasilii Vasil'evich Rozanov. Biograficheskii Ocherk. Bibliografiia 1886-2007*, Progress-Pleiada, Moscow, 2008.

Sukach 2002: Sukach, V.G., 'Vechnyi Sputnik' V.V. Rozanova, in V. S. Nepomniashchyi (ed.), *Pushkin Cherez Dvesti Let: Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Iubileinogo (1999) Goda*, IMLI RAN, Moscow, 2002, pp. 250-256.

Apollonio 2009: C. Apollonio, *Dostoevsky's Secrets: Reading Against the Grain*, Northwestern University Press, Evanston, 2009.

Balina 1996: M. Balina, *Russian Autobiographies of the Twentieth Century: Fictions of the Self*, «Auto/Biography Studies», 1996, XI, 2, pp. 3-7.

Banerjee 1971: M. Banerjee, *Rozanov on Dostoevskij*, «The Slavic and East European Journal», 1971, XV, 4, pp. 411-424.

Bloom 1997: H. Bloom, *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*, Oxford University Press, New York, 1997.

Bruss 1976: E. Bruss, *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1976.

Burt 2009: E.S. Burt, *Regard for the Other: Autothanatography in Rousseau, De Quincey, Baudelaire And Wilde*, Fordham University Press, New York, 2009.

Clowes 2004: E. Clowes, *Fiction's Overcoat: Russian Literary Culture and the Question of Philosophy*, Cornell University Press, Ithaca, 2004.

Costlow, Sandler and Vowles 1993: J. Costlow, S. Sandler, J. Vowles (eds.), *Sexuality and the Body in Russian Culture*, Stanford University Press, Stanford, 1993.

Crone 1990: A. L. Crone, *Rozanov and Autobiography: The Case of Vasily Vasilievich*, in J.

G. Harris (ed.), *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*, Princeton University Press, Princeton, 1990, pp. 36-51.

Crone 1978: A. L. Crone, *Rozanov and the End of Literature: Polyphony and the Dissolution of Genre In Solitaria and Fallen Leaves*, Jalverlag, Wurzburg, 1978.

De Man 1979: P. De Man, *Autobiography as De-Facement*, «MLN», 1979, XCIV, 5, pp. 919-930.

Dimbleby 2000: L. Dimbleby, *Rozanov and His Literary Demons*, in P. Davidson (ed.), *Russian Literature and Its Demons*, Berghahn Books, New York, 2000, pp. 307-332.

Eakin 1998: P. J. Eakin, *Relational Selves, Relational Lives: The Story of the Story*, in T. Couser, J. Fichtelberg (eds.), *True Relations: Essays on Autobiography and the Postmodern*, Greenwood Press, Westport, 1998, pp. 63-82.

Eakin 1992: P. J. Eakin, *Touching the World: Reference in Autobiography*, Princeton University Press, Princeton, 1992.

Eakin 1985: P. J. Eakin, *Fictions in Autobiography: Studies in the Art of Self-Invention*, Princeton University Press, Princeton, 1985.

Freccero 1986: J. Freccero, *Autobiography and Narrative*, in T.C. Heller, M. Sosna, D.E. Wellbery (eds.), *Reconstructing Individualism*, Stanford University Press, Stanford, 1986, pp. 16-29.

Fusso 2008: S. Fusso, *Discovering Sexuality in Dostoevsky*, Northwestern University Press, Evanston, 2008.

Girard 1965: R. Girard, *Deceit, Desire, and the Novel: Self and Other In Literary Structure*, Johns Hopkins Press, Baltimore, 1965.

Hutchings 1993: S. Hutchings, *Breaking the Circle of the Self: Domestication, Alienation and the Question of Discourse Type in Rozanov's Late Writings*, «Slavic Review», 1993, LII, 1, pp. 67-86.

Jackson 2001: H. J. Jackson, *Marginalia: Readers Writing in Books*, Yale University Press, New Haven, 2001.

Khanin 1998: D. Khanin, *Beauty and the Beast: Vasilii Rozanov's Aesthetic and Moral Ideal*, «The Russian Review», 1998, LVII, pp. 72-86.

Klioutchkine 2010: K. Klioutchkine, *Turning Tricks, Baring Devices: Vasily Rozanov as Prostitute*, «Slavic and East European Journal», 2010, LIV, 3, pp. 415-433.

Lawrence 1965: D. H. Lawrence, *On Dostoievsky and Rozanov*, in D. Davie (ed.), *Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Essays*, The University Of Chicago Press, Chicago, 1965, pp. 99-103.

Lejeune 2009: P. Lejeune, *On Diary*, Biographical Research Center, Manoa, 2009.

Lejeune 1988: P. Lejeune, *On Autobiography*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1988.

Mirsky 1926: D. S. Mirsky, *Contemporary Russian Literature, 1881-1925*, A.A. Knopf, New York, 1926.

Mondry 2010: H. Mondry, *Vasily Rozanov and the Body of Russian Literature*, Slavica, Bloomington, 2010.

Olney 1988: J. Olney (ed.), *Studies in Autobiography*, Oxford University Press, New York, 1988.

Proffer 1973: C. Proffer (ed.), *The unpublished Dostoevsky. Diaries and notebooks: 1860-81. In 3 vol.*, Ardis, Ann Arbor, 1973.

Proskurina 1999: V. Proskurina, *Vasilii Rozanov's Erotic Mythology*, in M. Levitt, A. Toporkov (eds.), *Eros and Pornography in Russian Culture*, Ladimir, Moscow, 1999, pp. 275-285.

Rothfield 1981: L. Rothfield, *Autobiography and Perspective in The Confessions of St. Augustine*, «Comparative Literature», 1981, XXXIII, 3, pp. 209-223.

Rousseau 2000: J. Rousseau, *Confessions*, Oxford University Press, Oxford, 2000.

Sedgwick 1985: E. K. Sedgwick, *Between Men: English Literature and Male Homosocial Desire*, Columbia University Press, New York, 1985.

Tucker 2002: J. Tucker (ed.), *Against the Grain: Parody, Satire, and Intertextuality in Russian Literature*, Slavica Publishers, Bloomington, 2002.

Ure 2011: A. Ure, *Rozanov and the Creation: The Edenic Vision and the Rejection of Eschatology*, Continuum, New York, 2011.

Wanner 2003: A. Wanner, *Russian Minimalism: From the Prose Poem to the Anti-Story*, Northwestern University Press, Evanston, 2003.

Weintraub 1978: K. J. Weintraub, *The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography*, The University of Chicago Press, Chicago, 1978.

Worton and Still 1990: M. Worton, J. Still (eds.), *Intertextuality: Theories and Practices*, Manchester University Press, Manchester, 1990.

Materials and Discussions

Александр Ивинский

Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по материалам ОПИ ГИМ)

The 1789 Letters by Mikhail Murav'ev to Sergei and Fedos'ia Lunin (Based on the Materials of the Division of Written Sources at the Moscow State Historical Museum)

In this paper we publish 48 letters of M.N. Murav'ev to S.M. and F.N. Lunin. They were written in 1789. These texts are unique materials for the reconstruction of the writer's biography. Every week Murav'ev wrote to his sister and her husband about political news, culture, literature and family affairs.

Обширное эпистолярное наследие М.Н. Муравьева неоднократно привлекало внимание исследователей (Майков 1867; Кашин 1925: 241-243; Дружинин 1933; Кулакова 1939; Эйдельман 1970; Кулакова, Западов 1980; Лазарчук 1969; Лазарчук 1971; Лазарчук 1972; Кулакова 1976; Teteni 1983; Муравьев 1980; Фоменко 1984; Росси 1994; Топоров 2007; Лаппо-Данилевский 2013; Зорин 2016). При этом единственный опыт его систематической публикации — подготовленная Л.И. Кулаковой подборка писем в сборнике *Письма русских писателей* (Муравьев 1980). До сих пор в научный оборот не введены сотни писем писателя.

В ОПИ ГИМ находятся, в частности, письма Муравьева Ф.Н. и С.М. Луниным. Они

были объединены в три конволюта: первый — письма Муравьева 1781-1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53); второй — письма 1789 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 54); третий — письма 1791 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 55). Общий объем этих материалов — около 300 рукописных листов. Семья и быт, служба и литература, надежды, планы и, конечно, разочарования — обо всем этом Муравьев писал каждую неделю своим родным. Без этого материала реконструкция биографии Муравьева невозможна. В данной работе мы публикуем 48 писем Муравьева, которые были написаны с 4 января по 20 декабря 1789 г. (см. также: Ивинский 2018a)¹.

¹ В этой работе мы напечатали 15 первых писем за 1789 г. Для данной публикации мы еще раз сверили их по

Их выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, эта статья — часть большого проекта по публикации муравьевского эпистолярного наследия, которым мы занимаемся в настоящее время (см.: Ивинский 2018б). Во-вторых, эти письма позволяют сделать небольшой шаг к пониманию Муравьева конца 1780 гг. Последняя задача особенно актуальна потому, что, если о жизни писателя в 1770 гг. мы имеем хотя бы самое приблизительное представление по его многочисленным ранним публикациям, то о времени его работы на великих князях Александра и Константина Павловичей мы практически ничего не знаем.

Федосья Никитична Лунина (1760-1792), в девичестве Муравьева, ‘Фешинька’ — сестра Муравьева, к которой он относился с теплотой и вниманием, Сергей Михайлович Лунин (1760-1817) — ее муж. Письма были адресованы им обоим, соответственно, разделялись на две части: одна — ‘серьезная’, для С.М., другая — более свободная и подчас ‘легкомысленная’, для Ф.Н. В результате прагматика этих текстов

рукописям и прокомментировали. Таким образом, появилась возможность представить ценный год переписки Муравьева.

предопределила их композицию: они распадались на несколько тематических блоков (ср.: Ивинский 2017).

Первый — биографические факты, позволяющие реконструировать личную, семейную и общественную жизнь Муравьева и его семьи в 1789 г., иногда по дням и даже часам. Наиболее важным представляется сюжет, связанный со скандальной отставкой Г.Р. Державина. Лунины дружили с великим поэтом и поэтому особенно остро переживали его вынужденный отъезд из Тамбовского наместничества (об этом подробнее см.: Державин 1864-1883: 8, 479-554); ср. красноречивый пассаж об этом в письме Муравьева от 11 января 1789 г. (№ 2).

Второй — внутрисемейные отношения. Муравьев писал Луниным регулярно, очевидно стараясь тем самым компенсировать недостаток общения с нежно любимой сестрой. Он рассказывал об отце, многочисленных родственниках и общих друзьях и знакомых.

Третий — столичные новости, в т.ч. придворные и светские: назначения, продвижения по службе, отставки, браки. Об этом Муравьев писал едва ли не в каждом своем послании в Никольское (см., в частности, письма 7, 8, 15). Разумеется,

особую роль в переписке двух дворян играла политика: Муравьев подробно писал о военных кампаниях, которые вела Россия против Швеции и Османской империи. Он говорил о победах А.В. Суворова, К.Г. Нассау-Зигена, В.Я. Чичагова и многих других (см., например, письма № 30-33). Причем Муравьев старался предоставить своему собеседнику максимум деталей, подчас превращая письмо в военную репликацию (показательный пример — письмо от 9 августа [№ 29]).

Четвертый — литературная и — шире — культурная позиция Муравьева. Как известно, он печатался редко и мало, еще реже высказывал свое отношение к тем или иным современным ему литературным и культурным сюжетам. Тем важнее для нас рассеянные по письмам указания на круг его знакомств и чтения, планы и занятия (см., например, об этом письма № 2, 4, 6, 9). Письма эти часто окрашены в тона иронии и самоиронии. “Праздник ленивец”, “бездельник”, “болтун” — эти автохарактеристики, по видимому, говорят о том, что Муравьев не был удовлетворен своим положением в обществе и той ролью, которую он играл при дворе. Отсюда

постоянное, хотя и, как может показаться, чисто игровое подчеркивание собственной ‘маргинальности’. В письме от 9 февраля 1789 г. (№ 6) он приносит извинения за длительное отсутствие и прибавляет, что “не достоин занимаемого” им “звания” и описывает свою жизнь, отчасти предвосхищая пушкинское описание дня Онегина: “Разсеяние каждого дни, лень поглотившая мое утро, сколько минут своевольных и тщетных сожалений, сколько других безпутной резвости, одеванье, болтанье, комедии и подобные сим безделицы, делают меня совершенно бесполезным ни себе ни другим <...>”. Он не скрывает недовольства собой и вместе с тем апеллирует к обычаю: “Мы все привязаны к таким маленьким интересам. Щастливы те которые посвящают время и склонности свои настоящему благу жизни и которые все удовольствия согласуют с добродетелью”. К этой теме он возвращается в письме от 9 марта 1789 г. (№ 9), обсуждая прекращение дружеских связей: “Для приятелей моих я все равно, что отсутствую. <...> Я помешался теперь на учительстве, на истории, нравоведении и почти философии. Все мои ученичества во фран-

товстве выходят не успешны и приходят уже по неволе <...>”. “Учительство”, “история”, “нравоучение”, однако, не сразу вытесняют склонность к рассеянию, ср. в письме от 20 декабря 1789 г. (№ 47): “Между тем извините беспечность и легкомыслие молодого человека моих лет, которой в свет вступает, день ездит верхом и приезжает дремать на бал”. При этом литература все равно оставалась одним из главных интересов Муравьева. Он много читал, изучал новые языки, например, испанский: “Я зачинаю новыя приобретения или новыя дурачества, учиться по Ишпански. Ездя по полям и лугам, как дон-Кишот, справедливо, чтоб я читал Историю моего подлинника на природном языке; ежели впрочем не отменю еще своего намерения” (см. письмо № 35 от 27 сентября 1789 г.). Конечно, своеобразие писем Муравьева вообще и Луниным, в частности, во многом предопределяется личностью их автора. Литератор, светский человек, военный и отчасти чиновник — все эти роли Муравьев играл одновременно, выстраивая в этой игре динамику серьезного отношения к жизни. Эта своеобразная полиидентичность привела к эффекту сложного переплете-

ния разных языков культуры в пределах одного текста.

При подготовке писем Муравьева к печати мы ориентировались на принципы, зафиксированные известным руководством по эдиционной археографии: “При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии” (Правила издания 1990: 24)². Наш выбор был обусловлен тем обстоятельством, что на сегодняшний день опубликована и изучена меньшая часть рукописей Муравьева, а в этой ситуации любая попытка реконструкции его индивидуальной орфографической системы, без чего невозможно отделить ‘индивидуальные черты’ его орфографии от орфографической практики его эпохи, выглядела бы преждевременной. Поэтому, отказавшись от передачи некоторых букв (ерь, ерь, фита и др.), мы сохранили основные особенности орфографии и пунктуации XVIII в.:

² См. также: (Серков, Рейзин 1994: 267; Дружинин 2002: 6).

формы множественного числа на -ья, -ия; устаревшие написания вроде: “естьли” и “есть ли” (такого рода варианты не унифицировались), “сево дни”, “щастье” и т. п.; приставки, оканчивающиеся на ‘з’ в позиции перед глухим согласным и др. Предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов заключены в угловые скобки. Все письма печатаются по одному источнику: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 54; в тексте указываются лишь номера листов.

Комментарий имеет самый предварительный характер; его цель — предоставить читателю возможность ориентироваться в большом количестве имен, упоминаемых в письмах Муравьева; с той же целью, учитывая, что многие его знакомые и близкие упоминаются только по имени и отчеству; по мере необходимости мы указывали их фамилии в угловых скобках (не всех удалось уверенно идентифицировать³; не идентифицированными остались отдельные

имена, в основном женские). По необходимости кратко комментировались ключевые для понимания текстов исторические события.

³ Так, например, неизменно возникают проблемы с И.М. Муравьевым ст., сыном М.А. Муравьева мл., и И.М. Муравьевым мл. (1762-1851), сыном М.А. Муравьева ст., двоюродный братом М.Н. Муравьева; в 1801 г. он принял двойную фамилию Муравьев-Апостол.

М.Н. МУРАВЬЕВ – Ф.Н. И С.Н. ЛУНИНЫМ

<1>

4 января 1789 г.

1789 года Генваря 4 дня. С.<анкт>Петербур<ург>⁴.
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, желаю вам с любезными детьми от всего моего сердца здоровья и благополучия и поздравляю с новым годом. Приятное письмо ваше от 16 декабря уведомляет нас о всех обстоятельствах жизни вашей, в которых кажется нет ничего противного. Желаемое разрешение от бремени и возвращение здоровья зделает их ещё более радостными. Терпение и совершенное упование на Бога, кажется, надежнейшия средства, которыя в человеческой воле. Что касается до нас мы слава богу здоровы. Новый год обрадовал некоторых друзей наших. Павел Львович⁵, Дмитрий Семёнович⁶ вошли в офицеры. Лев Андреевич⁷ приехал сюда на несколько дней до новаго года и проживет еще несколько. Маленькой Муравьев Николай Назарьевич⁸ отставлен капитаном. Михаил Львович⁹ выпущен в капитаны. О вашем Мишеньке¹⁰ я давно уже просил Николая Ивановича¹¹ и он обещал. Я надеюсь скоро прислать к вам паспорт. Наши милые Вульфы¹² собираются в отпуск, которой им на сих днях обещан. У нас также как и у вас видно, сплошная и чрез-

⁴ Адрес: “В Кирсанове что в Тамбовском намест. Милостивому Государю моему, Сергею Михайловичу, Господину Бригадиру, Его высококородию Лунину. В селе Никольском”. Приписки Н.А. Муравьева (отца М.Н. Муравьева) мы в данной публикации не воспроизводим.

⁵ П.Л. Батюшков (1765-1848) – сенатор, генерал-майор, действительный тайный советник.

⁶ Вероятно, кн. Д.С. Львов (1775-1834), участник русско-шведской войны, впоследствии генерал-майор.

⁷ Л.А. Батюшков (между 1740 и 1750 – между 1790 и 1800), дед поэта К.Н. Батюшкова, был женат на сестре матери М.Н. Муравьева.

⁸ Н.Н. Муравьев (1768-1840).

⁹ Возможно, М.Л. Трескин (1765-1839), с 1784 г. служивший в л.-гв. Измайловском полку и 1 января 1789 г. выпущенный капитаном в 6-й Оренбургский полевой батальон.

¹⁰ М.С. Лунин (1787-1845) — сын С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой, подполковник лейб-гвардии (1822), декабрист.

¹¹ Вероятно, Н.И. Вульфа (1771-1813).

¹² Речь идет о Н.И. Вульфе и его брате Петре (1768-1832), сыновьях И.П. Вульфа (1741-1814), владельца усадьбы Берново, и А.Ф. Муравьевой (ум. 1810), двоюродной сестры М.Н. Муравьева.

вычайная стужа: частехонько по -25 градусов. К великому прискорбию нашему дело Гаврилы Романовича¹³ взяло совсем иной оборот. Мы понимаем здесь, чего стоит вам лишение его и Катерины Яковлевны¹⁴. Исследование¹⁵ может быть будет благоприятнее. Это последнее утешение достоинства. Батюшка приказывает мне писать о ваших людях. Повар говорит о себе, что он ещё не в состоянии отправлять стола. Берейтер просил оставить Ивана ещё до лета, что он ещё ни коновал ни берейтер исправной. Батюшка ожидает на сие вашего ответа. Впрочем повторяя мои искренния желания о благополучии вашем с истинною преданностию и любовью навсегда пребуду
ваш верной и покорной слуга и брат
Михайло Муравьев

(Л. 2-3).

<2>

11 января 1789 г.

1789 года Генваря 11 дня. С.<анкт>Петербур.<ург>
Милостивой Государь мой Сергей Михайлович, любезной друг и сестра Федосья Никитична! Дай бог, чтоб скорое получение ожидаемых нами писем ваших обрадовало нас извещением нас о благополучии вашем. Тягость сестрина делает нам чувствительнейшим пропущение и нескольких почт. Величайшая милость Божия, которой мы просим и надеемся состоит в щастливом разрешении от бремени. Что касается до нас, мы слава богу здоровы. Все наши дни совершенно подобны один другому. Батюшка изволит ездить по два раза каждой день в Сенат. Я разточаю праздные мои три дни без всякаго размышления. Покупаю много книг, мало читаю. Хожу, брожу, ездю в Комедии, увожу с собою Петра или Николая <Вульф>. Но они скоро ожидают отпуска. Сегодня начались выборы здешняго дворянства. Иван Афанасьевич перед новым годом приехал и едет назад, потому что ему недосталось и он ещё в семи-

¹³ Г.Р. Державин был в январе 1789 г. отстранен от должности тамбовского губернатора. См. также комментарий к письмам 2, 17.

¹⁴ Жена Державина, в девичестве Бастидон (1760-1794).

¹⁵ Т.е. расследование мнимых злоупотреблений Державина в Тамбове. Подробное изложение фактов, связанных с отставкой Державина, следствием и судом над ним, закончившимся его полным оправданием, см. в его биографии, составленной Я.К. Гротом (Державин 1864-1883: 8, 553-706); о роли С.М. Лунина и М.Н. Муравьева, стремившихся помочь Державину, в его см.: Державин 1864-1883: 8, 559.

десятих. Сказывают будто Захар Матвеевич¹⁶ к нам будет и назначен по росписанию в новой бомбардирной баталион, которой здесь. Павел Львович <Батюшков>завтре пойдёт в первой раз в сутки. Очень хорош офицером. Вот все наши новости. Будьте здоровы. Прощайте.

В деле Гаврилы Романовича <Державина>вы я думаю довольно известны. Общия сожаления. Особы противно мыслящия ускорили должно думать решение онаго. Всякая прозьба и старательство после указа¹⁷ бесполезны былибы. Княжеское прибытие¹⁸, ожидаемое с часа на час моглобы придать стороне и справедливости его более силы. Я чувствую, сколь прискорбна должна вам быть сия потеря. Мне собственно то сожалетельно, что я не мог, так как хотел быть исполнителем желания вашего.

Уведомите ради бога о себе. Будьте здоровы и благополучны.

(Л. 4-5).

<3>

Январь 1789 г.

1789 года Генваря <б/д><б/м>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, душа моя сестрица Федосья Никитична желаю вам мои милые и вашим маленьким здоровья и благополучия. Слава богу мы получили от вас письмо, не получая несколько почт. Признаюсь, что неприятно лишаться известий таким образом. Будьте здоровы для благополучия нашего. Мы вам даём пример. Лености моей не подражайте. Она только мне принадлежит. Захар Матвеевич<Муравьев>, к которому я не писал, скоро будет. Какой отчёт дать? Николай Михайлович Мордвинов¹⁹ уже приехал, все полны храбрости и радости. Граф Иван Петрович Салтыков²⁰ на сих днях сюда прибыл. Суворов²¹, во ожидании князя <Г.А. Потемкина> остановился сказывают в Порхове. Князь ещё неприехал. Я спешу в Эрмитаж. Вот мои новости.

¹⁶ З.М. Муравьев (1759-1832) — артиллерийский офицер, сын М.А. Муравьева мл., двоюродный брат М.Н. Муравьева.

¹⁷ Об удалении Державина с должности тамбовского губернатора.

¹⁸ Т.е. прибытие кн. Г.А. Потемкина ([1739-1791], русский военный и государственный деятель).

¹⁹ Н.М. Мордвинов (1769-1844) — полковник, сын М.И. Мордвинова.

²⁰ И.П. Салтыков (1730-1805) — генерал-адъютант, глава Владимирского и Костромского наместничеств.

²¹ А.В. Суворов (1730-1800) — русский полководец.

Николай Ник.<олаевич>Муравьев²² приезжал Курьером из Дании со своей Ескадры. Сказывает, что проезжая Пруссию и прочие места был свидетелем удивления иностранных о взятие Очакова. Я заболтался. Прощай.

(Л. 6-6 об).

<4>

25 января 1789 г.

1789 года Генваря 25 дня. С.<анкт>Петерб.<ург> Милостивой Государь Сергей Михайлович, душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы обрадованы получением вашего милого письма от 6 сего месяца. Ничего желать более мне бы не осталось, еслибы не состояние уверения о благополучии вашем продолжилось. Мы слава богу здоровы. Желаем вам сердечно всякаго благополучия. Должно помогать себе, какнибудь. Остаток в воле Божией. Исправя, как могу, поручения ваши, обстоятельно ответствовать буду. Алексей Минич²³ сюда из Москвы приехал на службу. Очень хорошо принят Графом В.П. Мусиным Пушкиным²⁴. Петр и Николай Ивановичи<Вульфы> сегодня отъезжают, отпущены по Генварь. Исторической Календарь при сем посылается. Книги и фонари, батюшка Сергей Михайлович, с удовольствием искупить постараюсь. Я собираюсь сегодня и теперь же в Эрмитаж, где может быть представлять будут новую оперу, музыки Мартиниевой, Горобогатыря Косометовича²⁵. Образ жизни моей видите, что все таково же. Обыкновения во мне видно очень усилились. Через два дни дежурю. Два дни или может быть и всякой день табалу²⁶ бью. Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> к нам переходить хочет и будет жить в каменных покоях. Захар Матвеевич <Муравьев> сказывают едет и скоро будет к нам. Князь Г.А. Потемкин ещё не приехал; но ожидают скоро. Впрочем мысленно цалую вас и ваших милых Сашеньку и Мишеньку²⁷ и пребываю с истинною любовию навсегда

²² По-видимому, Н.Н. Муравьев (1768-1840) — лейтенант (1788), участник сражения при Готланде.

²³ А.М. Муравьев (ум. 1807) — дальний родственник Муравьева.

²⁴ В.П. Мусин-Пушкин (1735-1804) — генерал-адъютант (1783), вице-президент Военной коллегии (1786), член Совета при Высочайшем дворе (1787).

²⁵ *Горобогатырь Косометович* — комическая опера Висенте Мартиа-и-Солера (1754-1806) по либретто императрицы Екатерины II.

²⁶ Т.е. бездельничая.

²⁷ А.С. Лунин (1785-1789) и М.С. Лунин, сыновья С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой.

ваш верной слуга и друг
Михайло Муравьев.

(Л. 8-8 об.).

<5>

1 февраля 1789 г.

1789 года. Февраля 1 д.<ня>С.<анкт>Петербур.<ург>

Любезные и милые друзья мои братец Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Вы знаете сколько от того зависит наше собственное спокойство. Мы слава богу, в сем приятном и обыкновенном положении, котораго продолжение столь похоже на щастие. Батюшка иногда изволит выезжать к Александру Фёдоровичу²⁸, которой очень часто у нас, так как и теперь. Варинька, милая Варинька²⁹ придаёт приятности нашему обществу. Два дни Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> живёт с нами, которой тебя очень любит и часто вспоминает. Он и Николай Фёдорович³⁰ и Павел Львович <Батюшков>, котораго батюшка на сих днях назад поехал, все вам обеим кланяется. Я задежурил и нынче очень часто. Отсутствие одного из наших товарищей, случайное нездоровье другаго тому причиною. Сие может служить поводом в неисполнении мною приказаний ваших. Кулибин³¹ говорит что ныне он не делает фонарей более. Самой большой, десять лет назад, когда материалы и работники менее стояли, продавался за 170 один. Он думает, что надобно вам той меры, которая продается у него за 25 рублей фонарь и что двенатцати в Ригу с лишком много: по его мнению довольно двух, поставляя один против другаго в длину Риги. Свет откидываемой фонарями простирается в даль. Итак положим с ним к вам об этом отписать. Два фонаря всегда <?> у него в готовности. Книги конечно и конечно выберу и пришлю.

Кажется что лень моя и до вас коснулась. Нет, кто может преодолеть себя и принудить к действию, тот щастливее беднаго ленивца, которой боится чувствования и труда. Мысленно целую ваших маленьких и желаю им всякаго добра. Попечения и обще-

²⁸ А.Ф. Муравьев (ум. 1792) — двоюродный брат М.Н. Муравьева.

²⁹ В.М. Муравьева (в девичестве Мордвинова) (1762-1842) — жена А.Ф. Муравьева. После его смерти вышла замуж за П.М. Полторацкого.

³⁰ Н.Ф. Муравьев — поручик артиллерии, двоюродный брат М.Н. Муравьева.

³¹ И.П. Кулибин (1735-1818), механик-изобретатель; речь идет, видимо, об изобретенном им фонаре-прожекторе с зеркальным отражателем.

ство родителей есть уже величайшее. Здесь многие из армии И.П. Салтыков, <А.В.> Суворов: Князь <Г.А. Потемкин> ожидается каждой день. С сердцем наполненным любви и усердия, препоручаю себя в вашу дружбу
ваш верной и покорной слуга
Михайло Муравьев

(Л. 10-11).

<6>

9 февраля 1789 г.

1789 года Февраля 9 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>
Милостивой Государь Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, от всего моего сердца желаю вам благополучия и здоровья. Недавно был у нас некто из ваших краев, Г.<осподин> Савинской³², имеющей письма Гаврилы Романовича <Державина>к Князю <Г.А. Потемкину>. Прошедшее воскресенье приехал сюда Князь <Г.А. Потемкин>. Множество Генералов от осады Очаковской: многие сказывают и в Москве, так и Петр Михайлович³³. Ваши труды менее славны, но не менее ли вас приятны. Вы не слышите другаго звуку, кроме ударов от цепов. Вы осаждаете прилежно Ригу³⁴. Покорнейше благодарю за приятное приглашение в деревню. Вы знаете, что обстоятельство, которое одно удержать меня может есть продолжение моих уроков. Ныне нас только трое и недавно было двое. Но я не отчаяваюсь в другое время быть в Никольском. Простите моей мнимой ревности к службе или лучше бедному самолюбию. Признаться, я всякой день более чувствую, сколько я не достоин занимаемого мною звания. Разсеяние каждого дни, леность поглощающая моё утро, сколько минут своенравиях и тщетных сожалений, сколько других безпутной резвости, одевань, болтанье, комедии и подобныя сим безделицы, делают меня совершенно бесполезным ни себе ни другим: сверх сего мои частыя дежурства. Я сыскал способ жить никем не знаем в столице и при дворе. Чувствую наперёд, что вы огорчитесь на непослушание моё и извинения. Но ето кажется какая-то необходимость, тех более огорчать которыя более нас любят. Мы все привязаны к таким маленьким интересам. Щастливы те которые посвящают время и

³² М.И. Савинской, секретарь Г.Р. Державина (см.: Державин 1864-1883: 5, 420; Державин 2005: 23).

³³ Вероятно, П.М. Лунин (1759-1822), брат С.М. Лунина.

³⁴ Здесь: хозяйственная постройка.

склонности свои настоящему благу жизни и которые все удовольствия согласуют с добродетелью.

Покрайней мере не будешь иметь разскааний и все скуки и заботы обратятся в удовольствие. Разделить их с любимыми людьми, конечно прибавление щастия. Сожалительно чрезвычайно, что Надежда Никифоровне не в состоянии вас утешить. При сем прилагаем письмо к ней. Дом Фёдора Михайловича³⁵ в печали, которая обязывает ее более остаться у них. Все наши вам кланяются. Василий Васильевич³⁶ вчера у нас ужинал. Он также в Кадрилии³⁷, которую танцуют у Льва Александровича³⁸. Т.И. Тутолмин³⁹ вам кланяется. Желая вам всякаго благополучия навсегда пребуду ваш верной и покорной слуга
Михайло Муравьев
(Л. 12-13).

<7>

15 февраля 1789 г.

1789 года февраля 15 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезныя друзья мои батюшка Сергей Михайлович, душа моя, сестрица Федосья Никитишна! Сегодня обрадованы мы получением вашего милаго писма. Досих пор мы столько должны благодарить Бога за великия и не отменныя его к нам милости. Хотя отдалены друг от друга; мы знаем о благосостоянии нашем и ничего кроме продолжения его, делать не имеем верх благополучия нашего будет, когда щастливое разрешение от бремени успокоит всех нас ожидания. С нашей стороны, ничего кроме усердных желаний представить мы не можем. Но тем более терпеливости, осторожности, великодушия требуется от вас. Сия твёрдость и предание в волю Божию может быть лучшее средство от болезни. Вчерась у нас была Елисавета Фёдоровна в первой раз после родин, которая вам кланяется. Тоже делают все наши родные. У Варвары Михайловны <Муравьевой> меньшей сын занемог было чрезвычайно: сегодня

³⁵ Возможно, Ф.М. Колокольцев (1732-1818) — русский чиновник, крупный землевладелец и откупщик. Муравьев женился на его дочери, Е.Ф. Колокольцевой в 1794 г.

³⁶ В.В. Ханьков (1759-1829) — русский военачальник и дипломат, ближайший друг М.Н. Муравьева. В 1788-1790 гг. участвовал в русско-шведской войне.

³⁷ Кадриль, бальный танец.

³⁸ Л.А. Нарышкин (1733-1799) — обер-шталмейстер.

³⁹ Т.И. Тутолмин (1740-1809) — русский военный и государственный деятель; с 1777 г. — правитель Тверского наместничества.

получше. Иван Матвеевич⁴⁰ сегодня отдыхает от трудов танцевальных, которые имел вчера в маскараде у Льва Александровича <Нарышкина>, где Государыня быть изволила. Он был в числе кадильных кавалеров. 16 мужчин и 8 дам ее составляли. Великолепное, блестящее платье, увитое лаврами. Сегодня были мы с ним в аглинской лавке и смотрели ковры. Аршин стоит по два рубли и более; образцов разных множество. Трудность будет настоять в сыскании случая их доставить; затем что Арбенева⁴¹ обоз уехал. О фонарях я писал к вам: покупать ли или нет? Ивана Афанасьевича здесь давно нет. Сказывают, что Захар Матвеевич <Муравьев> приехал уже в деревню к батюшке своему. Прасковью Матвеевну⁴² также ожидают в ее новокупленную деревню. Вот все наши обстоятельства. Цалюя мысленно вас и маленьких ваших Сашеньку и Мишеньку, с истинным усердием навсегда пребуду ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев

(Л. 14-15).

<8>

22 февраля 1789 г.

1789 года Февр.<аля> 22 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько я вам обязан за все ваши ласки и выражения любви! Вы вменяете мне в достоинство самое предприятие моё писать к вам; хотя письма мои ничего не сказывают любопытного и приятного. Ваши порядочно и постоянно приносят нам несказанное удовольствие. Сколько обрадует нас то, которое возвестит нам прибытие в свет маленького существа и облегчение его виновницы! Зделайте, сударыня, нам ето удовольствие, будьте здоровы, сократите нам добрую и любви достойную барыню, дочь, жену, сестру, мать. Мы не пожалеем титулов, которые вы толь хорошо заслуживаете. Свидетельство тому, что мы будучи горожане, отдаём справедливость экономическим трудам помещика. Нам очень нравится, что хлеб ваш, рожь и крупа ездит в Моршу и привозит за собою новыя и сияющия рубли. Здесь они не так скоро

⁴⁰ И.М. Муравьев ст. — сын М.А. Муравьева мл., квартирмейстер Измайловского полка.

⁴¹ Возможно, И.И. Арбенин (1742-1808) — генерал от инфантерии.

⁴² П.М. Костливецова (Муравьева) (1746-1810) — дочь М.А. Муравьева мл., двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

достаются. Еропкин в отпуску по 1 Апреля. Батюшка просит к себе Вистицкаго⁴³. Что касается до писма сестрицына к Марье Ивановне, оно получено и по надписи доставлено. Я проводил масленицу, день и ночь, по Маскарадам, нельзя веселее. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> с которым во всю Ивановскую рыскали может отдать мне справедливость. Он сам с середины, когда танцевал в великолепной Кадрилии у Льва Александровича <Нарышкина>, и теперь ещё с умом собраться не может. Столько голов и он вскружил и столько вскружена его. Но затем теперь благоговение великаго поста успокаивает воображения наши. Множество знакомых вам кланяются: Измайловские и прочие. Несколько свадеб сыграно. Муханов конногвардейской⁴⁴ с Веригиною⁴⁵, Похвиснев Ф.И.⁴⁶ с Татищевой Рост.<ислава>Ев.<графовича>⁴⁷ дочерью. Наш Захар Матвеевич <Муравьев> был уже у батюшки своего⁴⁸, как сказывают сегодня приехавший с фамилиею Назар Степанович⁴⁹. Впрочем мы все здоровы и благополучны. Препоручая себя в дружбу вашу навсегда пребываю
ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев

(Л. 16-17).

<9>

1 марта 1789 г.

1789 года. Марта 1 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Величайшее удовольствие приносит нам ваши милые писма; особливо прекрасное последнее, в котором сердце прекрасной и умной женщины, нежной матери, столь вы-

⁴³ Возможно, имеется в виду Иван Степанович Вистицкий, в 1789 г. поручик (Месяцеслов 1789: 199); в месяцесловах уп. с 1780 г. (Степанов 2003: 121).

⁴⁴ И.И. Муханов (1753-1833) — в дальнейшем действительный статский советник.

⁴⁵ М.А. Веригина.

⁴⁶ Ф.И. Похвиснев (1755-1813) — офицер (дослужился до полковника) и чиновник (в 1801 г. вышел в отставку действительным статским советником).

⁴⁷ Р.Е. Татищев (1742-1820) — крупный землевладелец, прокурор в Берг-коллегии. Его дочь — А.Р. Татищева, наследница имения Константиново.

⁴⁸ М.А. Муравьев мл. — отец З.М. Муравьева и дядя М.Н. Муравьева.

⁴⁹ Назар (Назарий) С. Муравьев (1737-1806), новгородский помещик и государственный деятель; его жена — Марфа Казарина (Казаринова), сын — Михаил Назарьевич (1775-1845), губернатор Новгородской губернии (1814-1818).

годно себя изобразило. Маленькой Советник Посольства⁵⁰ отменно тронут и обращенною к нему речью и тоном письма. Его нет теперь: франтит по городу. Дома бредит Бюффоном⁵¹, Жан-Жаком⁵², Робертсоном⁵³. В вечеру учит нас петь трио или слушает повести Очаковской осады нашего доброго витязя Захара Матвеевича <Муравьева> которой приехал к нам в пятницу на первой неделе и вам кланяется усерднейше. Николай Фёдорович <Муравьев> бывает у нас почти всякой вечер. Из сего описания вы видите что состояние наше не без приятности. Сколько удовольствия к нему прибавится когда щастливое известие о желаемом разрешении подтвердит благополучие наше! Попечение о делах своих, приятныя обстоятельства, здоровье, дружество, воспитание маленьких, ето кажется совершеннейший округ благополучия. Будет время что рассеяния и более сияющия забавы последуют сему необходимому времени уединения. Меня сии забавы не имеют таинства привлечь; но совершенная леность и беспечность. Для приятелей моих я все равно, что отсутствен. Великой всадник, придворной неизвестной, я провожу жизнь свою в Тулупе; очень похоже на то, как я был Сержантом в полку, выкличая стихотворства. Я помешался теперь на учительстве, на истории, нравоучении и почти философии. Все мои ученичества во франтовстве выходят не успешны и приходят уже по неволе лета постоянства. Но пишучи таким образом, я занимаю вас только самим собою. А я имел благодарить вас за приятнейшия для меня чувствования и уверять о моих, которых вы знаете истину и усердие. Поцалуйте много раз за меня милых ваших Сашеньку и Мишеньку. Будьте здоровы и любите вашего вернаго друга и слугу
Михайлу Муравьева

(Л. 18-19).

<10>

Март 1789 г.

1789 года Марта <день не указан>дня. С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна, от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Мы слава богу здоровы. Батюшка изво-

⁵⁰ Вероятно, И.М. Муравьев мл.

⁵¹ Ж.-Л. Леклерк, граф де Бюффон (1707-1788) — французский ученый и писатель.

⁵² Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) — французский писатель и философ.

⁵³ У. Робертсон (1721-1793) — шотландский историк.

лит говеть. Я не могу пользоваться сим случаем, будучи через день обязан дежурством: так как и сие пишу не дома. С нетерпением ожидаем известий ваших. Дай бог, чтоб ожидаемое приключение, умножив милое семейство, не разстроило здоровье матери. Дай бог, чтоб она утешалась день ото дня более возвращением своих маленьких. Пожив в деревне и уединении для их добра и своего собственного, с большим ещё удовольствием приедете в город посмотреть родню и приятелей, которых вы столько любите и которые вас очень любят. Это кажется сокращение благополучия на Земле. А мы между тем живём в большем обществе и тратим время своё довольно щедро. Иван Матвеевич <Муравьев мл.>всякой день выезжает, я всякой день сижу дома. Захар Матвеевич <Муравьев>возвратившись из одного похода собирается в другой. К нам приехали из Кабони⁵⁴Иван Матвеевич⁵⁵ и Палагея Григорьевна. У нас часто музыка, карты, чтения. Но у вас скорее и ближе и лучше весна, которой мы и прихода не предвидим. Вы более и живее чувствуете, нежели я воображаю удовольствие тихой, сельской жизни, в прекрасном климате, под тенью рощи и прочее и прочее. Мечтание одно нас забавляет: чтож самое дело? Но я бы хотел быть лучше огородником, владельцем маленькой полосы, нежели помещиком. Деревня требует попечений и во время страды не можно провести целого дня ничего не делаячи. Поцалуйте за меня милых детишек ваших, будьте здоровы, веселы и не переставайте любить вашего верного друга и слугу Михайлу Муравьева

(Л. 20-21).

<11>

22 марта 1789 г.

1789 года Марта 22 д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Из глубины сердца моего желаю вам всякаго благополучия. Ваша собственная нежность может измерить усердие и горячность моих желаний. Сколько щастливья, ежели благополучное разрешение особы любимой нами для толь многих причин разсеет опасения наши! Все мои мысли заняты и удержаны ею одною. С нетерпением ожидаю воскресенья и хочет-

⁵⁴ Возможно, речь о деревне Кобона, которая принадлежала графине Е.А. Мухиной-Пушкиной.

⁵⁵ И.М. Муравьев ст. (1762-1851) — сын М.А. Муравьева мл.

ся надеяться, что оно наградит нас недостаток писем прошедшаго. Что касается до нас, мы слава богу здоровы. Все знакомые ваши вас любят и кланяются вам. На сих днях приехала из Казани Прасковья Матвеевна <Муравьева> для отдачи сына своего в Корпус, которого и повёз в Кронштадт Захар Матвеевич <Муравьев>. Наш Очаковской служивой нашёл себе в Приказе Ангальта⁵⁶ такова покровителя и друга, которой всем его хвалит, рекомендует и неотменно хочет дать ему свидетельства о его храбрости и службе. Прасковья Матвеевна просит вам засвидетельствовать своё усердие и почтение. Она пристала у Катерины Петровны Чичаговой⁵⁷. Василий Яковлевич⁵⁸ в тоже время приехал из Ревеля, откуда он командует целым флотом. Зима у нас продолжается. Петр Семёнович Муравьев⁵⁹, которой долго жил в Москве, сюда на сих днях приехал. У нас здесь полное собрание фамилии. Часто по вечерам играют в рокамболь. Иван Матвеевич <Муравьевмл.> проигрывает <нрзб> на распев или сочиняет музыку прекрасных куплетов. Недавно был большой Иван Матвеевич⁶⁰ с Палагеею Григорьевною, которые вам кланяются. Что касается до меня мои два дни отдохновения пролетают как молния, думаю чтонибудь делать, ничего неделаю и стараюсь от лени и безделья. Вчерась у нас был Василий Васильевич <Ханыков>, также добр и весел, как обыкновенно. Цалую мысленно вас и милых детушек ваших. Желаю чтоб они вам служили всегда новым утешением. Прощайте. От всего моего сердца обнимаю вас моих милых
ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев

(Л. 21а-22)

<12>

30 марта 1789 г.

1789 года Марта 30 д.<ня>С.<анкт>П.<етербург>

⁵⁶ Имеется в виду гр. Федор Евстафьевич (Астафьевич) Ангальт (1732-1794), генерал-поручик, в 1789 г. начальник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, шеф егерского корпуса и Ее Имп. Величества генерал-адъютант. “В приказе” — здесь: при дворе.

⁵⁷ Вероятно, жена В.Я. Чичагова.

⁵⁸ В.Я. Чичагов (1726-1809), адмирал.

⁵⁹ Возможно, П.С. Муравьев (1764-1836) — коннозаводчик, в молодости служил в гвардии.

⁶⁰ И.М. Муравьев ст. — сын М.А. Муравьева мл.

Милостивой Государь мой Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Я спешу вас поздравить с общею нашею радостью, с возстановлением здоровья милой родительницы и со умножением семейства маленьким Никитушкою⁶¹. Я приехал очень поздно с дежурства и сомневался, чтоб письмо моё приняли на вчерашнюю почту. С прошедшею ямскою почтою успели мы уже вас поздравить и послали вам три коврика Аглинских для образцов. Желаю вам моим любезным друзьям и вашим милым крошкам Сашеньке, Мишеньке и Никитушке всякаго благополучия. Пребуду навсегда от всего моего сердца
ваш верной слуга и друг
Михайло Муравьев

(Л. 23-23 об.)

<13>

5 апреля 1789 г.

1789 года Апреля 5 дня. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Последнее письмо ваше вместе поразило нас овершением воли Божией и порадовало надеждою спасения здоровья милой Федосьи Никитишны⁶². Дай Бог, чтоб надежда сия была не обманчива, чтоб провидение нашло сердце нежной матери уготовано к принятию с терпеливостию определений ея строгих и необходимых. Все защищение, все убежище человека в повиновении. Все прочия средства бесполезны и пагубны. Щедрая воля Божия не отменяется и в самом поражении нашем. Она приводит нас к настоящим благам нашим, которыя не заключаются в жизни сей непостоянной и суетной. Зачем отказывать себе лучшее утешение добродетели, твёрдость и непоколебимое упование на Бога? И чем докажем мы Существо вышнему признание долга нашего, как не сими жертвованиями, которыя столь болезненны сердцу? Самая печаль, самыя слезы могут иметь свою приятность когда оне умеренны разумом и посвящены верою. Ею покровительствуется невинность младенцов, спасённая от опасностей и печалей. Она не забывает страданий и попечений родительницы. Оне суть титлы, заслуживающия ей небесное благоволение. Сколь удобно разум и человеческая добродетель сохраня-

⁶¹ Н.С. Лунин (1789-1805) — сын С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой.

⁶² Далее Муравьев пытался утешить сестру, которая лишилась своего сына А.С. Лунина.

ются со внушениями веры! Даны от рождения вождями человеку, они безперестанно возвращают человека к благополучию. Ежели участие друзей наших и кровных не должно быть отвержено, сколько причин к великодушию! Я знаю чьё оно составляет одно утешение. Столь малонадёжно наслаждение лучших благ наших, что потеря их повсюду кругом нас почти ежедневна. Нет ни одного сердца, которое не чувствовало бы самых болезненных ударов. С месяц назад Варвара Михайловна <Муравьева> лишилась своего второго сына, почти скоропостижно. Она была чрезвычайно тронута. Сколь велико должно быть наше, если чувствительность нашей милой Фешиньки погубит её здоровье. Прося усерднейше Бога о сохранении онаго и утешении вас обоих, с истинною любовью пребываю,
ваш верной брат и друг
Михайло Муравьев

(Л. 25-26).

<14>

12 апреля 1789 г.

1789 года Апреля 12 д. <ня> С. <анкт> Пет. <ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Печаль наша облегчена сегодня желаемым получением приятнаго письма вашего. Все наши надежды возвратились. Тем больше наше обрадование и благодарность вышнему, чем ужасные были страхи наши. Все утешения от того, которой ниспосылает нам огорчения. Ему приписать должно лучшие наши намерения, крепость, великодушие, каждое мгновение жизни. Ему приписываем мы почти возвращение любви достойной нашей Фешиньки. Все знакомые, все посторонние приняли равное с нами участие в сокрушении её и опасности. Не было человека, которой не желал ей помощи Божией. Ежели любовь и почтение людей делают жизнь нашу приятною; сколько причин сохранить здоровье, нежное само собою! Исключая одно величайшее несчастье, сколько впрочем причин благодарности! Домашнее благополучие, заключающее все другия, вы увеличили его взаимною дружбою, укреплением друг друга; способы, которых несчастье преодолеть не может. Человеку не было предоставлено щастие чистое и безмятежное, покуда на земле. Рано или поздно, всем должно уничтожить сердце своё перед необходимостью. Но каждой имеет убежище в добродетели своей, сокровище никогда не отъ-

емлемое. Самою чувствительностию должен управлять разумок. Книги надеюсь сегоднине выбрать и завязав послать на первой тяжёлой почте. Разстояние немножко далеко и посылка моя не так скоро поспеет, как бы хотел я. У нас весна настаёт или настала. Жильцы наши поразъехались во своясы. Захар Матвеевич <Муравьев>к сестре; Иван Матвеевич <Муравьев>к батюшке. Первому надобно бы было здесь быть, потому что рота его, которой Капитан Николай Фёдорович <Муравьев>сегодни или завтра выступает в выборг. Гвардия так же по одному баталиону. Ханыкову хочется ехать в Екатеринославскую армию. Он вам усерднейше кланяется. Я также скоро меняю город на Царское село. Сказывают, что поедут 17 число. Цалуя вас мысленно навсегда пребываю с усердием ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев

(Л. 27-28).

<15>

19 апреля 1789 г.

1789 года Апреля 19 дня. С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Отраднейшее прежних письмо ваше с Планом мы получили. Можно легко себе представить все приятности надежды, которое заступило место печали в сердце нашем. Все наши желания в том чтоб утешил вас Бог всеми радостями спокойствия, взаимной любви, великодушия, которыя он один вливает в сердце человеческое. Архитектор взял ваше начертание и обещал зделать план согласно с желаниями вашими; но обременён будучи делами не взялся доставить его к сей почте. Будущую я надеюсь вам его доставит. Венецианских окон он не одобряет в доме об одном жильё. Ему кажется необходимо для красоты и здоровья возвысить дом на несколько от земли. В воскресенье 15 числа Государыня изволила раздавать Очаковским ордена Георгиевские и владимирские. Получили 120 человек. Байков⁶³, Сытин⁶⁴ третьего⁶⁵. Князь Сергей Фёдорович Голицын⁶⁶ бриллиантовую шпагу, то-

⁶³ В.С. Байков (?-1790), бригадир м секунд-майор Преображенского полка; за участие в штурме награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

⁶⁴ П.П. Сытин (?-1790), полковник; за участие в штурме награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

⁶⁵ Т.е. орден Св. Георгия третьего класса.

же Репнин⁶⁷ и Долгорукой⁶⁸. Меллер⁶⁹ второй Георгиевской⁷⁰ и Андрея⁷¹. Князь Г.А. <Потемкин> повелительной жезл фельдмаршальской, похвальное письмо и сто тысяч рублей. Николай Михайлович Мордвинов⁷² владимирской четвертаго класса⁷³ с бантиком из тойже ленты выше креста. Субалтерным офицерам дана будет сказывают медаль золотая на Георгиевской ленте и сокращения положенных лет к заслуге Георгия тремя годами. Наши Захар Матвеевич <Муравьев> и Николай Фёдорович <Муравьев> выступили в Выборг. Александр Фёдорович <Муравьев> пожалован в Подполковники. Генеральская перемена. Вот сколько новостей я мог теперь упомнить. Сегодня у нас прошла река. Погода стоит почти через день, то ясная, то сырая. Двор ещё здесь и когда поедут в Царское неизвестно. Вадковской женится на Чернышевой⁷⁴. Пора положить предел моей болтливости и уверить вас в тысячной раз, что я пребуду со всею любовью и усердием
ваш верной брат и друг
Михайло Муравьев

(Л. 29-30).

<16>

2 мая 1789 г.

1789 года. Маия 2 д. <ня> С. <анкт> Пет. <ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца всякаго благополучия и удовольствия. Мы давно не были утешены получением ваших писем. Две почты прошли без известий. Здоро-

⁶⁶ С.Ф. Голицын (1749-1810), князь, генерал от инфантерии; упомянут в оде Державина "Осень во время осады Очакова" (1788).

⁶⁷ Н.В. Репнин (1734-1801), генерал-фельдмаршал; при штурме Очакова командовал правым флангом и центром армии.

⁶⁸ В.В. Долгоруков (1752-1812), князь, генерал-поручик; при штурме Очакова возглавил третью и четвертую колонны, наступавшие на правом фланге.

⁶⁹ И.И. Меллер-Закомельский (1725-1790) — русский военачальник. В 1789 г. — генерал-аншеф артиллерии Екатеринославской армии, по его плану велась осада и штурм Очакова.

⁷⁰ Т.е. орден Св. Георгия второго класса.

⁷¹ Т.е. орден Св. Андрея Первозванного.

⁷² Н.М. Мордвинов (1768-1844), полковник.

⁷³ Т.е. орден Св. Владимира 4-й степени.

⁷⁴ Ф.Ф. Вадковский (1756-1806) — русский государственный деятель; 2 сентября 1789 г. женился на графине Е.И. Чернышевой (1766-1830), старшей дочери фельдмаршала графа И.Г. Чернышева.

вы ли вы? Вспомните, что имея попечение о себе, вы делаете удовольствие вашим отдаленным друзьям. Я теперь только из Сарскаго села, куда 28 число прошедшаго двор переехал. Помните как я прискакал на рыцарском коне своём прошедший год к дорогой своей племяннице, которую усерднейше поздравляю. Мы посылаем План дома. Михайло Николаевич с особливым удовольствием принял на себя труд сей. Желая, что бы он согласен был с намерениями вашими. Здесь мы имели уже несколько дней прекраснаго времени. Третьяго дня утро зноя было последовано вечером громовой погоды. Но вчерась порошил снег и холод не умягчается. К вам климаты весны ближе и ежели не лгут что сельская жизнь делает щастливых, я почитаю вас не далеко от щастия, которое должно быть воздаянием добродетели и дружбы. Пишите к нам, заставьте нас вообразать, в недостатке наслаждения, ваши полезные труды, ваше приятное отдохновение. Вы обещали прислать деньги для заплаты долгов. Батюшку беспокоит Чернов⁷⁵. Отдалённость мест и долговременность переписки затрудняют ещё более сии зделки. Впрочем цалуя вас мысленно и препоручая себя в неотменную вашу дружбу и любовь, есмь навсегда ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев

(Л. 33-34).

<17>

10 мая 1789 г.

1789 года Маия 10 дня. С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Я теперь только приехал из Сарскаго села: письмо батюшкино было уже отправлено. Так я вам пишу особливо. Сколько бы я щастлив был, если бы письмо сие застало вас утешенных ожидаемым выздоровлением вашего маленькаго. Жизнь наша такое смешение удовольствий и прискорбий, что одного от другаго никак отделить не можно. Хочешь или нет, надобно повиноваться тому которой и нас самих из небытия вынял. Всякое сопротивление бесполезно. Сколько великодушие тех похвально и спокойно, которые без роптания последуют провидения. Вы мне позволили употреблять во зло терпение ваше моими бредня-

⁷⁵ Возможно, И.К. Чернов; в 1789 г. был секунд-майором, исправником нижнего земского суда в Усмани (Тамбовское наместничество) (Месяцослов 1789: 207).

ми. Я очень чувствую, что трудно дать совет, котораго бы вы не дали сами себе прежде. Наша любовь пусть будет в глазах ваших лучшим увещанием и боязнь оскорбить нас чувствительнейшим образом пусть служит всегдашним увещанием. Разсеяния, ежели не столь шумныя как в городе, по крайней мере не менее приятныя деревенской жизни, столь близки к наслаждению щастия. Великолепное, свежее утро, лесок, журчащая речка: я воображаю что все это лучше у вас, нежели в окрестностях Петербурга. Однако и у нас довольно хорошая весна. Тунеядцы, каков я, могут устать до смерти гуляючи. Другие скачут на войну. С неделю назад поехал в Кременчук Князь Г.А. <Потемкин> В Молдавии мы выиграли большую баталию. Пашу в полон взяли⁷⁶. Оказавшийся на сем подвиге Полковник Римской-Корсаков пожалован в Майоры в Лейб Гвардию⁷⁷. Прежде того Байков пожалован в Майоры в Преображенской полк⁷⁸. Из Гвардии выпущены в Полковники Гагарин⁷⁹, Головин⁸⁰, Козлов⁸¹, Митусов⁸², Волконской⁸³, Текутьев⁸⁴, Графстой⁸⁵, Оболдуев⁸⁶, Муханов⁸⁷. Есть также подполковники. Катерина

⁷⁶ Речь идет о сражении 20 апреля 1789 г. при Галаце, в ходе которого турецкие войска были разбиты, а Ибрагим-Паша, командовавший ими попал в плен.

⁷⁷ А.М. Римский-Корсаков (1753-1840) — русский военачальник и государственный деятель. В 1789 г. Екатерина II наградила его чином бригадира, орденом Св. Георгия 4-й степени и званием секунд-майора лейб-гвардии Конногвардейского полка.

⁷⁸ В.С. Байков (?-1790) — русский военачальник. В 1789 г. был пожалован в бригадиры и секунд-майоры лейб-гвардии Преображенского полка.

⁷⁹ Возможно, Ф.С. Гагарин (1757-1794) — полковник Московского гренадерского полка, участник второй русско-турецкой войны.

⁸⁰ Н.Н. Головин (1756-1821) — русский военный и государственный деятель. Во время русско-турецкой войны служил в армии Г.А. Потемкина, участвовал в осаде Килии. В 1789 г. был пожалован в полковники.

⁸¹ Возможно, Ф.Ф. Козлов — в 1789 г. полковник Херсонского пехотного полка.

⁸² В.П. Митусов (1754-1821) — русский военный и государственный деятель. До 1789 г. — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, в 1789 г. был переведен в армию полковником.

⁸³ Вероятно. кн. Н.С. Волконский (1757-1821), в 1790 г. полковник Херсонского гренадерского полка.

⁸⁴ Вероятно, Николай Григорьевич Текутьев (Текушьев), бригадир (1790), генерал-майор (1793), на службе с 1761 г.

⁸⁵ Вероятно, гр. А.И. Остерман-Толстой (1770 или 1772-1857).

⁸⁶ Вероятно, Н.А. Оболдуев. В 1789 г. состоял ротмистром конногвардейского полка (Месяцеслов 1789: 17); в дальнейшем в месяцесловах не фигурирует (Степанов 2003: 451).

⁸⁷ А.И. Муханов (1753-1832) — русский военачальник. Герой русско-турецкой войны 1787-1792 гг.

Яковлевна<Державина>здесь давно; и я по глупости своей не удосужился ее видеть. От Зайцева сегодня слышал, будто в Москве его правят и дело к заключению шло; да получено повеление решить в скорости дело Поливанова⁸⁸. Впрочем прося вас о продолжении драгоценной дружбы вашей навсегда пребуду ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(Л. 35-36).

<18>

24 мая 1789 г.

(37)1789 года Маия 24 дня. С.<анкт>Петерб.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Благодарю вас от всего моего сердца за милые ваши писания и еще более за снизхождение и терпеливость, с которою вы принимаете все мои неисправности. Предан настоящей минуте, я безперестанно ищу удовольствий, приятностей, щастия; может быть не там, где надобно. Разум мой управляется своенравиями воображения. Я иногда сказываю нравоучения — другим. Одно из теперешних моих дурачеств верховая езда; хотя я в ней очень далеко

НВ. врет; очень хорошо ездит от посредственного искусства. Упражнение мне нравится само собою. Оно служит поводом ничего не делать. Вы напротив того отягощены трудами. Обеим нам можно советовать умеренность. Вам сладкой покой, мне немножко более дела. Но более всего умеренности чувствительности, приятные сны надежды, удовольствие добро делать, помогать бедным, покупать себе щастие облегчая судьбу других. И более иметь попечение о здоровье, которое заставляет лучше чувствовать все другия приятности жизни.

Доставлять себе желание пищи здоровой и сладкой движением и утро и вечер, гуляя в тени рощи, на солнце, купаясь, езда на дрожках и для чего неверхом, на какойнибудь земледельческой кляче, более нежели на Аргомаке Рицарском. Иван Матвеевич

⁸⁸ Речь идет о последствиях доносов на Державина саратовского губернатора И.И. Поливанова (1746-1786), который сам оказался под подозрением, был прощен Екатериной II, но дело его тянулось некоторое время после его смерти; В.А. Зайцев хорошо знал всю подоплеку этих событий и стремился помочь Державину (см., в частности: Державин 1864-1883: 5, 582-584; 7, 708; 8, 559 и др.); основной причиной снятия Державина с должности тамбовского губернатора был его конфликт с И.В. Гудовичем (1741-1820), генерал-губернатором рязанского и тамбовского наместничеств.

<Муравьев>сегодня едет на Полоса, пользоваться всеми прелестями Новгородского климата. У нас прекрасные дни. Ожидаем дождя, давно и тщетно. Я теперь только объехал оба лагеря Семёновской и Измайловской на их парадных местах. Еще по Баталиону выведено. Может быть на Галеры. И.И. Кушелев⁸⁹ поведет их. Три Ескадрона конной Гвардии пойдут с новым их Маиором Римским-Корсаковым, которой столько отличился в баталии, выигранной Генералом Дерфелденем⁹⁰ в Молдавии. Павел Львович⁹¹ командирован. Вчерась в комедии видел я Мавру Ивановну⁹², которая с неделю и на неделе только приехала сюда. С неописанным участием распрашивала меня о вас. Просила, заклинала вам кланяться, уверить о своей неперемной дружбе. Жалуется, что вы к ней не пишете. Т.И. Тутолмина⁹³ сын⁹⁴ пожалован в офицеры Гвардии. Наши Николай Ф.<едорович><Муравьев>и Захар М.<атвеевич><Муравьев>в Выборге. Александр Фёдорович <Муравьев> членом в Артилл. Канцелярии⁹⁵. Об Агличанке я уведомил вас, что Самборской⁹⁶ ожидает к себе сие лето четырех, в котором числе одна для вас. Желаю вам всякаго благополучия, с истинною любовию пребуду ваш друг и слуга
(Л. 37-38 об.).

<19>

31 мая 1789 г.

⁸⁹ И.И. Кушелев (1751-1817) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. — бригадир лейб-гвардии Измайловского полка; во время войны со Швецией был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

⁹⁰ В.Х. Дерфельден (1735-1819) — русский военачальник. Во время русско-турецкой войны исполнял обязанности командира 'Украинской' армии Румянцева.

⁹¹ П.Л. Батюшков (1765-1848) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. — прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка. Участвовал в военных действиях против шведов. Дядя К.Н. Батюшкова.

⁹² Возможно, М.И. Приклонская (урожденная Булгакова) (?-1825), сестра дипломата Я.И. Булгакова (1743-1809).

⁹³ Т.И. Тутолмин (1740-1809) — архангельский и олонекский генерал-губернатор (с 1784 г.), в 1788 г. организовал крестьянское ополчение, принимавшее участие в русско-шведской войне.

⁹⁴ А.Т. Тутолмин (1770-1823), в 1789 г. именованным указом пожалован в прапорщики.

⁹⁵ Т.е. в Канцелярии главной артиллерии и фортификации.

⁹⁶ А.А. Самборский (1732-1815) — церковный деятель, землевладелец. Муравьев через него пытался найти гувернантку англичанку для Ф.Н. Муравьевой. Самборский мог помочь, в частности, потому, что долгое время служил в Англии и был женат на Е. Филдинг

(39) 1789 года Маия 31 д. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Благодарю вас и за писания и за подарок, которым милой друг мой препровождает письмо свое. Мне было дарить дорогую именинницу. Но привязан только к своим собственным удовольствиям, я не имею щастливаго искусства возбуждать нежность друзей моих приятными услугами и попечениями. Виниться, все ли равно что исправляться? Надежда на снижение ваше и ветренность, которая видно не совсем еще из головы исчезла, делают исправление мое медленным.

Батюшка вчера еще изволил исполнить поручение ваше. Оно было и послано на почту; но почта ушла. Дело отложено до субботы. О хлебе Аглинском я буду стараться. Об Агличанке ожидаю ответа от Самборскаго. Вчера препроводил я вечер до полуночи на Галерной пристани. Гвардии три баталиона садились на Галеры. В 4 часа утра отвалили они сегодня. Сколько зрителей! сколько плачущих жен, матерей, сестер, зачиная с Маиорши Кушелевой! Наш Павел Львович <Батюшков>приказал засвидетельствовать свое усерднейшее почтение вам. Теперь он несётся по морю.

Я скитаюсь из Царскаго в город, из города в Царское, очень занят своею праздностию. Дни у нас очень хорошие. Батюшка изволил на сих днях ехать в Кабони к Ивану Матвеевичу большому <Муравьеву>. А маленькой ускакал на Полоса. Захар М.<атвеевич> <Муравьев>и Николай Ф.<едорович> <Муравьев> вам кланяются из Выборга, где они муштруют свою роту. Александр Ф.<едорович><Муравьев>торгует деревню у Князя Мышецкаго⁹⁷, которому продает свой дом. Вот наши новости. Я теперь еду в Трагедию *Adelaide du Guesclin*⁹⁸. Впрочем цалую вас мысленно навсегда пребуду

ваш верной друг и слуга

Михайло Муравьев

(Л. 39-40).

<20>

7 июня 1789 г.

1789 года Июня 7 С.<анкт>Петер.<бург>

⁹⁷ Возможно, имеется в виду И.С. Мышецкий (1765-после 1814).

⁹⁸ *Аделаида Дюгеклен* — пьеса Вольтера (1734 г.).

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Сколько должен я благодарить вас обеих за приятныя ласки ваши! Вы уверены, что я их и чувствую и люблю вас от всего моего сердца. Легкомыслия мои, неисправности все вы приемлете заблаго снизхождением вашим. Я часто недоволен согласен сам с собою. Всякому надобно упражнение. Я бываю вместе и празден и очень занят. Веселье кажется большее мое упражнение. Привычка ездить в город, делает что я не могу остепениться в Царском селе, безперестанно переезжая. Зделался странствующим Рицарем. Самборской обещает скоро Агличанку. Он уговаривает одну. Но он не живет в Царском. Ето причина, что я его редко вижу. От Зайцова слышал я что дело Гаврилы Романовича в пользу его решится. Вы знаете отправление Галер. Михельсон⁹⁹ имел выгодное дело и вступил в Швецию. Вас более трогает теперь дождь и ведро, нежели походы Генералов. Вместо орудий, вам надобны цепи и серпы и косы. Я мало знаю в земледелии, но благорастворением воздуха столькоже пользуюсь как вы. Но я ожидаю видеть вас обеих с запасом здоровья, с хорошим аппетитом. Разве можно гденибудь лучше спать, нежели у вас. Вспомните Берново¹⁰⁰. Ежели я буду иметь село, спальня будет очень спокойна, очень темна. Но я не позабуду столовой. Желая вам всякаго благополучия и прося поцаловать детушек остаюсь навсегда ваш верной друг

Михайло Муравьев
(Л. 41-42).

<21>

13 июня 1789 г.

1789 года Июня 13 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна, желаю вам и с любимыми детушками всякаго благополучия. Мы слава богу здоровы и имеем удовольствие получать ваши приятныя письма. Я сегодня прискакал в обед из Царскаго села и нашел нечаянно за столом у батюшки сестрицу Праско-

⁹⁹ И.И. Михельсон (1740-1807) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны 1788-1789 г. Командовал корпусом в армии генерала В.П. Мусина-Пушкина.

¹⁰⁰ Берново — усадьба в Тверской губернии, принадлежало И.П. Вульфу, женатому на А. Ф. Вульф, двоюродной сестре Муравьева. Муравьев описал Берново в *Эмилиевых письмах*.

вью Матвеевну <Муравьеву>с детьми и Александра Фёдоровича <Муравьева>с Варварою Михайловною <Муравьевой>. Сии последние купили у Князя Мышецкого деревню возле Исакова а дом свой ему продали. Прасковья Матвеевна<Муравьева>собирается к Ивану Матвеевичу<Муравьеву ст.> на Канал и батюшка намеряется вместе ехать дней на пять. Мне так надобно сегодня же назад возвратиться, чтоб быть дежурным завтра. Я веду совершенно казачью жизнь, хотя и не в степях ваших. Тоже зрелище как у вас, жатва которую ветерок клонит. Земля ожидающая дождя. Сегодня опускается было начал, но небыло большего, такова как вы желаете. Мы слышим здесь известия военные. Михельсон со стороны Вильманштранда вышел в Швецию, взял городок Св. Михаила где были большия магазины пороха и провианта. Наши Николай Ф.<едорович Муравьев> и Захар М.<атвеевич Муравьев> в ту же сторону отправляются. Шведской флот сказывают убегает нашего. Н.А. Татищев¹⁰¹ поехал в Финляндию сменить Арбенева а Арбениев сменит Кушелева¹⁰². Самборской хотел мне дать ответ согласится ли Агличанка в деревню ехать. Я с ним говорил о хлебе. Он не знает здесь выписанного; но выписать имеет способы. Впрочем прося Бога о сохранении здоровья вашего с истинным усердием навсегда пребуду
ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(Л. 43-44).

<22>

26 июня 1789 г.

1789 года Июня 26 д.<ня>Сарское Село.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желая от всего моего сердца вам всякаго благополучия, более всего здоровья. В вашем мнимом уединении, сколько упражнений! Детушки, економия, теперь сенокос, а скоро жатва, дом, сад: всего етого заключение, что вам некогда скучать. Тому только скучно кому нечего делать. Может быть и

¹⁰¹ Н.А. Татищев (1739-1823) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны командовал сводным отрядом лейб-гвардейских полков. Совершил поход в Швецию через Финляндию. Был награжден орденом Св. Анны I степени. ч

¹⁰² И.И. Кушелев (1751-1817) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны — бригадир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1789 г. был награжден орденом Св. Георгия III степени.

земледелец щастлив, которой на себя пашет или делится с добрым и попечительным помещиком. Здоровье, сказывают, живет в деревне; особливо в вашем Тамбовском воздухе. Здесь какое жаркое лето! чтож у вас? Я угадываю покрой вашего платья, по охоте, которую имею сам носить такоеже. Прошедшую неделю я не пудрил-ся живучи в Кабони. Ето путешествие причиною, что я пропустил почту писать к вам и сегодня пишу вперед, во вторник для четверга. Мои отсутствия тому виною. Я не могу быть в городе так часто, как желал бы. Наше общество весьма умалилось отбытием наших служивых. Один Александр Фёдорович <Муравьев>остался нам. Варинька <В.М. Муравьева>тяжела. Они дом свой промытарили и нанимают другой. Захарушка<З.М. Муравьев>теперь прикомандирован к Гвардии и разлучен с Николушкою <Н.Ф. Муравьевым>. Между тем как они воюют, я забавляюся выпоражнивать кофейники и ничего не делать. В Агличанах мы нещастливы. Самборской не мог уговорить ехать в Тамбов той, которая у него теперь. Он двух ожидает; но будет ли прок, не известно. Вот все что вспомнил, написал. Будьте здоровы и веселы, поцалуйте за меня ваших маленьких и не переставайте любить вашего вернаго друга Михайлу Муравьева
(Л. 45-46)

<23>

4 июля 1789 г.

1789 года Июля 4 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам всякаго здоровья и благополучия. Батюшка изволит ездить в Сенат. Я делаю побегии из Царскаго села. Лето для меня время самое пустое и рассеянное. Никакова предприятия порядочнаго и постоянного. Я пользуюся сельскою жизнью по неволе. Вы в ней находите пользу и удовольствие. Завтре, например, я представляю себе, что помещик Никольскаго празднует весело свое рождение и именины, с которыми усерднейше его поздравляю. Я желаю чтоб добрая и чувствительная жена его подарила именинника сокровищем самым драгоценным, надеждою щастия, весельем, утешением; чтоб Мишинька мог поздравить батюшку словом или другим и Никитушка разсмеялся. О наших подвигах я мало что знаю. Служивые наши под Давыдовым. Захарушка <З.М. Муравьев> с Гвардиєю в Лагере за 14 вёрст за городом. Галеры за Фридрихс Гамом. Швед-

ския, сказывают, от них ретировались. Из здешних новостей свадьба Графа Мамонова с Княжною Щербатовою фрейлиною бывшая¹⁰³ 1 Июля. Но я разболтался; а мне пора ехать. Прощайте. (Л. 47-47 об.).

<24>

12 июля 1789 г.

1789 года Июля 12 д.<ня>Сарское.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца здоровья и благополучия. Нынешнее лето разве тем перещеголять нас можете, что ближе видите все подробности сельской жизни и что сами вы участвуете в благах и пользе, которая она производит. Кроме того и у нас щастливейшее благорастворение. Профессор Епинус¹⁰⁴ из тридцати лет приметил только три отменныя лето и треть в счете его нынешнее.

Имеете ли вы удовольствие купаться так как я? Это особенное обыкновение южных жителей. Есть острова, в которых купанье составляет не меньше ежедневное и важное упражнение, как обед. Ваша *Ворона* или как иначе зовут вашу речку имеет ли прозрачную воду и песчаную постель? Наш страстной купальщик Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> хочет оставить спокойствие сельской и гражданской жизни на опасности и труды военные. Соревнование славы на него напало. Пишет с Полос своих о переводе в армию. Я без всякаго размышления последую судьбе своей. Теперь только от обеда, ложусь спать и выпив свой Кофе, пойду в театр, ежели пустят, где дают сегодня *Горе Богатырь оперу*¹⁰⁵. Прощайте целую вас мысленно и прошу поцаловать за меня малиньких ваших. Вчера был доклад о Гавриле Романовиче<Державине> и Государыня из-

¹⁰³ Речь о свадьбе А.М. Дмитриева-Мамонова (1758-1803), одного из фаворитов Екатерины II, с фрейлиной Д.Ф. Щербатовой (1762-1801).

¹⁰⁴ Франц Ульрих Эпинус (1724-1802) — немецкий и русский ученый, действительный член Петербургской Академии наук (с 1756).

¹⁰⁵ Имеется в виду комическая опера Висента Мартин-и-Молера по либретто имп. Екатерины II *Горобогатырь Косометович* (премьера 29 января 1789 г. в Эрмитажном театре).

волила выслать к нему Храповицкого¹⁰⁶, с объявлением, что он прав¹⁰⁷. Прощайте.
(Л. 49-50).

<25>

18 июля 1789 г.

Июля 18 д.<ня> 1789. г. С.<анкт>Петербур.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам и милым вашим Мишиньке и Никитушке здоровья и благополучия. Мы слава богу здоровы. Я ездю на день, на другой из Царского и в сию минуту туда отправляюсь. От вас мы не получали писма сию неделю затем что вы в гостях. Желаю сердечно, чтоб вы приобрели приятное знакомство. Ето еще увеличит наслаждения спокойной сельской жизни. Вот скоро год, что вы оставили Петербург. Часто спрашивают об вас знакомые ваши, которые все кажется сохранили их привязанность и усердие. Ваш Иван Коновал на самом отправлении своем. Я не имею счастья или проворства доставить вам Агличанку. Самборской ничего решительного мне не сказывает и оттягивает в даль трудность найти заочно добрую, сговорчивую, которая бы согласилась ехать так далеко: вот что говорит он. Меня разстроивает сия принужденная жизнь в Царском селе. Переезжаячи безперестанно, я не живу нигде и время или бежит очень скоро или заставляет считать свои минуты. Не ето: я думаю леность моя причиною сей бесполезной жизни. Я хочу безперестанного веселья. Оно в обществе добрых людей, которыя так как вы, исполняют приятныя должности, любят своих приятелей и ими взаимно любимы. Прощайте
(Л. 51-51 об.).

<26>

22 июля 1789 г.

1789 года Июля 22 дня. С.<анкт>Петербур.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична, желаю от всего моего сердца здоровья и благополучия. Сегодня отправляется ваш Иван Берейтер. Мы

¹⁰⁶ А.В. Храповицкий (1749-1801) — кабинет-секретарь императрицы Екатерины II.

¹⁰⁷ Не вполне точно: согласно записи Храповицкого, сделанной в тот же день, 11 июля, Екатерина II заявила, что не может обвинять автора *Фелицы* (Храповицкий 1874: 296-297).

потеряли всякую надежду найти Агличанку и отправляем его с закупленными вещами. Я чувствую сколько непрворность моя заслуживает пени и прошу прощения в моих неудачах. Мы сегодня получили письмо ваше, писанное по возвращении из Зубриловки. У вас теперь жатва и следовательно время самое веселое в деревне. Вы заработаетесь и загуляетесь; а я только что гуляю и ненавижу всякое дело. Вчерась я праздновал у Ханькова, которой вам кланяется и сегодня на карауле в Зимнем за Капитана. Наш Александр Фёдорович <Муравьев> болен маленькою горячкою, теперь полегче. Прасковья Матвеевна почти купила дом на Васильевском острову. Цалую вас мысленно и любезных детушек навсегда пребываю ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(Л. 53-53 об.).

<27>

26 июля 1789 г.

1789 г. Июля 26 С.<анкт>Петербур.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична, желаюм сердечно благополучия и здоровья. Мы слава богу здоровы. У нас нет ни жатвы, ни сенокосу. Праздность жителей городских всегда одинакова и не знает никаких перемен, кроме перемен погоды. Другой день прекрасное наше благоразстворение воздуха от нас скрывается. Ветерок, серенькие дни занимают место прекрасных, которые чуть было нас с жару не поморили. Неосторожность пастухов, я думаю, дала повод пожару окружных лесов, котораго унять скоро не могут. Густой дым разсеялся в воздухе и помрачает небо наше. Мы приближаемся к осени. Может быть она ускорит возвращение двора в город, чтобы мне очень было приятно. У вас Економия, у меня на уме Театр, где я сегодня надеюсь увидеть *Pierre le cruel*, *Tragédie de du Belloy*¹⁰⁸. Щастливы люди, которых занимают такие бредни, скажет Сергей Михайлович. Я отдаю себе за виноватаго. Вы скоро увидите своего Берейтера, которой 22 число отсюда отправился. О военных наших подвигах мало я сведом. Галеры наши стоят возле Фридрихсгама и видят Шведския: никакова с обеих сторон движения. Половина Гвардии высажена в город. В том числе и Павел Львович

¹⁰⁸ П.-Л. де Беллуа (1727-1775) — французский драматург; его трагедия *Pierre le Cruel* была поставлена в 1772 г.

<Батюшков>. Александр Фёдорович <Муравьев>, которой обмогает и Варинька <В.М. Муравьева>, которая родит с часу на час кланяются вам. Василий Гаврилович¹⁰⁹, которой уж перешел в армию поехал в отпуск и вам кланяется. Цалуя вас мысленно и ваших милых детушек пребываю навсегда с усердием и любовью ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(Л. 55-56).

<28>

2 августа 1789 г.

1789 г. Августа 2 С.<анкт>Петербур.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна, желаюм сердечно здоровья, веселья и всех удовольствий. Вы имеете их в себе, мне кажется, в ваших милых маленьких. Более ничего желать не надобно. Доброй помещик, доброй супруг, через чур добрая мать, любви достойная женщина, которая украшает всякое состояние и не позабывает никого из друзей своих, вам только должно знать свое благополучие и доставлять его другим. И мы также щастливы своим манером, ничего не делая. Рыская по полям и лесам на аргамаче своем я вижу также сенокос и жатву; но я ничего неразумю и ничего не желаю столько, как возвращения в город. Сказывают, будто после Преображения можно ожидать етого. Вчерась приходя с дежурства, нахожу у себя в комнате убирающагося Гаврилу Романовича <Державина>, которой вам кланяется и вас очень любит. Ето происходило в Царском селе. Государыня приказала ему быть у себя по утру. И был: Государыня очень милостиво говорить изволила. Сказала что определит ему жалованье и место. На сих днях приехал и поедет обратно к Князю <Г.А. Потемкину> Ив. Ив. Меллер. Он пожалован Бароном и дано 25 Гаков без аренды. Князя Вяземскаго мать умерла¹¹⁰. Город теперь занят удивительною переменою происходящею во Франции. 17 Июля там было возстание целаго вооруженнаго мещанства при приближении войск, которыми Король или совет его хотел воспрепятствовать установление вольности. Бастилия

¹⁰⁹ Возможно, В.Г. Назимов (1759-1839); в 1789 г. майор, переведен в Невский пехотный полк, принимавшем участие в действиях против шведов.

¹¹⁰ Князь А.А. Вяземский (1727-1793) — русский государственный деятель, один из ближайших сановников Екатерины II. Его мать — П.И. Познякова.

скрыта. Отрешенной Некер¹¹¹ призывается¹¹². Король на ратуше должен был все подписать что требовалось Народным собранием и отворились Театры; но наш заперт по причине поста. Это мне не очень по нутру. Что касается до Театра войны, А.П. Адодуров¹¹³ вчера возвратился из Фридрихсгама и привёз письма от Павла Львовича¹¹⁴. Никаких важных происшествий не предвидится. Прощайте мои милые и сердечные друзья, будьте здоровы, веселы и любите вашего верного друга и брата Михайлу Муравьева (Л. 57-58).

<29>

9 августа 1789 г.

1789 года Августа 9 д.<ня>Сарское
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Из Сарскаго пишу я к вам на кануне отъезду. Сие самое обстоятельство причиною, что я не в городе и не имею удовольствия писать к вам вместе с батюшкою. Сегодня в 9 часов Государыня изволила поехать в город петь молебен за одержаную над турками при Фокшанах победу соединенными войсками, нашими и Императорскими, под предводительством Суворова и Принца Кобурскаго¹¹⁵. Турок было 35000 под начальством Сераскира разжалованнаго из визирей. Их лагерь взят от Василья Яковлевича Чичагована кануне сего известия приехал также Курьером наш Матвей Михайлович¹¹⁶. Флот наш сошёлся 14 Июля с Шведским и 15 во втором часу пополудни зачалось сражение. Но оно небыло общее; за тем что только одне Ариергардии имели дело, продолжавшееся 6 часов. У них 2 корабля и фрегат из линии принуждены были вытти: у нас один, потеряв форстенгу, уклонил-

¹¹¹ Ж. Неккер (1732-1804) — французский государственный деятель, министр финансов при Людовике XVI.

¹¹² Речь идет о начале Французской революции.

¹¹³ А.П. Адодуров (1758-1835) — русский государственный деятель. В 1789 г. — прапорщик.

¹¹⁴ От П.Л. Батюшкова.

¹¹⁵ Фридрих Иосия Саксен-Кобург-Заальфельдский (1737-1815) — эрнестинский принц. На рубеже 1780-1790 гг. — командующий войсками Габсбургов.

¹¹⁶ М.М. Муравьев (1762-1823) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны участвовал в Гогландском, Эландском, Красногорском и Выборгском сражениях. С 1814 г. — вице-адмирал.

ся и опять вошёл в бой. Капитан его Муловский¹¹⁷ убит ядром в левой бок. Темнота кончила сражение. Шведы оставили море и преследованы будучи нашим флотом вошли в пристань свою Карлекрону. Василий Яковлевич <Чичагов> в виду их соединился с Эскадрой Козлянинова¹¹⁸, которая шла из Копенгагена. Перед сим получили мы приятное известие от Захара Матвеевича <Муравьева>, что он за дело, в котором отличился 9 ч. <исла> Июля пожалован от Графа Капитаном Артиллерии. Что касается до нас завтра великие Князья обедают в Павловском и отправляется в Петербург. Наше деревенское житьё кончится. Для Экономии я мало зделал, надеюсь, что вы замените мои недостатки. У нас погода начинает иногда сбиваться на осеннюю; однако ещё очень приятную. Прощайте мои милые. Наслаждайтесь всеми благополучиями возможными, которых достойны добрыя сердца и не отмените любви вашей и дружбы к вашему покорному и верному брату и другу
М. Муравьеву
(Л. 59-60).

<30>

16 августа 1789 г.

1789 года Августа 16 д. <ня> С. <анкт> Пет. <ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Мы, слава богу, здоровы. У нас в Августе жар. Каково же мне теперь ехать в Инденерный Корпус на смотр и после в Комедию! Или лучше, каково то было в воскресенье. 13. число, Принцу Нассау¹¹⁹ 14ть часов драться со Шведами и уничтожить их Галерной флот! Вчера с сим известием приехал Преобр. <аженского> п. <олка> Подпорутчик Граф Штакельберг¹²⁰ пожалованной в Подполковники и получивший табакерку и 1000 черв. <онцев>. Подробности еще мало известны. Сказывают будто 6

¹¹⁷ Г.И. Муловский (1757-1789) — русский военный, капитан-командор.

¹¹⁸ Т.Г. Козлянинов (1740-1798) — русский военачальник. С 1789 г. — вице-адмирал.

¹¹⁹ К.Г. Нассау-Зиген (1743-1808) — французский, испанский и русский военачальник. С 1788 г. — вице-адмирал, затем адмирал гребного флота. 4 августа 1789 г. гребной флот под его командованием одержал победу над шведами в спасении при Роченсальме.

¹²⁰ Г.О. Штакельберг (1766-1850) — русский дипломат. В 1788-1789 гг. служил в Кавалергардском полку и участвовал в русско-шведской войне. С 1789 г. перешел на дипломатическую службу.

Галер взято, два Генерала, 50 офицеров, 1000 солдат. Остаток ушел в реку Кюмень и в ней заперт. Наш урон состоит в двух Галерах взорванных. На них были Преображенские. Никак три офицера осталось здоровых. Все Преображенские или убиты или ранены. Наш Матвей Дмитриевич в числе несчастливых. Он потерял левую ногу. Таким образом общая радость куплены частными несчастиями. Принцу послан Андреевской орден. О Семеновских ничего не слышно, следовательно о Павле Львовиче <Батюшкове> ничего не знаем. Чтоб кончить военныя сказки, скажу, что Варвара М.<ихайловна><Муравьева>еще не родила. Сокрушает ее маленькая дочь, которая очень больна. Впрочем препоручая себя в неотменную любовь вашу, навсегда пребуду

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(Л. 61-62).

<31>

23-30 августа 1789 г.

1789 г. Авг.<уста> 23. С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Мы слава богу здоровы и поживаем по старому. Только общество наше по меньше. Бывшие наши ежедневные собеседники служат отечеству. Один Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> в деревне и тот единственным благополучием своим полагает быть принят в обер провиантмейстеры, чтобы перейти в армию и купить славу ценою члена или жизни. Вот какое бешенство крутит наших молодых людей. Оно не достигает до моей важности, которая день ото дня становится похожее на леность. Катерина Ивановна ездила в деревню и вчера возвратилась. Видите что и городские любят посещать деревню. Наша Варинька <В.М. Муравьева>19 число в воскресенье родила дочь Катерину и просит вас любить и жаловать. От Павла Львовича <Батюшкова>имели мы уже два письма после баталии, продолжавшейся во весь день 13 число¹²¹. Он не только, что жив и здоров; но никак и рекомендован отменно от Принца Нассау¹²² и вчера пожалован в Подпорутчики. Все отли-

¹²¹ Имеется в виду первое роченсальмское сражение.

¹²² Принц Карл-Генрих (Николай Отто) Нассау-Зигенский (1743-1808); в роченсальмском сражении командовал русскими морскими силами.

чившиеся получают чины, кресты, шпаги. Матвей Дм. Олсуфьев¹²³ жалуется в отставку Майором Гвардии с жалованьем Майора. Семеновской Капитан Болотников¹²⁴ почти решил победу окружив не устрашимо адмиральское судно своими Канонерскими шлюбками <так>. Кушелев получил Георгия 3 Класса. Турчанинов¹²⁵ бывший во все время на Галерах¹²⁶ и приехавший с подробною реляциею получил Аннинскую ленту и 6000. Морской Генерал-Майор Баллей¹²⁷ также Аннинскую. Но мы еще незнаем совершенно всех подробностей и всех награждений. Теперь с часу на час ожидают известия об успехе нападения общаго с моря и сухаго пути. Наши пошли за Кюмень и в одно время нападут на войско Шведское. Принц Нассау со своим десантом <!>, а с земли Левашев¹²⁸, Нумсен¹²⁹, Рек¹³⁰. Здесь скончалась молоденькая Чоглокова¹³¹; столько опасности кругом нас разсеяны. Но мое письмо более похоже на журнал военных действий; хотя нет ничего менее похожего на военного человека как я. Будьте здоровы, поцалуйте за меня ваших милых крошек и не позабудьте вашего вернаго друга и брата М. Муравьева.

<30.8.1789>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Я только имею время пожелать вам от всего сердца всего того, что вы сами себе пожелать можете лучшаго. Я

¹²³ В 1789 г. состоял капитаном в Измайловском полку (Месяцослов 1789: 16; см. также: Степанов 2003: 459).

¹²⁴ А.У. Болотников (1753-1828) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. во время войны со Швецией он отличился в Роченсальмской битве; был пожалован золотой шпагой с надписью “За храбрость” и орденом св. Георгия 4-й степени.

¹²⁵ Турчанинов П.И. (1746-после 1823). В роченсальмском сражении командовал десантом.

¹²⁶ Имеются в виду т.н. ‘сэкретные суда’, парусно-гребные.

¹²⁷ И.П. Балле (1741-1811) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны служил под началом принца Нассау-Зигена; командовал ‘резервной эскадрой’; 22 августа 1789 г. “за храбрость” был награжден орденом св. Анны 1-й степени.

¹²⁸ Ф.И. Левашов (1752-после 1817) — русский военачальник. В 1789 г. — бригадир; участвовал и был ранен в битве при Фокшанах.

¹²⁹ Ф.М. Нумсен (ум. в 1800) — генерал-поручик.

¹³⁰ И.Г. фон Рек (1737-1795) — генерал-майор. Командовал войсками, выделенными для обороны Кинбурна (1787).

¹³¹ Возможно, В.Н. Чоглокова (1752-1789) — фрейлина Екатерины II, дочь обер-гофмейстера Н.Н. Чоглокова, жена графа А.С. Миниха.

опоздал на дежурство. Вчера в вечеру нашли мы у себя приезжаго Ивана Матвеевича <Муравьева ст.>. Новостей я не припомню никаких. Шведы бегут. Оставили крепкой пост Гекфорса. Столько действий произвела одна морская победа. Поцалуйте за меня ваших милых крошек. Прощайте.

30 д.<ня>Августа
1789 года
(Л. 63-65 об.).

<32>

6 сентября 1789 г.

1789 года. Сентября 6 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица душа моя Федосья Никитишна! Мое письмо должно вас застать здоровых, веселых, довольных всем тем, что вас окружает. Это не гаданье; это мое требованье. Деревня, всякая деревня, кольми паче Тамбовская, лежит на большой дороге к *Щастию*. Спросите у меня. У нас на вознесенской такаяже деревня, как в Кирсановском уезде. Разность в том, что вам подают торелки; а некоторые подают сами. Я столько ж Камергер, как наш бывший сосед, Долгорукой¹³². Извините хвастовство сие. Я большой человек. У меня есть дочка, разумеется крестная, Катерина Александровна, которую вам рекомендую. И сие достоинство придает важности; но не придает толковитости. Надобныли вам известия? Вадковской прошедшее воскресенье 2 Сент.<ября>женился на Чернышевой. Другая фрейлина Озачевская идет за муж за Спичинскаго Изм.<айловского>бывшаго Сержанта пожалованнаго Прапорщиком. Отличившийся в баталии Сержант Сухарев¹³³ пожалован в Подпорутчики. Третьяго дни сестра Прасковья Матвеевна приехала, стоит в Чичаговой. Как вам кажется не имеет ли права Московской Газетчик на меня жаловаться, что я у него перебиваю лавочку? Но о себе что я скажу. Никакой Газетчик неотревожен будет повествованием славных дел моих. Равно неизвестен при дворе и в городе, дежурю регулярно через два дни в третий, забираю много Аглинских книг без чтения, ходя по улицам, как доброй мещанин, уча тому, чего сам не разумею, я считаю дни, недели, месяцы, ем, сплю и толстею. Иван Матвеевич

¹³² Возможно, И.М. Долгоруков (Долгорукий) (1764-1823).

¹³³ А.Д. Сухарев (1771-1853) — русский военачальник. Участник русско-шведской войны. В 1789 г. отличился в сражении при Свенксунде и произведен в прапорщички.

<Муравьев>привѣз к вам из деревни новой запас веселости. Точит балясы у нас и танцует у Нарышкиных. Ханыков иногда заезжает. Мы с ним верхом ездим. Он вам кланяется и желает вам всякаго добра. Любезная кумушка моя Варенька вам кланяется. Давольно ли поклонов? Нет я хочу чтоб вы поцаловали за меня моих племянников, чтоб они скакали, плясали, пели песни, чтоб большой года через два три объезжал доморощенного гнедаго коня со звездою на лбу, с таким же искусством как дядюшка, которой препоручает себя и навсегда пребудет ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(Л. 66-67).

<33>

13 сентября 1789 г.

1789 года Сент.<ября> 13 д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ваши письма доставляют нам всегда новое удовольствие, уведомляя нас о здоровье вашем и доставляя постоянные знаки дружбы и нежности. Возможно ли, чтоб неполучение одного моего в состоянии было лишить спокойствия всегда нежную, всегда любимую сестру? Течение жизни моей одинакое и обыкновенное не подвержено никаким переменам. Дни службы и дни отдохновения: вот круг моего года. Вчерась, наше все общество приглашено было в Эрмитаж. Играли *Горебогатырь* оперу. Там я видел приехавших с Галер Принца Нассау и Н.И. Кушелева, одного в Андрее, другаго в Георгии. Баталионы Гвардейские высажены на берег и соединились с теми которые прежде были на сухом пути. Орбенев принял их в сию Команду. Новой наш подпоручик Павел Львович будет стоять в одном лагере с Николаем Фёдоровичем <Муравьевым>и Захаром Матвеевичем <Муравьевым>под деревнею Ковала при реке Кюмене. Может быть непойдут ли за нее, в Шведския границы. Из Константинополя слышно, что наш Булгаков¹³⁴ освобождён из Едикюля. Селим III¹³⁵ столь жестокой к визирям своим, довольно милосерд к чужим посланникам. Но в спокойных долинах Никольскаго, какая нужда до сих

¹³⁴ Я.И. Булгаков (1743-1809) — русский дипломат. Осенью 1789 г. был освобожден султаном Селимом III из Семибашенного замка, в котором провел более двух лет.

¹³⁵ Селим III (1761-1808) — 28-й султан Османской империи (1789-1807), сын султана Мустафы III.

приключений посторонних? Разве мало упражнений дает <нрзб>, домостроительство, воспитание двух маленьких существ, столь любезных некоторым особам? Будьте щастливы, пишите к нам ваши удовольствия. А мне пора на дежурство. Непозабудьте вашего верного друга и брата

Михайлу Муравьева
(Л. 68-68 об.).

<34>

20 сентября 1789 г.

1789 года Сентября 20 ч.<исла>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Мы получаем исправно ваши любезныя писания и ничего не желаем столько, как получать безперестанно известия столь же приятныя. Здоровье, успехи во всех начинаниях ваших, благополучия самага приятнаго состояния в жизни человека, супружества, хозяйства, семейственной жизни. Недостаток увеселений награждает с избытком великодушное намерение и разум в согласии с сердцем. Место не делает благополучия. Скука есть общая участь человеческого рода, от которой ничем избавиться невозможно. В моих любимых театрах, я часто нахожу, что она садится в одне кресла со мною. Недавно были мы в ложе Варвары Михайловны, в новой опере переведённой с Итальянскаго музыка славнаго Мартини, называемой *Дианино дерево*¹³⁶. Много декораций, шутовства. Многие наши Герои приехали с Галер Нассау, Кушелев, множество офицеров Гвардии и других. Сегодня большаго именинника я думаю в городе небудет. Он изволит жить в Гатчине¹³⁷. Там привита оспа Марии Павловне. У нас осень последовала лету во всей своей угрюмости. Однако она не возвращает нам служивых наших братьев. Может быть покусятся они посетить Швецию. Иван Матвеевич льститя ехать в чужия край советовать какому нибудь посланнику; а между тем бьется безщадно в рокамболь. Вчерась например до. 3. часов за полночь. Князь А.А. Вяземской давно уже в худых обстоятельствах здоровья. Нечто похожее на удар подвергает жизнь его опасности. Прощайте мои милые друзья. Я еду на дежурство. Я желаю от всего моего сердца, вы знаете истину сего желания, всего того, что более мо-

¹³⁶ В. Мартин-И-Солер (1754-1806) — испанский композитор. *Дианино дерево* было написано в 1787 г. и поставлено в Петербурге в 1789 г.

¹³⁷ Речь о великом князе Павле Петровиче.

жет составить благополучие ваше. Цалую мысленно маленьких Луниных.
(Л. 70-70 об.).

<35>

27 сентября 1789 г.

1789 года Сентября 27 д.<ня>С.<анкт>Петербур.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца всех удовольствий, которыя вы сами себе пожелать можете. Мы слава Богу здоровы. Вчерась у нас был пир навеселе. Праздновали именины Ивана Матвеевича<Муравьева>. Были у нас Алекс.<андр>Ф.<едорович><Муравьев>и Варвара М.<ихайловна><Муравьева>, Прасковья Матвеевна <Муравьева>с детьми, к которой мы сегодня едем. Она нанимает в пятойнадесят линии. Авдотья Фёдоровна Колокольцова помолвлена 21 числа с.<его>мес.<яца>за Михайлу Сергеевича Хаванскаго Изм.<айловского>порутчика¹³⁸. Ето меньшей брат. Третьяго дня с разсветом от Князя Потемкина приехал Курьером Подполковник Зубов¹³⁹, с донесениями о трех или четырех выигранных сражениях. Суворов разбил авангардию визиря, потом соединился с Принцем Кобургским, Имперским Генералом разбил самага визиря с 80000 человек, взял трех Пашей в полон. Князь Репнин с другой стороны разбил бывшего Капитана-Пашу, которой должен был итти осажать Очаков, и осадил самага его в Измаиле. Князь Потемкин сам имел также самое то дело и взята на Черном море какая то крепость и пристань. Вчера был молебен. Но я обладаем леностию, предпочел удовольствие ходить по улицам. Вчера был день остаток лета, ясный, жаркой. Я зачинаю новыя приобретения или новыя дурачества, учиться по Ишпански. Ездя по полям и лугам, как дон-Кишот, справедливо, чтоб я читал Историю моего подлинника на природном языке; ежели впрочем не отменю еще своего намерения. Чуть не придет ли второй Баталион Гвардии назад; следовательно и Герой наш Павлик прибредет со службы. Все приезжающие оттуду раздобрели и разжирели. Иных узнать на силу можно. Сегодня в Эрмитаже будет, я думаю, новая Италианская Опера,

¹³⁸ Речь о Е.Ф. Колокольцевой (1772-1791) и М.С. Хованском (1764-1829).

¹³⁹ В.А. Зубов (1771-1804) — русский военачальник. Осенью 1789 г. был послан в Петербург с донесением о взятии Бендер, был пожалован флигель-адъютантом и произведен в полковники.

Клеопатра¹⁴⁰. Мне весма мало времени на все что хорошо и похвально. Столько шалости, дурачества, праздность дают мне дела. Вы напротив жертвуете сами себя должности, конечно приятной и священной, хозяев, родителей, добрых людей. Дай бог, чтоб вы нашли и находили безперестанно в исполнении сих должностей все награждения добродетели, спокойствие, почтение самага себя и большую привязанность к темже самым чувствованиям, которыя составляют удовольствия ваши. Прощайте. Поцалуйте ваших милых детушек и продолжайте любить столькоже нежно и безкорыстно вашего вернаго друга и брата
Михайлу Муравьева
(Л. 73-74).

<36>

4 октября 1789 г.

1789 года Окт.<ября> 4 д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Мысленно вас обнимаю и цалую. Разстояние не останавливает добраго желания. Все наши вам кланяются, вас любят. Мы слава богу здоровы. Батюшка третьяго дня изволил кушать у Колокольцова. Там приготовления к радости. Вы знаете что ето за прелестные дни, которые обещают щастие. Здесь возвращаются Герои наши которые пощипали Шведов. Наш Павел <Батюшков>должен быть скоро. Первое Октября они вошли в Выборг. Что ето за день у нас был, первое не Октября, а Маия. У нас Италия. Суворов пожалован за последния победы свои Графом Рымникским. Я теперь собираюсь в Эрмитаж. Иван Матвеевич <Муравьев мл.>зделал новое знакомство с Матюшкиной¹⁴¹. Играют Колонию¹⁴². Он учит теперь: *Dès-ce soir l'hymen m'engage*¹⁴³. Общество сказывает самое сияющее. Он хочет серьезно переходить в Армию и Николай Иван.<ович>Салтыков¹⁴⁴ обещал батюшке зделать его Обер-Провиантмейстером. Зубов пожалован Корнетом

¹⁴⁰ *Клеопатра* — опера итальянского композитора Д. Чимароза (1749-1801).

¹⁴¹ Матюшкина А.А. (1722-1804) — фрейлина имп. Елизаветы Петровны, статс-дама двора Екатерины II, обер-гофмейстерина (с 1796.)

¹⁴² По-видимому, речь идет об опере *Колония или новое семейство* итальянского композитора А. Саккини (1730-1786).

¹⁴³ Это цитата из оперы Саккини *La colonie* (Sacchini 1775: 3).

¹⁴⁴ Н.И. Салтыков (1736-1816) — русский государственный деятель, официальный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

Кавалергардов. Отец его на место Сухарева Обер-Прокурором в Сенат. Вы сохраните мне мое место в сердце вашем
вашего верного друга и брата
Михайла Муравьева
(Л. 75-76).

<37>

11 октября 1789 г.

1789 года Октября 11 д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желая вам от всего моего сердца здоровья и благополучия. Мы, слава богу, здоровы. Между тем как вы заняты хозяйством, домостроительством; мы требуем здесь зрелищ, препровождений времени. Мы убиваем время, разсуждая о драгоценности его. Я запасаю столько книг, сколько теряю благополучия. Иван Матвеевич <Муравьев> поет в пяти или шести операх в самом лучшем обществе. Для вас бы было невероятно, ежели бы я хвастал о моих успехах в большем свете; и для того, я не хвастаю. Ваш доброй приятель Гаврило Романович <Державин>, которой вам кланяется, написал прекрасное лирическое произведение: *Изображение Фелицы*, где воображение его разгорячено благодарностию. Сегодня около полудня входили в город вторые батальоны Гвардии, столько отличившиеся на Галерах. Павел Львович <Батюшков> в том числе. Мы надеемся теперь его увидеть. Сказывают потолстел и почернел: плод военных подвигов. Государыня изволила их дожидаться в карете у воскресенского мосту. Они все шли мимо Ей. Первые батальоны также дни через четыре возвратятся. Холодки, которые показываются возвещают нам зиму. Осени настоящей у нас не было. Ещё можно прогуливаться а иногда и жарко. Сегодня был у нас ваш живописец, малой прекрасной и очень хорошаго поведения! Я вам написал все, что я знал. Чувствований моих изображение оставляю лучше собственным сердцам вашим. — Я перервал письмо мое свиданием с братом Павлом Львовичем. Прощайте. Цалуя мысленно милых ваших крошечек Мишеньку и Никитушку и с истинною и нежнейшею привязанностию навсегда пребываю
ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(Л. 77-77 об.).

<38>

18 октября 1789 г.

1789 года Октября 18. д.<ня>С.<анкт>Петербур.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желая вам от всего моего сердца, чтоб письмо мое полномочной посол мой, застало вас в радости и удовольствии и было вами принято со всею подобающею честью. Оно вам скажет, что в нашем государстве все хорошо и здорово. Мы вчера ужинали у Прасковьи Матвеевны и возвратились не множко поздно. Целое Собрание Муравьевых там было. И Дмитрий Семенович пришедший из похода¹⁴⁵. Затем что теперь все батальоны Гвардии, Галерные и не Галерные пришли во своясы. С Турецкой стороны самыя приятныя известия. Имперцы взяли на капитуляцию Белград; мы завладели Акерманом на устье Днестра и еще другую крепостию. Бендеры не могут устоять долго. Война прекрасное дело, когда с ней приезжаешь. А я так теперь еду, не на войну, а на дежурство. Иван Матвеевич <Муравьев мл.>вам кланяется. В субботу будет он играть у Матюшкиной оперу *Колония*. Его занимают репетиции. Ваша девка Машка вчера занемогла. Батюшка изволил посылать к ней. Ето только колика; следовательно дело скоро проходящее. Что-то вы теперь делать будете, когда лето прошло и нет более ни жатвы, ни посева? Приятное спокойствие, сон и добрый обед и ужин занимать вас будут. Вы станете таки-миже праздными людьми, как я. Но также как я, продолжайте любить ваших друзей и в числе их, я уверен, вы не позабудете вашего вернаго друга и брата

Михайла Муравьева

(Л. 79-79 об.).

<39>

25 октября 1789 г.

1789 года Октября 25 д.<ня>С.<анкт>Петербур.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, милая душа моя сестрица Федосья Никитишна! Именинник желает вам от всего своего сердца здоровья, благополучия, веселья. Он имеет удовольствие праздновать в обществе добрых друзей своих, воспоминающих Никольских. Им есть также место у хозяина. Свидетельницею сия

¹⁴⁵ Возможно, имеется в виду Д.С. Шишмарев (1768-1830), в 1789 г. лейтенант. Участник морских сражений при Готланде (1788) и Эланде (1789), вплоть до 1793 г. служил на Балтийском море.

грамотка. Она не пожалеет трудов своего путешествия, если найдет вас веселых и здоровых, у камина, в шубке или по крайней мере за двойными стеклами. Довольно октябрь потешил. Надобно совесть знать. Здесь он у нас возвращает наших воинов. Вчера приискал из Выборга новый Капитан Захар Матвеевич <Муравьев>. Он повествует нам военною трубою дела Гвардейских Героев, с которыми он мыкал живот свой. Он Измайловских теперь знает, как бывало вы. На Шведов они пригляделись. Не страшны. Зима видно страшнее, когда обе стороны во своясы разводит. Здесь она возвещает наступление свое Аглинскими Балами, Театрами. Прошедшую субботу я имел удовольствие видеть <в> Колонии Ванюшку <И.М. Муравьев мл.> нашего Губернатором, будучи приглашён чрез него к Матюшкиной. У них весь *прекрасной свет*. Зрелище великолепное. Ивану Матвеевичу столько хлопанья! Наш Николай Николаевич Муравьев также приехал, но чрезвычайно болен горячкою. Николай Фёдорович в Выборге и будет сюда, когда на смену к нему возвратится Захар Матвеевич. Вы слышали конечно о великих и многих успехах которые против Турок имеем. Наши бьют их везде где встретят. И имперцы у нас перенимают. Суворов делает дела достойныя величайшаго предводителя, о которых я вам пересказываю, как последний враль. У нашего Ивана Матвеевича большого <Муравьева> родился сын Платон. Поцалуйте за меня ваших милых Мишиньку и Никитушку. Прощайте.

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(Л. 81-82).

<40>

1 ноября 1789 г.

1789 года Ноября 1 дня. С.<анкт>Петербур.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Теперь у нас совершенная осень, темно, грязно, воздух напоен влажностью, однако тёплой; с другой стороны танцованье, скакуны в Театре показывают удалства свои, Аглинские Балы. Какие у нас веселия! Ету неделю я два дни плясал до поту лица и более: в свои именины 25 и в именины Прасковьи Матвеевны <Муравьевой> 28. Через субботу надеюсь видеть зрелища, которые играютя у Матюшкиной. В Михайлов день новый Бал, которым нам должна Варвара Михайловна <Муравьева>. Но она поджидает выздоровления морскаго нашего Муравьева, Николая Николаевича, которой обмогается по маленьку. И от Матвея Михай-

ловича <Муравьева> сегодня получили письмо из Кронштата. Таким образом приближение зимы возвращает всех тех домой, которые летом защищали отечество. Прошедшее воскресенье фрейлина Озанчевская вышла за муж за Измайловского Прапорщика Спичинского, вчерась Дмитрий Зубов¹⁴⁶ пожалован в Камер-Юнкеры. Вчерась получили мы известие из Новагорода, которое хотя необыкновенно, тронет вашу чувствительность. Доброй приятель ваш Василий Андреевич Приклонской¹⁴⁷, по девятидневной горячке, скончался. Мавра Ивановна <Приклонская> претерпела много ударов в одно время случившихся. Нещастия тесно сопряженные с наслаждением лучших благ человеческих: непостоянство, бренность. Но сколько удовольствий в один день, в одну минуту поместиться может! Удовольствие исполнять долг свой, делать добро всем, которые окружают нас. Вы конечно его делаете. Щастливы друг другом, вы не подзабываете и не подзабудете никогда вашего верного друга и брата
Михайлу Муравьева
(Л. 83-84).

<41>

8 ноября 1789 г.

1789 года Ноября 8 дня. С.<анкт>Петербур.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Одно из чувствительнейших удовольствий именинника в том, что он может в праздник свой уверить вас в десяти тысящной раз и более, что он вас любит и любить будет, всею возможностью души своей. Это клятва формальная. Такову при жертвеннике произнесут ваши знакомые, Хаванской с своею будущею, нынешнее воскресенье¹⁴⁸. У нас теперь собраны все наши знакомые, которые вас вспоминают. Николай Иванович Данилевской¹⁴⁹ вспомнил меня. Я только на вас жалуясь, на вас, которые столько меня любите и на которых я не буду никогда иметь

¹⁴⁶ Д.А. Зубов (1764-1836) — русский военачальник, брат П.А. Зубова, фаворита Екатерины II.

¹⁴⁷ В.А. Приклонский (1746-1789) — переводчик, чиновник, один из организаторов и первый директор Тверского дворянского училища (1779-1781).

¹⁴⁸ См. письма 35 и 42.

¹⁴⁹ В 1789 г. советник правления Государственного ассигнационного банка (Месяцослов 1789: 88); последнее уп. о нем в месяцословах относится к 1792 г. (Степанов 2003: 183).

права жаловаться. При сем посылаются к вам письма к векселю, чаятельно бесполезное, в разсуждении Законов и от Зайцова к сестре. Василий В. Ханыков вздумал ехать в Москву на некоторое время. Ивану Матвеевичу Салтыков обещал взять в оберпровиантмейстеры. Это почти зделано. Прощайте. Извините мой спех и мою леность. Я цалую мысленно ваших крошечек.
(Л. 85-85 об.)

<42>

15 ноября 1789 г.

1789 года Ноября 15. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Поздравляю с зимою. У нас она пришла, прежде, нежели мы одумались. Но ещё есть поважнее с чем поздравлять. Бендеры взяты. Вчера в 9. часов вечера прислан с сим известием от Князя Подполковник Валериан Зубов, пожалованной Полковником и Флигель-Адъютантом. Взяты на капитуляцию: 20000 человек, я думаю, выпущено. Никаких обстоятельств незнаю. Не можно быть Кампании славнее и полезнее. Жестокости войны награждаются <нрзб> приятностями любви. Прошедшее воскресенье 11 число. Авдотья Фед.<оровна> Кол.<окольцева> вышла за муж за К.<нязя> Хаванскаго и живет в Зеленом доме, насупротив, где родина Сергея Михайловича¹⁵⁰. На кануне того, княжна Вяземская¹⁵¹, это третья, сговорена за Камер-Юнкера Дмитрия Зубова¹⁵². Она пожалована фрейлиною. Князь А.А. <Вяземский> очень болен и у них никого непринимают нимало. Вы видели, я думаю, что мы развеселились и разтанцовались. Теперь река развела нас с Прасковью Матвеевною <Муравьевой>, однако Захар Матвеевич <Муравьев> уж перешел реку и теперь у нас. Наш Иван Матвеевич <Муравьев мл.> занемог. Маленькая горячка наказывает за великую охоту к устерсам¹⁵³. Теперь только выдержал он предлинную Конференцию с Пальмом¹⁵⁴ и следствие порошков не долго замедлило ознаменовать его могущество над желудками. Пальм очень о вас спрашивал. Ханыков вчера уехал в Москву. Вот все мои новости.

¹⁵⁰ Очевидно, С.М. Лунина.

¹⁵¹ П.А. Вяземская (1772-1832).

¹⁵² Граф Д.А. Зубов (1764-1836) женился на П.А. Вяземской 25 февраля 1790 г.

¹⁵³ Устрицы.

¹⁵⁴ Имеется в виду Карл Пальм, штаб-лекарь; фиксируется месяцесловами с 1777 г. (Степанов 2003: 470).

Что касается до меня; ничего новаго. Безперестанной круг дежурств, часов ученья, довольно бесполезных; посещения французской Комедии. Новая охота танцовать, которая однако неподествовала на бале Великаго Князя; но которая дома меня мучит. Я пускаюсь портить Контрдансы у Матюшкиной по субботам, днями в Комедий. Будет ли то время, что помещик и помещица Никольския повезут меня в Аглицкой Бал? А я между тем выучусь обьигрывать в Рокамболь и виск, чтоб удивить мастерством моим некотораго стараго мастера. Будьте здоровы, веселитесь, любите нас и прощайте.
(Л. 86-87).

<43>

21 ноября 1789 г.

1789 года Ноября 21 д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Хотя вы и жалуетесь на безпокойства, неразлучныя с деревенскою жизнью; однако я не знаю желанія более выгоднаго, как того самого, чтоб всегда сии приятныя безпокойства продолжались. Здоровье тела и удовольствие души последуют полезным трудам. Ваши закромы будут ломиться; но тяжёлая скука и своенравие не будут знать порогу вашего господскаго дома. Будущее благополучие детушек, воспитание, собрание честнаго имения: все виды достойныя добраго владыки дома и нежной матери и жены... вы видите, что я неимею недостатку в мельнице. Я мелю сам довольно исправно, не смотря на строгость зимы, которая так круто последовала самой снизводительной осени. Ночи у нас спорят о красоте с яснейшими днями. Луна бы могла меня восхитить своим величественным сиянием, ежелибы я еще был стихотворец. Но я становлюсь маленьким франтом, под руководством нашего Секунд Маиора, которой скоро надеется быть Пример Маиором и выступить под знамена Принца Нассау. Но до тех пор И.<ван>М.<атвеевич><Муравьев мл.>играет одну оперу за другой. Разделяясь между двух театров Матюшкиной и Графа Строганова, он соединяет плескания и удовольствия. Служивой наш Капитан Артиллерии З.<ахар> М.<атвеевич> <Муравьев> поехал сегодни поутру к батюшке своему в деревню. Батюшка просил его уговаривать Татьяну Васильевну с сестрою к вам ехать и он взялся уговаривать; но успех дела ненадежен; затем что оне живут у бедных сирот Антоновых, дочерей покойника Ивана Василье-

вича¹⁵⁵. Павел Львович <Батюшков>вам кланяется. Он сегодня в чинах. Семеновские офицеры имели сегодня стол у Государыни. Извините его гордость. Сколькобы приятно было, ежелибы славной мир зделал бесполезными сих Героев и послал их или повашему сеять гречу и просу в Никольских или бить табалу в Москву! (Л. 88-89).

<44>

29 ноября 1789 г.

1789 года Ноября 29 д.<ня>С.<анкт>П.<етер>Б.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Я упадаю под тяжестию поклонов, которыми нагроузили меня вчера барыни, ваши знакомья. Залогом чести моей обязался я им склонять имена их. Марья Ивановна, которая сверх того винится в своем молчании перед вами, обе ее дочери, с которыми я танцевал, Марфа Ивановна, Катерина Петровна Кумарина. Все наведываются о вашем образе жизни, о ваших маленьких и более всего есть ли надежда, когда нибудь вас увидеть на здешнем Горизонте. Я вас описываю им человеконенавистниками, нелюбящими Аглинского бала, живущих в деревне из угодности своему Губернатору, в тесном согласии с Капитаном Исправником. Этот странной тон писма, остаток того, в котором я писал только теперь к Василью Васильевичу <Ханыкову> в Москву может подать вам несправедливыя понятия о моей трезвости. Но я вас уверяю, что в сию минуту я пью только кофе, не преступая заповеди Алкорана. Бедные последователи Магомета побиваются везде, где встретятся и Рускими и Немцами. Северной друг его Густав, укрошен зимою, дает отдых и себе и нам. Один из чиновников его, щастлив пленом своим, Г.<осподин> Розенштейн¹⁵⁶, пляшет здесь, как доброй Руской, Контрабунду или у Матюшкиной аплодирует усердно нашему Ивану Матвеевичу <Муравьеву>, которой в крестьянском платье распевает водевили. Я имел удовольствие видеть его играющаго Rose et Colas¹⁵⁷ у Графа Строганова.

¹⁵⁵ Имя И.В. Антонова фигурирует в месяцесловах вплоть до 1789 г. (Степанов 2003: 30); в последнем он указан инженер-полковником, предводителем дворянской опеки в г. Луге С.-Петербур. губ. (Месяцеслов 1789: 120).

¹⁵⁶ М. фон Розенштейн (1755-1801) — шведский военачальник, адмирал; был взят в плен 13 августа 1789 г. в битве между островами Аспо, Легма и Леллер.

¹⁵⁷ Комическая опера М.-Ж. Седена (1719-1797); написана в 1764, на русский переведена М. Сушковой (ок. 1783 г.).

Jamais berger plus aimable ne parut dans la lucarne de sa bergere. Le Comte, qui est tout sentiment, en raffolle. Il l'aime bien tendrement. Однако не смотря на это, пастух хочет быть Героем и продеть в петлю Георгия. Прошедший понедельник был стол и бал крестосцам нашим. Некоторые вновь пожалованы: за 25 л<ет> Иоасаф Иовлевич¹⁵⁸ да за морскую баталию¹⁵⁹ четыре офицера Гвардии, Командиры Каск<уль>¹⁶⁰, Рахманов¹⁶¹, Соловой¹⁶², Безобразов¹⁶³, Волхонской¹⁶⁴, из морских Кутузов¹⁶⁵ и пр. J'ai retardé un peu ma lettre et mon pere, qui a promis d'aller passer la soirée chez Alex. F. <А.Ф. Муравьев> veut absolument que je finisse mon verbiage. Aussi lève de paroles. Notre cher père se porte assez bien. Son infirmité continue toujours, mais, je me flatte du moins, l'habitude du mal, en a émoussé la douleur. Son train de vie, toujours le même, est fort tranquille. Adieu. Je vous embrasse tous les deux ou tous le quatre plutôt. (Л. 90-91).

<45>

6 декабря 1789 г.

1789. Дек.<абр> 6 д.<ня>¹⁶⁶

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Едва я имею одну минуту праздную сказать вам, что я люблю вас от всего моего сердца, что я на дежурстве, что бал вчерашний и Комедия у Матюшкиной задержали меня до четвертаго часа за полночь. Судите, как я занят. Дай бог, чтоб вы здоровы были. Мы недавно праздновали именины Варвары Михайловны <Муравьевой> до потеряния разума. Прощайте. J'accompagne partout mon charmin cousin. Je me fais presque un mérite aux yeux de ceux qui ne me connoissent que de vue d'avoir un parent aussi aimable, aussi rempli de talens, que l'est notre Janot <И.М. Муравьев мл.>. J'ose brouiller de contredanses. On est tout émerveille de me

¹⁵⁸ И.И. Арбенин (1742-1808), за выслугу лет.

¹⁵⁹ Имеется в виду сражение при Рончесальме 13/24 августа 1789 г.; все перечисленные ниже участники битвы получили за нее орден Св. Георгия 4-го класса.

¹⁶⁰ Возможно, П.О. Каскуль (Коскуль), премьер-майор.

¹⁶¹ А.С. Рахманов (1755-1827).

¹⁶² Ф.Н. Петров-Соловово (1763-1826).

¹⁶³ Н.А. Безобразов (1770-1831) — русский военачальник. В 1789 г. за отличие в сражениях кроме ордена Св. Георгия 4-й степени получил чин прапорщика.

¹⁶⁴ Кн. Д.М. Волхонский (Волконский) (1769 или 1770-1835).

¹⁶⁵ Л.И. Голенищев-Кутузов (1769-1846).

¹⁶⁶ Приписка сверху: "Получено декабря 20 дня".

voir gambadé. Je m'apperois qu'on s'est accoutumé à me regarder en petit sauvage. Mais pour moi, je m'en trouve à merveille. Je ne sais si j'ai fort. Notre cousin Zachar M. <З.М. Муравьев> a fait une petite tournée chez son pere et son frere. Je ne nous reste que peu de jours après quoi il s'en va relever Nicolas <Н.Ф. Муравьев>, qui s'ennuye terriblement dans une bicoque à 40 werstes de Wiborg. Il a parû à mon père, que vous dissimuler un peu avec nous au sujet de votre santé. Puissiez-vous lettrejamais reduite à cette trichenecessif. Baiser un million de fois votre Serge et ses petits représentans, les seigneur Michel et Nicolas. C'est assez habillé. On ne finit point, des qu'on s'y est embarqué une fois. Adieu, portez-vous bien.

(Л. 92-92 об.).

<46>

13 декабря 1789 г.

1789 года. Дек.<абря> 13. д.<ня>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам всего того, в чем вы сами поставляете благополучие: благодетельность, удовольствие, взаимное согласие. Это все, я думаю, что может зделать человека щастливым. Хотители веселья? Спросите у нас. Я вчерась был на Аглинском бале, в лучшем обществе возможном, только что недоставало моей любезной сестры, которая зделалабы удовольствие несравненно приятнее. Сегодня мы обедали в маленьком обществе на Красном Кабачке и может быть письмо сие иметь будет некоторой остаток впечатления, которое обед сей произвёл над нами. Мы все очень веселы, очень разсеяны и не можем вообразить, чтоб можно было забавляться в деревне, без оперы, без французской Комедии и Контрабунды. Я не танцую сей прекрасной пляски. Однако, не смотря на то, я имею маленькия претензии. Я прошу извинить моё болтанье и не менее верить что я люблю вас, ваших маленьких, все почто вас касается, со всею страстию молодого человека и со всею постоянностию старика. Прощайте мои милые, я вас люблю от всего моего сердца и желаю вам всякаго благополучия.

(Л. 93-93 об.).

<47>

20 декабря 1789 г.

1789 года Декабря 20 д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Год спокойствия и благополучия отложили мы еще, вы в боярских теремах вашего мирнаго Никольскаго, возле житниц, которыя вы сами наполнили; мы в шуме и движении города, которой жалуется, что вы предпочли ему провинцию. Я поздравляю вас с последователем нынешняго года, которой зделает мне услугу, вручит вам сию грамоту. Может быть принесет он мне новой чин; но новое ли благоразумие, сомневаюсь. Капитан не позабудет своих милых племянников. Ето будет вся его рота.

Между тем извините беспечность и легкомыслие молодого человека моих лет, которой в свет вступает, день ездит верхом и приезжает дремать на бал. Я умалчиваю три четверти обстоятельств жизни столь порядочной. У нас здесь только вчера напал снежок. Глубокая осень, не зима. Река почти опасна. Четвертагодни Захар Матвеевич <Муравьев> поехал в выборг на смену Николаю Фёдоровичу <Муравьеву>. Варвара Михайловна <Муравьева> с именин своих в великой скуке, по причине тяжёлой болезни ея любимой Вареньки. Родители! ваши забавы куплены тысячью печалей и страданий! Ваша жизнь не множок полезнее жизни военных людей, которые не служат и философов, которые учат Нравучению, не исполняя его. Я желаю вам от всего моего сердца всякаго благополучия цалую вас мысленно и пребываю вечно ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(Л. 95-96).

<48>

20 декабря 1789 г.

1789 года Декабря 27 д.<ня>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Еще раз поздравляю вас с новым годом. Продолжайте быть столько же щастливы. За полторы тысячи верст я угадываю ваши желания и удовольствие, которое вы в сердце чувствуете при успехе каждаго добраго намерения. Ваши подданные конечно вас любят. Скоро будут любить дети и сказывать любовь свою. Сколько родитель, столько недостойной брат вас любит: ето вы знаете. Чего же недостает тому, кого все любят? Конечно очень малаго. Аглинских балов, опер, в которых поет Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> с таким обворожительным успехом. На

Бале и вчерась заговорили меня об вас Катерина Яковлевна и Марфа Ивановна. Непременное требование писать их поклоны. В самый праздник при дворе были святки превеселые. Теперь только приехали к нам Петр Иванович и Николай Иванович <Вульфы>из Твери на службу. Анна Федоровна и Любовь Федоровна здоровы и кланяются. Иван Иосафич Арбенев взят в Генерал-Адъютанты к Графу Кириле Григорьевичу¹⁶⁷. Варвара Михайловна <Муравьева> наша в крайней горести. Ея любимая варенька после долгого страдания скончалась. Я написал все что знал. Прощайте. (Л. 97-98).

¹⁶⁷ К.Г. Разумовский (1728-1803) — русский военный и государственный деятель.

Библиография

Державин 1864-1883: Г.Р. Державин, *Соч. с объяснительными примечаниями Я.[К.] Грота*: Т. 1-9 / Издание Имп. Академии наук. СПб., 1864-1883.

Державин 2005: *Державин и его время: Сб. научных трудов. Вып. 2*, Всероссийский музей А.С. Пушкина, СПб., 2005.

Дружинин 1933: Н.М. Дружинин, *Декабрист Н.М. Муравьев*, Изд-во политкаторжан, М., 1933.

Дружинин 2002: П.А. Дружинин, *Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752 — 1818)*, Трутень, М., 2002.

Зорин 2016: А.Л. Зорин, *«Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX вв.*, Новое литературное обозрение, М., 2016.

Ивинский 2017: А. Д. Ивинский, *М.Н. Муравьев в письмах к отцу 1778-1779 гг. (По материалам ОПИ ГИМ)* // Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов (сост.), *Карамзин и его эпоха*, Центр гуманитарных инициатив, М., 2017, с. 173-181.

Ивинский 2018а: А.Д. Ивинский, *Частная переписка XVIII в.: письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным* // Л. Тычинина (ред.), *Екатерина II и княгиня Дашкова: взгляд из XXI века*, Ленанд, М., 2018, с. 352-369.

Ивинский 2018б: А.Д. Ивинский, *Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ)* // «Новое литературное обозрение», 2018, CLIV, 6, с. 171-191.

Кашин 1925: Н. Кашин, *Мелочи прошлого. К биографии декабриста М.С. Лунина* // «Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник», 1925, XVII, 5, с. 241-243.

Кулакова 1939: Л.И. Кулакова, *М.Н. Муравьев* // «Учёные записки ЛГУ», 1939, XXXIII, 4, с. 4-42.

Кулакова 1976: Л.И. Кулакова, *Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева* // «XVIII век», 1976, XI, с. 16-22.

Лазарчук 1969: Р.М. Лазарчук, *О соотношении эпистолярной практики и художественного творчества М.Н. Муравьева* // *Первая карагандинская конференция молодых учёных. Тезисы и доклады*, Караганда, 1969, с. 323-324.

Лазарчук 1971: Р.М. Лазарчук, М.Н. Муравьев — критик (по материалам переписки поэта) // «Русская и зарубежная литература», 1971, II, с. 3-8.

Лазарчук 1972: Р.М. Лазарчук, *Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Государственный Педагогический Университет имени А. И. Герцена, Л., 1972.

Лаппо-Данилевский 2013: К.Ю. Лаппо-Данилевский, *Дружеское литературное письмо: специфика, истоки* // «XVIII век», 2013, XXVII, с. 121-153.

Майков 1867: Л.Н. Майков, *О жизни и сочинениях В.И. Майкова* // В. И., Майков, *Полное собрание сочинений*, СПб., 1867.

Месяцослов 1789: *Месяцослов с росписью Чиновных Особ в Государстве, на лето от Рождества Христова 1789* <СПб., 1789>.

Муравьев 1980: М.Н. Муравьев, *Письма* // *Письма русских писателей XVIII века*, Наука, Л., 1980, с. 259-354.

Правила издания 1990: *Правила издания исторических документов в СССР*, М., 1990.

Росси 1994: Л. Росси, *К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века* // «Slavica Tergestina», 1994, II, с. 91-115.

Серков, Рейзин 1994: А.И. Серков, М.В. Рейзин (сост.), *Письма Н.И. Новикова*, Изд-во им. Н.И. Новикова, СПб., 1994.

Степанов 2003: В.П. Степанов (сост.), *Русское служилое дворянство второй половины XVIII века*, Академический проект, СПб., 2003.

Топоров 2007: В.Н. Топоров, *Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие.*, Языки русской культуры, М., Кн. 3, 2007.

Фоменко 1981: И.Ю. Фоменко, *Из прозаического наследия М.Н. Муравьева* // «Русская литература», 1981, III, с. 119-126.

Фоменко 1984: И.Ю. Фоменко, *М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля* // Ф. Я. Прийма (ред.), *На путях к романтизму*, Наука, Л., 1984, с. 52-70.

Храповицкий 1874: *Дневник А.В. Храповицкого: 1782-1793: По подлинной рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова*. СПб., 1874.

Materials and Discussions

Эйдельман 1970: Н. Эйдельман, *Лунин*, Молодая гвардия, М., 1970.

Sacchini 1775: *La colonie, comédie en deux actes, imitée de l'italien & parodiée sur la musique su Sig. Sacchini*, Paris, 1775.

Teteni 1983: М. Teteni, *Письма родным М.Н. Муравьева (1778-1779) и их роль в становлении его литературного творчества* // М. Peter (red.), *Russica. In memoriam E. Balczky*, Budapešťskij Univ. Imeni L. Ětveša, Budapest, 1983, p. 215-231.

Reviews

Giulia De Florio

A. Pristavkin, *Inseparabili. Due gemelli nel Caucaso*, trad. di P. Deotto, Milano, Guerini e Associati, 2018.

My vse vojny šal'nye deti
(*Siamo tutti folli figli della guerra*)
B. Okudžava

Nočevala tučka zolotaja è l'opera più famosa di Anatolij Pristavkin (1931-2008). Pubblicata nel 1987, in piena *perestrojka*, valse al suo autore il Premio di Stato per l'anno successivo, diventando nel 1989 un film firmato dal regista Sulambek Mamilov per lo Studio cinematografico dei film per bambini e ragazzi "M. Gor'kij".

Come per molte opere riemerse da tenebre più o meno fitte nella seconda metà degli anni Ottanta, la pubblicazione sulla rivista «Znamja» di *Nočevala tučka zolotaja* fu un autentico evento: per la prima volta si prestava attenzione alla tragedia dei Vajnach (o Vainakh), le tribù stanziolate nelle regioni del Caucaso che avevano dato origine all'attuale popolo ceceno e al gruppo etnico degli Ingusci. Un tema che, purtroppo, ancora oggi fa capolino nella cronaca internazionale sotto forma di eccidi e violenze in cui lo scontro etnico si intreccia indissolubilmente a questioni geo-politiche.

Insieme all'uscita di *Deti Arbata* (1987) di Anatolij Rybakov, la *povest'* di Pristavkin fu uno dei primissimi indizi letterari di una nuova epoca, di quella *glasnost'* urlata da Gorbačëv e forse realizzata più a livello artistico che socio-politico. In realtà Pristavkin aveva scritto questa storia nel 1981, ma allora i tempi non erano ancora maturi per affrontare un argomento così delicato, proprio nel momento in cui gli spettri nazionalisti tornavano ad agitarsi alle prime incrinature della compagine sovietica, fino ad allora ritenuta incrollabile. I 4,5 milioni di copie vendute in brevissimo tempo sono la più diretta e concreta testimonianza della sete di verità che attanagliava – consapevolmente o meno – i cittadini sovietici, che nel corso di quegli anni avevano potuto sentir parlare e leggere, per la prima volta senza rischiare la prigione o il confino, Cvetæva, Platonov, Nabokov, Grossman, Mandel'stam e molti altri.

Forse non è un caso che nel raccontare momenti così cupamente complessi – che sia la faccia più feroce dello stalinismo narrata da Rybakov o la Seconda guerra mondiale che fa da sfondo a Pristavkin – entrambi

gli scrittori abbiano scelto l'ottica dei bambini e dei ragazzi, nonostante queste storie abbiano ben poco a che fare con la 'detskaja literatura' per contenuto e moduli espressivi. La prospettiva dei giovani, adottata anche dai maggiori autori dei romanzi lirici dal fronte (pensiamo a Baklanov, Bondarev, Vorob'ev e Astaf'ev), ha le sue ragioni:

Lo sguardo dei giovani è sempre fresco: la vista e l'udito sono incredibilmente acuti, le tinte pure. Lo sguardo dei giovani è sempre in fibrillazione, in fondo il mondo dei grandi, degli 'adulti' si svela per la prima volta. Lo sguardo dei giovani trabocca di speranza, speranza nella felicità, nella riuscita della vita. (Лейдерман, Липовецкий 2003: 166)

Il precedente più illustre, lontano cronologicamente, ma affine per la forza del linguaggio e delle immagini, è il primo romanzo di Grigorij Belych e Leonid Panteleev, quel *Respublika ŠKID* scritto di getto nel 1926 e pubblicato l'anno seguente con il plauso e l'incoraggiamento di Samuil Maršak e di tutta la redazione della sezione per l'infanzia del Gosidzat (Маршак 1971: 380-393). Anche in questo fondamentale *bildungsroman* sovietico che racconta la storia di alcuni ragazzi 'randagi', i cosiddetti *besprizorniki*, l'elemento autobiografico è il punto di partenza: i due autori si erano infatti conosciuti in una delle molte 'scuole per l'educazione sociale e individuale' sorte negli anni Venti in tutto il Paese per combattere la piaga dei bambini di strada e dei ragazzi abbandonati e dediti per lo più ad attività criminali.

Anche nel romanzo di Pristavkin l'elemento autobiografico è la molla che fa scattare il ricordo e il racconto: lo scrittore, proprio come i gemelli Saška e Kol'ka Kuz'min, cresce in uno dei moltissimi orfanotrofi che ospitavano bambini di varie provenienze, rimasti orfani a causa delle deportazioni, delle migrazioni forzate, della guerra:

Gli organi regionali avevano avuto la bella idea di decongestionare gli orfanotrofi dei dintorni di Mosca – nella primavera del '44 ce n'era un centinaio sparso per la regione. A questi ragazzi andavano aggiunti i *besprizornye*, che vivevano alla bell'e meglio dove capitava. (Pristavkin 2018: 25)

L'autore non si limita a specchiare il proprio vissuto nella vicenda dei 'gemelli inseparabili', ma inframezza la narrazione con inserti in prima persona, il più tremendo dei quali è un *flashforward* di sé adulto, negli anni Ottanta, quando incontra in una *banja* alcuni tra gli artefici della

volontà di Stalin, persone che stavano vivendo la propria vecchiaia senza problemi né tormenti di coscienza:

Dopo aver giocato con i nipotini, si ritrovano, riconoscendosi da segni invisibili, ma per loro evidenti. Il marchio impresso dalla loro professione dev'essere indelebile. (Pristavkin 2018: 249)

Le regole della colonia di Tomilino in cui incontriamo per la prima volta i protagonisti sono le stesse dappertutto, uno lo scopo:

Infinocchiare gli altri e non lasciarsi sorprendere – quello era il compito principale di ogni ragazzo della colonia.

Se vuole sopravvivere.

E tutti vogliono sopravvivere. (Pristavkin 2018: 146)

Eppure questo non basta ad annullare i sentimenti primigeni dell'uomo, la paura *in primis*, ma anche l'istinto di sopravvivenza:

È possibile ricreare, stando in un confortevole appartamento di Mosca, quella sensazione di terrore disperato che diventava tanto più intenso, quanto più aumentava il nostro numero?! Era come moltiplicato per la paura di ognuno di noi: eravamo insieme, ma ognuno aveva la propria paura, che lo afferrava alla gola!

Io mi ricordo soltanto – questa è la memoria della carne e quindi tanto più vera – che le gambe si piegavano per la paura, ma non potevano fare a meno di camminare, di correre: la fuga ci appariva come la nostra unica salvezza. (Pristavkin 2018: 161)

Ma a vincere è soprattutto la pietà, quel modo autentico (innocente, bambino) di guardare al frastagliato mondo umano, riscoprendone i valori più alti:

Non sarebbe stato meglio se fossimo rimasti tutti vivi, tu, loro, e noi? Non si potrebbe fare in modo che tutti vivano, senza darsi fastidio, come facciamo noi, che stiamo tutti insieme, fianco a fianco, nella nostra colonia? (Pristavkin 2018: 228)

La guerra raccontata dai Kuz'min devasta e uccide fisicamente e interiormente, perché cambia le priorità etiche dell'individuo, cerca di renderlo pietra, come osserva Regina Petrovna, l'educatrice che fa da madre ai gemelli, la figura più luminosa della *povest'*, nel rivolgersi a Dem'jan:

È la guerra che l'ha indurita. Ha indurito tutti quanti. È questo che è tremendo... (Pristavkin 2018: 211)

Lo scontro non è soltanto tra la vita e la morte, ma tra l'umano e il disumano, e nel libro la vittoria del primo sul secondo è suggellata nell'amicizia finale tra Kol'ka – rimasto completamente solo e perduto dopo la terribile morte del fratello – e Alchuzur, un bambino ceceno suo coetaneo che condivide lo stesso senso di abbandono e solitudine di Kuz'min, aggravato dalla mancanza di una terra d'origine¹. Nella ritrovata unione di due diversità si ricompone l'armonia perduta, si può accogliere ancora una volta la vita e tra le lacrime di Kol'ka risuona il *si* ritmato del treno che porta i due bambini verso un nuovo futuro.

Lo schema binario – per opposizione o parallelismo – è la struttura compositiva su cui si regge l'intera *povest'*: il lirismo altissimo di alcune scene e paesaggi accompagna le immagini più cruente, come l'incendio e la descrizione di Saška ucciso, che pare tratta da una favola dei fratelli Grimm (Pristavkin 2018: 222).

Il paesaggio sembra perciò sussumere le condizioni dell'intero Paese, nel quale al pacifico silenzio del gigante-Caucaso, muto e possente testimone degli eventi, si alternano i frastuoni delle bombe e degli aerei, le urla e le grida disperate di adulti e bambini spesso in fuga verso l'ignoto.

La composizione dicotomica pervade il racconto anche nei dettagli: i gemelli, benché inseparabili e indistinguibili, sono l'uno l'opposto dell'altro:

Saška, riflessivo, calmo, tranquillo, era una fucina d'idee. Non sapeva nemmeno lui come si facessero strada nella sua mente. Kol'ka, sveglio, agile, pratico, trovava in un lampo il modo di metterle in pratica, cioè di trarne un vantaggio immediato. (Pristavkin 2018: 15)

Il treno che li preleva da Tomilino,

¹ Come spiega Patrizia Deotto nella bella postfazione al romanzo, “alla fine del 1943 sul giornale di Groznyj, l'attuale capitale della Repubblica cecena, venne pubblicato un articolo in cui si riconosceva il contributo dato dai popoli caucasici nella guerra contro l'esercito nazista; nonostante ciò, pochi mesi dopo, nel febbraio del 1944, venne emanato un decreto del Presidium del Soviet Supremo, dove si ordinava la deportazione di tutti i ceceni e di tutti gli ingusci per tradimento e collaborazionismo col nemico, con l'esercito nazista e le autorità di occupazione tedesche” (Pristavkin 2018: 272).

come l'arca di Noè, raccoglieva dagli orfanotrofi *due* esemplari per ogni specie, perché adesso, come dopo il Diluvio Universale, vivessero insieme nella terra del Caucaso. (Pristavkin 2018: 30)²

Alla stazione avviene il primo incontro dei bambini russi con quelli ceceni: un treno è carico di orfani russi destinati al Caucaso, l'altro porta i piccoli ceceni verso la Siberia. I *due* vagoni che fatalmente si incontrano per proseguire in direzioni opposte, sono in realtà legati dallo stesso destino:

I nostri treni erano rimasti per un momento uno di fianco all'altro, come due gemelli, senza riconoscersi e si erano separati per sempre – ma il fatto che gli uni andassero verso il nord e gli altri verso il sud non significava nulla.

Eravamo legati da un unico destino. (Pristavkin 2018: 55-56)

L'“ossimorico binomio di euforia e terrore” (Piretto 2001: 111) è osservato dall'autore ora con violenta indignazione, ora con cinica ironia, attraverso la parodia degli slogan e delle ‘false verità’ della dittatura; alla celebre frase di Stalin secondo cui “non esistono fortezze che i bolscevichi non possano conquistare” fa eco amara la massima dei Kuz'min la cui unica fortezza da espugnare è la *chleborezka*, la stanza del pane:

Ma si sa che non esistono fortezze, cioè stanze del pane inaccessibili per un orfano affamato. (Pristavkin 2018: 17)

Infine la narrazione è modulata e arricchita da tantissime canzoni e poesie, ancora una volta presentate in una doppia lettura, come simbolo di riscatto personale, ma anche riflesso della severa sorveglianza imposta ai cittadini sovietici, ai bambini prima di tutto, in ogni ambito:

- Basta! Basta! – supplicò Pëtr Anisimovič, che si alzò perfino in piedi, stringendo la cartella contro il mento. – Questa non va bene. Cantate soltanto la prima. Quella delle imprese eroiche...
- E le altre? – domandarono alcune voci dal coro.
- Quali altre? Ne avete delle altre?
- Molte – risposero. *La troia, Murka, Perché Val'ka, puttana, te la tiri...*
- No, no! – disse Pëtr Anisimovič – queste tenetevele per voi! (Pristavkin 2018: 131)

² Corsivo mio, G. D. F.

La pubblicazione in italiano di *Nočevala tučka zolotaja* (con il titolo di *Inseparabili. Due gemelli nel Caucaso*) nell'ottima traduzione di Patrizia Deotto, inaugura una collana curata dall'Associazione Memorial Italia che intende far conoscere opere inedite o testimonianze importanti della letteratura dell'Europa Orientale, un ennesimo sforzo di memoria per recuperare un patrimonio letterario e storico rimasto a lungo nascosto o censurato. Queste storie, attraverso il filtro della narrazione autobiografica, sono l'acqua viva per far germogliare nuovi sensi e nuovi ricordi, per non rischiare l'oblio tanto temuto dai gemelli Kuz'min e dal loro autore:

Volavamo verso l'ignoto come i semi nel deserto. In realtà nel deserto della guerra. Ma prima o poi finiremo in una fessura, in una piccola fenditura, in un buco qualsiasi... E se fluirà la carezza premurosa dell'acqua viva, germoglieremo. Diventeremo un rametto gracile, un filo d'erba, il minuscolo filamento pallido di una patata, ma il fatto è che non interessiamo a nessuno. Potremmo anche non germogliare e cadere per sempre nell'oblio. E nessuno se ne preoccuperebbe.

Che esistiamo o no è lo stesso. (Pristavkin 2018: 33)

Per tutta la vita – come leggiamo poco dopo – Pristavkin diede gli stessi nomi ai protagonisti dei suoi racconti e romanzi, nella speranza che almeno uno dei bambini realmente esistiti e da lui incontrati si riconoscesse in quei personaggi e lo cercasse, gli dicesse che era germogliato, che quella nuvoletta dorata, che dà il titolo all'opera, aveva lasciato il segno, una traccia umida, prima di scomparire per sempre:

Forse quel colle era proprio lo scoglio e la rotonda la nuvoletta... Kol'ka si guardò intorno e sospirò. O forse la nuvoletta era il treno che aveva portato via con sé Saška. Oppure no. Adesso lo scoglio era Kol'ka che piangeva, perché era diventato di pietra, vecchissimo come quel Caucaso... Mentre Saška si era trasformato in una nuvoletta... *Who is who?* Noi siamo nuvolette... Una traccia umida... C'eravamo e non ci siamo più. (Pristavkin 2018: 232)

Bibliografia

Лейдерман, Липовецкий 2003: Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, *Современная русская литература. 1950-1990-е годы в двух томах*, Т. 1, Academia, Москва, 2003.

Маршак 1971: С. Маршак, *Собрание сочинений в восьми томах*, Т. 7, Художественная литература, Москва, 1971.

Piretto 2001: G.P. Piretto, *Il radioso avvenire*, Einaudi, Torino, 2001.

Pristavkin 2018: A. Pristavkin, *Inseparabili. Due gemelli nel Caucaso*, trad. di P. Deotto, Guerini e Associati, Milano, 2018.

Donatella Di Leo

M. Venditti, *Il volo sospeso di Gajto Gazdanov. Vita e opere di uno scrittore russo emigrato Parigi*, Mimesis, Milano – Udine, 2018.

Alla fine di febbraio 1930, a breve distanza dall'uscita del primo romanzo di Gajto Gazdanov, *Una serata da Claire*, presso l'editore parigino Ja. E. Povolockij, Maksim Gor'kij, ringraziando per il libro che gli era stato inviato dal giovane scrittore emigrato per il tramite di Michail Osorgin, poteva già individuare con apprezzabile precisione l'effetto della produzione artistica di un autore talentuoso sulla sua coscienza di letterato: "Ho letto [il libro] con grande piacere, anzi con soddisfazione: non accade spesso, sebbene io legga molto. [...] Lei ha un talento originale" (Gazdanov 2009: 39). Gor'kij, giova ricordarlo, si teneva informato su tutto il panorama letterario a lui contemporaneo, senza trascurare gli autori emergenti, potendo vantare un'esperienza di vita 'amara', che gli consentiva di solidarizzare con i talenti letterari in difficoltà economiche, e una posizione letteraria consolidata anche come *talent scout*. L'anno dopo, il più importante prosatore dell'emigrazione russa in Francia, Ivan Bunin, accoglieva con molto favore *Una serata da Claire* e, in generale, le prove letterarie del giovane prosatore tanto che, in un impeto esagerato di critica, Teffi rimproverò a Bunin di farsi trasportare da una "cieca passione" che Gazdanov – a suo dire – certo non meritava (Orlova 2003).

Giunto a Parigi dalla Bulgaria, Gajto Gazdanov, osseta di origine, svolge i più svariati mestieri fino al 1926, quando comincerà a lavorare alla Renault. Proprio la costante difficoltà economica gli impedirà di dedicarsi serenamente all'attività letteraria, come più volte ammetterà nelle lettere agli amici e ai redattori delle riviste sulle quali pubblicherà racconti e romanzi. Le ristrettezze economiche, d'altronde, interessavano quasi tutti gli emigrati russi parigini, come si evince anche dalla testimonianza di Isaak Babel' riportata dal pittore e amico Jurij Annenkov nel *Diario dei miei incontri* (1966): "Ho una famiglia, moglie e figlia [...], li amo e devo mantenerli. Ma non voglio assolutamente che tornino nel sovietismo [*sovetčina*]. Devono vivere qui in libertà. E io? Rimanere anch'io qui e diventare taxista, come l'eroico Gajto Gazdanov? [...] Autista o no, resterò un cittadino libero..." (Annenkov 1991: 301).

Dal 1928 al 1952 Gazdanov presta servizio come tassista – un classico per gli emigrati russi, e non solo – professione che gli permette di conoscere molti aspetti della vita parigina, anche i più cupi e sconvenienti, confluiti poi nel romanzo *Le strade di notte* (1939-40). Trasferitosi a Monaco di Baviera nel 1953 per lavorare a Radio Svoboda (Radio Liberty), la situazione economica si stabilizza e con essa anche la dedizione all'attività letteraria (scrive romanzi più complessi e più organici in questi anni) e all'attività massonica (nel 1961 diventerà maestro venerabile della loggia *La Stella del Nord*).

Quel che più colpisce della parabola creativa di Gazdanov è certamente la fedeltà alla lingua russa, che egli mai abbandonerà, tranne che in una breve parentesi costituita dal romanzo documento *Je m'engage à défendre* (1946) sull'esperienza della resistenza francese, alla quale lo scrittore partecipa attivamente. Consapevole di non appartenere agli “autori emigrati”, come scrive a Gor'kij il 3 marzo 1930, nel 1935 si rivolgerà nuovamente all'ideologo del realismo socialista per chiedergli un aiuto per ritornare in patria, schiacciato nella morsa delle difficoltà finanziarie, ma anche cosciente di aver vagabondato in terre straniere dall'età di 16 anni.

Il libro di Michela Venditti prende corpo dall'ampliamento di precedenti studi su Gazdanov svolti nel contesto di un progetto di ricerca internazionale sulla corrispondenza editoriale della rivista «Sovremennye zapiski» («Annali contemporanei»), edita a Parigi dal 1920 al 1940, in particolare sullo scambio epistolare inedito tra Gazdanov e i redattori della rivista. I risultati del lavoro nell'archivio di uno dei più importanti periodici della prima emigrazione russa sono stati pubblicati da Venditti nel 2013, nel terzo volume della pregevole pubblicazione della corrispondenza della redazione della rivista (Korostelev, Schrubba 2011-2014), apparsa per i tipi della casa editrice moscovita Novoe literaturnoe obozrenie in quattro volumi dal 2011 al 2014. Se nell'articolo la studiosa introduce, riporta e commenta la costellazione delle 59 lettere inedite tra Gazdanov e la redazione della rivista, risalenti al periodo compreso tra il 1932 e il 1939 – il periodo, cioè, di massima produttività letteraria di Gazdanov, la cui immagine viene definita e precisata da molti dettagli, anche biografici, che emergono da queste lettere – il libro in oggetto estende considerevolmente l'analisi a tutta la biografia e all'intera produzione letteraria dello scrittore russo emigrato, assicurando tuttavia completezza e organicità di trattazione di respiro monografico. Seguendo l'evoluzione biografica e artistico-creativa di Gazdanov, il volume si compone di sei capitoli (di cui il primo presenta, sia pure in

maniera sommaria, un'utile introduzione sulla prima ondata migratoria russa) e di un'appendice contenente due articoli, offerti per la prima volta in traduzione italiana, con i quali l'autore russo interviene nel dibattito letterario del suo tempo: *Note su Edgar Poe, Gogol' e Maupassant* (1929) e *La giovane letteratura dell'emigrazione* (1936). Il primo motivo di attenzione della studiosa, accanto alla puntuale rassegna delle opere in prosa di Gazdanov, consiste nella ricerca dell'elemento biografico e, per certi tratti, ideologico nel complesso narrativo di ciascuna opera, dunque tanto nei primi racconti quanto nei romanzi della maturità, procedimento che rivela una ponderata analisi di tutta l'opera gazdanoviana e conferisce sistematicità al saggio presentato. Uno dei meriti più rimarchevoli della ricostruzione analitica di Venditti è certamente l'aver rintracciato gli elementi massonici presenti nelle opere di Gazdanov sin dal 1932, l'anno della sua iniziazione nella loggia fondata da Michail Osorgin *La Stella del Nord* e basata sul motto "Conoscenza, Indipendenza, Creazione", confermandoli mediante il confronto con i relativi protocolli custoditi nel Fondo massonico russo della Bibliothèque Nationale de France. Certo, la presenza delle idee massoniche nell'opera di Gazdanov è un dato già assimilato dalla critica (Krasavčenko 2000 e Serkov 2009), ma Venditti lo rintraccia in quasi tutte le opere scritte dopo il 1932, che manifestano spesso un intento didascalico e una visione del mondo protesa al perfezionamento. Così, per esempio, nei racconti *Felicità* e *La terza vita*, apparsi su «Sovremennye zapiski» nello stesso anno della sua iniziazione, si notano motivi introspettivi, come la perdita della vista per ritrovare quella interiore e la ricerca di un nuovo inizio, elementi di una visione massonica che ritorneranno sia nel romanzo *Il volo* (pubblicato parzialmente nel 1939 su «Russkie zapiski», in edizione integrale nel 1992 a cura di L. Dienes e L'Aia e, l'anno successivo, in Russia sulla rivista «Družba narodov», nn. 8-9), che in maniera preponderante nei romanzi del dopoguerra, come *Il ritorno di Buddha* (1949-1950), *Pellegrini* (1953-1954) e soprattutto *Il risveglio* (1965-1966): "Nell'ultima prosa di Gazdanov l'impegno morale dello scrittore diventa dominante e si lega in modo inscindibile alla diffusione dell'utopia massonica, approdo finale di un emigrato che non si sente più a suo agio in nessun luogo e in nessun tempo" (Venditti 2018: 131).

A fronte di questi caratteri ben rilevati, l'apporto di maggiore importanza dato dall'ampio studio di Venditti consiste nell'esame dell'intera opera dell'emigrato russo confrontando e individuando rimandi intertestuali a opere precedenti e coeve che da un lato mostrano l'ampia

erudizione di Gazdanov, dall'altro elevano la scrittura gazdanoviana a un grado che possa annoverarlo tra i grandi scrittori della letteratura russa novecentesca (Gazdanov non si sentiva parte della letteratura dell'emigrazione). L'acribia filologica sottesa a tutta la trattazione è inoltre confermata da numerose citazioni dalle opere gazdanoviane e dall'indicazione di connessioni intertestuali, come accade nel raffronto tra *Il drago* di Zamjatin (1918, 1922) e il racconto omonimo di Gazdanov (1928), oppure nella segnalazione di rimandi stilistici propri di una tendenza letteraria o di uno specifico autore. "Un titolo, uno stile, una citazione da un classico russo o francese, come ad esempio Baudelaire o Balzac, fornisce a Gazdanov uno spunto e una chiave di lettura per la propria elaborazione letteraria. Per lo scrittore ciò significa inserirsi in una tradizione e allo stesso tempo rinnovarla e renderla attuale" (Venditti 2018: 36-37). Lo stile composito dei primi racconti chiarisce l'influenza sia dei grandi scrittori della letteratura russa, che delle tendenze contemporanee, riscontrabili nel carattere sperimentale della tecnica narrativa del primo Gazdanov: "[...] dai tratti avanguardisti di *L'Albergo dell'avvenire* alla stilizzazione in *L'avventuriero* o in *Biografia*, dalla prosa composita del *Racconto di tre disgrazie* all'onirico *La prigione d'acqua*. [...] un vero laboratorio di scrittura [...], il cui risultato veniva percepito dai lettori e dalla critica come insolito nel panorama della prima emigrazione" (Venditti 2018: 36). Un posto di rilievo è riservato, poi, alla critica e alla ricezione di ogni singola opera gazdanoviana, riferita in maniera puntuale dall'autrice che, talvolta, disapprova con delicatezza e determinazione letture inadeguate o miopi dei racconti e dei romanzi, come accade nelle recensioni al racconto *La prigione d'acqua* (1930), nel quale i critici notano influenze proustiane (rilevate anche in *Una serata da Claire*) considerate immotivate, poiché "il racconto [...] non si sofferma sul ricordo, ma sulla propria immaginazione, sulle proprie visioni oniriche" (Venditti 2018: 54) o nella ricezione de *Il volo* e dell'ultimo romanzo edito, *Evelina e i suoi amici* (1968-1971), non adeguatamente accolti dalla critica. E quindi si prenderà nota – come mostra Venditti – della diffusa pratica del gioco stilistico e del rimando intertestuale nella creazione letteraria di Gazdanov, interpretando questa frequenza esattamente come un procedimento autentico e caratterizzante della sua prosa pienamente originale e innovativa, che è il risultato sì dell'assimilazione della tradizione, ma anche della rielaborazione di caratteri di segno opposto, come l'impiego di mezzi letterari tipici del modernismo e del postmodernismo nei racconti della prima fase produttiva. Queste rilevanti correzioni di visione che Venditti introdu-

ce nell'interpretazione della prosa gazdanoviana si giovano, come abbiamo già osservato, di una rilettura autonoma e completa delle opere dello scrittore emigrato, delle indagini su materiali d'archivio, ma anche degli interventi critici apparsi sulle riviste dell'epoca e offerti da nomi autorevoli, quali, tra gli altri, Georgij Adamovič, responsabile della rassegna letteraria della rivista «Poslednie novosti» («Ultime notizie»), Vladislav Chodasevič, redattore letterario di «Vozroždenie» («La rinascita») e Pëtr Pil'skij, *columnist* di «Segodnja» («Oggi»). Il merito fondamentale di Venditti è stato, dunque, quello di perfezionare la ricezione gazdanoviana, in parte accolta, in parte distanziata, proponendo nuove chiavi di lettura per l'approccio critico all'intera opera dell'osseta, indicando gli elementi di continuità e di novità rispetto alla tradizione letteraria russa e soprattutto mostrando le linee originali seguite dallo scrittore per offrire soluzioni narrative congeniali, come la ripresa della tecnica del montaggio nella "trilogia criminale" del 1927 (*Storia di tre disgrazie, Racconti sul tempo libero, La società dell'otto di picche*) e nel racconto *Errore* (1938).

Bibliografia

Annenkov 1991: Ju. Annenkov, *Dnevnik moich vstreč. Cikl tragedij*, Iskusstvo, Leningrad, 1991, v. 1.

Gazdanov 2009: G. Gazdanov, *Sobranie sočinenij v pjati tomach*, Ellis Lak, Moskva, 2009, v. 5.

Korostelev, Schrubba 2011-2014: O. Korestelev, M. Schrubba (red.), «Sovremennye zapiski» (Pariž, 1920-1940). *Iz archiva redakcii*, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moskva, 2011-2014.

Krasavčenko 2000: T. Krasavčenko, *Gazdanov i masonstvo*, in M. Vasil'eva, *Vozvraščenie Gajto Gazdanova: naučnaja konferencija, posvjaščennaja 95-letiju so dnja roždenija*, Russkij put', Moskva, 2000, pp. 144-151.

Orlova 2003: O. Orlova, *Gazdanov, Molodaja gvardija*, Moskva, 2003 (<https://www.litmir.me/br/?b=135517&p=47>, 26 novembre 2018).

Serkov 2009: A. Serkov, *Masonskie doklady*, in G. Gazdanov, *Sobranie sočinenij v pjati tomach*, Ellis Lak, Moskva, 2009, v. 3, pp. 729-731.

Venditti 2018: M. Venditti, *Il volo sospeso di Gajto Gazdanov. Vita e opere di uno scrittore russo emigrato a Parigi*, Mimesis, Milano-Udine 2018.

Татьяна Кузовкина

Автобиография на фоне истории ¹

**И. Юров, *История моей жизни*, Редактор
Антон Голицын, Издательский дом «Ры-
бинск», Рыбинск, 2017.**

История моей жизни – мемуары вологодского крестьянина Ивана Яковлевича Юрова (1887–1964), хранившиеся долгие годы в семье и только недавно предоставленные для публикации. Мемуары охватывают период с 1887 по 1935 годы и описывают участие автора в переломных событиях российской истории: революции 1905 года, первой мировой войне, реформах сельского хозяйства после революции 1917 года, жизни во время НЭПа и коллективизации. Они дополняют малочисленный ряд крестьянских мемуаров (под точно таким же названием вышли мемуары Николая Шипова), и, как и предыдущие издания, дают “поперечный разрез” жизни своего времени – глазами “обыкновенного” ее участника (Карпов 1933).

После трех классов приходской школы Юров использовал любую возможность для того, чтобы заниматься самообразованием: много читал, записывал рассказы бабушки и дедушки (сохраняя диалектные особенности их речи); выучил немецкий язык, находясь в плену в Восточной Пруссии; писал стихи и рассказы (часть из них вошла в книгу), а к 1935 году закончил свои обширные автобиографические записки.

Автор *Истории* не раз подчеркивает, что он атеист, хотя многие эпизоды повествования свидетельствуют, насколько необходимо для него было осмысление собственного места в быстро меняющемся мире – честный разговор с самим собой, заменяющий исповедь. Постоянная работа над стилем – выражение себя в слове – тоже выполняет исповедальную функцию. К концу записок мы видим, как литературный стиль Юрова усовершенствуется, на наших глазах исполняется его мечта – быть писателем. Текст записок сложно организован: в нем есть и подробные зарисовки быта (с точным называнием цен и норм выдачи продуктов, описанием жилищ, одежды, обрядов, праздников), и глубокий самоанализ, и

¹ Работа выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке (PUT 1366).

размышления на политические темы, и портреты крестьян, священников, купцов, учителей, партийных работников.

В предисловии от автора Юров сначала обращается ко всем читателям: “Написал я историю своей незадачливой жизни для сына своего Леонида”, но уже в следующем предложении адресат – только сын: “Кроме этого мне нечего тебе оставить. Я льщу себя надеждой, что когда-нибудь в часы досуга ты без особой скуки помотришь мои записи. Тут ты увидишь не только историю моей жизни, но и историю прошлой жизни нашего глухого угла, которую я старался изобразить возможно понятнее и правдивее” (Юров 2017: 8). Эпический тон предисловия с использованием сентиментальных клише (“я льщу себя надеждой”, “часы досуга”, “моя незадачливая жизнь”), и – главное – игра с адресацией свидетельствуют о том, что Юров все же рассчитывал увидеть свои воспоминания опубликованными.

Иван Юров был по натуре странником и искателем правды (черты его напоминают героев Андрея Платонова), человеком с обостренным чувством справедливости, требовательным к себе и к окружающим. В *Истории* есть немало примеров, свидетельствующих о его врожденной интеллигентности и неспособности к хамству. В детстве под влиянием бабушки мальчик рос очень богобоязненным. Еще в школе он ‘заболел’ жаждой печатного слова, уважением к нему и верой в то, что все написанное не может не быть правдой. Автобиографическое повествование Юрова – яркая иллюстрация к теории Юрия Лотмана о взаимодействии читателя и текста. В структуре каждого текста заложен образ его читателя. Вступая в общение с текстом, читатель проделывает огромную работу по самовоспитанию – он вынужден подняться до того уровня, который ожидает от него автор. Работа по самовоспитанию ведет к изменению жизненного поведения читателя, он начинает применять в жизни “книжные” модели поведения (Лотман 1997: 55–61). Первое сильное книжное впечатление Юрова – религиозная литература. Мальчик не только ее перечитывал по многу раз и выучивал наизусть, но и жил, подражая книжным героям. Прочитав житие святого Пафнутия Боровского и то, как тот втайне помогал монахам, принося им ночью воду, Иван тоже начинает по ночам выполнять тяжелую работу, чтобы помочь семье (Юров 2017: 21–22); прочитав житие Стефана Пермского, мечтает о том, как отправиться проповедовать среди язычников (Юров 2017: 456). Но дальнейшая жизнь круто меняет мировоззрение Юрова.

В Петербурге, во время работы в госпитале для инвалидов русско-японской войны, он узнает от них всю “правду про царя и Бога”, начинает читать нелегальную литературу. Как и прежде, все напечатанное Юров принимает близко к сердцу и постепенно становится активным распространителем новых знаний, воинствующим атеистом и борцом за революционные идеалы. Юров мечтает построить ‘социалистический рай’ на родной Вологодской земле. Его план жизни в коммуне (совместное хозяйство, отделение детей от родителей, разрушение семейного уклада) кажется теперь, после текстов Оруэлла и Замятина, чудовищным. Страшной насмешкой над идеями автора звучит смерть его любимой дочери, отданной в ясли и заболевшей от недоедания и плохого ухода. Потрясенный этим событием Юров впервые пожалел, что потерял веру в Бога и не может надеяться на встречу с дочерью в загробном мире.

Описывая честно и подробно мрачную реальность советской жизни (и в организованной им коммуне “Прожектор”, и в других, куда его заносила судьба в разных областях России), Юров не отказывается от своих коммунистических идеалов. Виновники для него – безответственные руководители, их развратные и жадные жены, пьяницы и лентяи. Сетования на необразованность и неразвитость народа, на неготовность его самоотверженно строить новое прекрасное будущее – один из повторяющихся мотивов: “В книгах и газетах я читал о новых людях, а встречать в жизни, в действительности мне не посчастливилось” (Юров 2017: 454).

Видя, что реальная жизнь не соответствует его идеалам, Юров пытается спастись уходами – из родных мест, с разных работ, из организованной им коммуны. За неподчинение партийной дисциплине (потерю партбилета и нежелание оставаться на работе в райкоме) его исключают из партии. Эти уходы, как признается сам автор в конце записок, спасли его от репрессий. Если в ранних эпизодах *Истории* встречаются обличительные выпады в адрес кулаков, то в конце книги автор справедливо замечает, что его самого могли бы объявить кулаком и никакие объяснения не остановили бы советской репрессивной машины. Особенно трагическим представляются рассуждения автора о голоде на Северном Кавказе и Украине: “[...] неужели это было сделано преднамеренно, чтобы предупредить ‘Вандею’? [...] Ведь не может же быть, чтобы наше правительство считало всех крестьян Украины и Северного Кавказа врагами социалистического государства и поэтому не подало руки помощи”. Но все же Юров не способен усомниться в

идеях советского государства, потому что с ним сотрудничают лучшие, по его мнению, люди – писатели-просветители: “Ведь наше правительство – не правительство Гитлера, с нашим правительством нога об ногу идет такой великий человек, как Максим Горький” (Юров 2017: 467).

Любое насилие и убийство претит натуре Юрова. На германском фронте он отговаривает товарищей стрелять в случайно оказавшихся безоружными немцев, мотивируя тем, что они (как и русские солдаты) попали на войну не по своей воле. Искренне преданный делу революции, он сомневается в том, что сам сможет осуществлять революционный террор: “Новый порядок и для меня пришел не таким, каким я его представлял и ожидал. Я думал, что когда трудящиеся возьмут власть, им, поскольку их подавляющее большинство, не нужны будут меры устрашения, которые применялись властью эксплуататорского меньшинства, не нужны будут казни. [...] С одинаковым ужасом я думал как о том, если бы я был поставлен под расстрел у готовой могилы, так и о том, если бы мне дали винтовку и приказали стрелять в осужденного” (Юров 2017: 243). Постепенно Юров приходит к мрачному выводу, что новая советская жизнь и распространение образования не делают людей лучше: “Пока я жил в деревне, я представлял себе культурных людей иными, думал, что им чужды подхалимство, чванство и тому подобные проявления души. Но оказалось, что крестьянская масса, среди которой я до сих пор жил, в этом смысле более здорова” (Юров 2017: 294).

Большое место в мемуарах и в рассказах занимает тема семейного деспотизма. Приводя психологические и социальные причины его возникновения, Юров подробно описывает болезненную агрессию своего отца, его жесткое обращение с женой и детьми. Отец-деспот становится и героем рассказов Юрова, например, рассказа *День. Один из многих*: “Они видели все происходящее между отцом и матерью, им до боли было жаль мать, они были бы рады, если бы отец сейчас тут внезапно умер. Он был для них только ужасным чудовищем, перед которым приходилось все время трепетать” (Юров 2017: 516–517). Несмотря на революционные идеи, для автора записок высшей ценностью остается семья. Беспощадный к людским порокам, Юров как человек с христианским сознанием строго обличает и себя самого, не скрывая темных сторон своего характера. Он ‘исповедуется’ в своих грехах: и в желании убить тирана-отца, и в собственной неуравновешенности, приводящей к

вспышкам гнева и агрессии, и в совращении работницы Ольги, и в страданиях, которые он приносил ей и жене, деля себя между двумя женщинами.

Запрятанная глубоко внутрь тема веры находила выход в художественном творчестве Юрова. Последняя страница книги (окончание рассказа *Раннее детство*) – описание ярких детских впечатлений о праздновании Пасхи (Юров 2017: 531). На фоне многих подробно описанных страданий ‘нового’ советского человека, она звучит неожиданной светлой нотой, усиливая трагическое звучание всего текста записок “апостола” (как звали Юрова в детстве), ставшего атеистом.

Библиография

Карпов 1933: В. Н. Карпов, *Воспоминания, Ник. Шипов, История моей жизни*, Подготовка текста к печати П. Л. Жаткина, Предисловие Н. В. Яковлева, Academia, Москва; Ленинград, 1933.

Лотман 1997: Ю. М. Лотман, *Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам*, Т. 9, *Ученые записки Тартуского государственного университета*, Вып. 422, 1997, с. 55–61.

Ярослав Голубинов

Н.Н. Козаков, *Дневник. 1962*, Глущенкоиздат, Москва, 2016.

Создается впечатление, что последнее десятилетие отмечено каким-то особым интересом исследователей и широкой публики к (авто)биографиям, да и вообще эго-документам различной формы (Суржикова 2014). И 1990-е, и 2000-е годы также не были обделены подобными публикациями, массив введенных тогда в научный оборот документов огромен. А уже во втором десятилетии XXI века изучение дневников, писем и иных эго-свидетельств прошедших (особенно советской!) эпох значительно изменилось за счет появления новых возможностей работы с документами (в первую очередь, доступность оцифровки и распространения посредством сети Интернет).

Иногда так случается, что героем какого-то проекта, сочетающего в себе разные типы публикаций новообнаруженных эго-документов, становится человек незаметный, ничтожный по историческим меркам, или, если взять расхожий литературоведческий термин, ‘маленький человек’. В жизни такого ‘маленького’ героя можно обнаружить как и вещи совершенно типические, так и нечто экстраординарное, не вписывающееся в устоявшиеся представления о той или иной эпохе.

Для художника Кирилла Глущенко¹ идеальным способом показать это смешение типического и экстраординарного в эпоху позднего социализма в СССР стало обращение к дневниковым записям и фотографиям нижегородца Николая Козакова (1932–2005). Выпуск дневниковых записей Козакова за 1962 год в виде отдельной книги² стал частью обширного художественного проекта, названного “Глущенкоиздат” и имитирующего работу какого-то крупного советского (или российского) издательства (Гуськов 2016). Именно это издательство и указано в выходных данных книги.

Изящно изданный *Дневник. 1962* стал частью отчетной выставки, устроенной Кириллом Глущенко, и получил дополнение в виде ‘радиопостановки’ (так определен жанр этих аудиозаписей) Нико-

¹ О нем и его работах см. подробнее сайт: <https://kirillgluschenko.net/>, 6 октября 2018.

² Электронная публикация дневников Козакова за 1948, 1949 и 1962 годы размещена на сайте *Прожито*: <http://prozhito.org/person/257>, 6 октября 2018.

лай Козаков. *Дневник. 1962* и десятков фотографий, сделанных Козаковым и его друзьями, оцифрованных и выложенных на специальном сайте 1962.gluschenkoizdat.ru, ныне, к сожалению, уже не существующем. Однако ‘радиопостановку’ можно найти на YouTube³, а часть фотографий доступна на личном сайте художника⁴. Характерно, что они также намеренно оформлены в виде типичного набора советских открыток с не типичными для такого жанра бытовыми сюжетами.

Итак, Николай Козаков, большую часть жизни проживший в небольших городках и селах близ Нижнего Новгорода (Горького), стал для художника выразителем судеб тех людей, что живут в неприметных пятиэтажках, в которых, однако, видятся не дома, а “множество спрессованных судеб” (Гуськов 2016).

Известно, что Козаков, как и миллионы его соотечественников, вынужденный приспособляться к причудливым поворотам советской истории, прожил меж тем жизнь ничем не примечательную. Он родился и рос в Ленинграде, а затем, как и тысячи других горожан, был эвакуирован в Горьковскую область, где его мать трудилась в различных образовательных учреждениях (дневник 1962 года застаёт ее в детском интернате в селе Кадницы Кстовского района Горьковского области). Потом, судя по всему, он неудачно учился в вузе (дневник глухо упоминает о несостоявшемся высшем образовании) и работал шофером. В 1962 году он успел уволиться из строительного треста, затем водил грузовики на стройках в Казахстане, но уехал и оттуда и весь оставшийся год искал работу в Кстово и Горьком. К сожалению, неизвестны подробности его жизни после 1962 года. Вероятно, он заочно учился в одном из московских вузов на историческом факультете. Его архив после смерти был передан исследователям супругой Козакова, но была ли это одна из тех женщин, что мелькают на страницах дневниковых записей 1962 года, непонятно. Через несколько лет после 1962 года Козаков забросил свои дневники, но страсть писать взяла свое, и он начал новые тетради, уже в виде ‘Дневников охоты и рыболовства’ (он был большой любитель подобного времяпрепровождения).

Дневник Козакова 1962 года не преподносит каких-то откровений. Да и сложно ожидать подобного. Записи Козакова, жившего на

³ https://www.youtube.com/channel/UCw1lA0laBeFw4YMo0aEg_A/featured, 6 октября 2018.

⁴ <https://kirillgluschenko.net/Nikolay-Kozakov-Benign-duplicates>, 6 октября 2018.

отшибе и в географическом (села Кадницы находятся в полусотне километров от города Горький) и в социальном смысле (его окружение было самое простое и знакомств среди партийной элиты или известных творческих деятелей у него не было), не могут похвастаться динамичным сюжетом или необычными характеристиками. Однако для любителя деталей дневник Козакова предстает кладезем наблюдений за жизнью советских граждан в 1962 году как в сельской местности, так и в шумных столичных и региональных центрах.

Дневник, как ему и положено, день за днем освещает жизнь Козакова в Кадницах, Кстово, Горьком, Челкаре, Москве и Харькове. Любопытно, что автор в первых же записях оценивает свою жизнь как интересную и достойную увековечения для потомков:

Какой же я мудака, что не пишу дневники! Сколько интересного у меня в жизни было, есть и будет, особенно теперь, когда я взрослый, вполне познавший прелесть Бахуса и Венеры! Буду писать. Насколько хватит пороку. 7 января. (Козаков 2016: 12)

Для самого Козакова дневники, помимо средства коммеморации, долгое время оставались, видимо, важным способом психотерапии и самоанализа. Так, Козаков остро переживал прошедшее во время чтения своих давних дневников:

Читая 20-й и 21-й дневники [дневник за 1962 год по счету 42-й — Я.Г.], я так остро ощутил дыхание унесшихся лет и в то же время так почувствовал опять то, что было тогда, 13 лет назад, что готов был заплакать. ... Первые зори человеческой весны, где вы? Зачем вы ушли в безвозвратную бездну Времени? 14 января. (Козаков 2016: 22)

С первых страниц Козаков способен удивить неожиданными подробностями его вполне тривиальной работы, выставляющими его в далеко не лучшем свете:

И сколько раз я зарекался воровать, но как увижу какую-нибудь хорошую вещь в государственном кармане — так живот болит. Обязательно воровую. 10 января. (Козаков 2016: 18)

Между тем, Козаков, судя по его записям, был хорошим шофером, знавшим свое дело и любившим копаться в технике. Десятки стра-

ниц посвящены подробным описаниям переборки двигателей разных машин, заботам и хлопотам по покупке запчастей, а также, конечно, и попыткам сбыть (продать или обменять на нужные ему приспособления) украденные в самом начале года детали машин из гаража строительного треста.

К этой стороне его жизни тесно примыкает и другая, а именно — обильные возлияния с друзьями чаще всего у кого-нибудь дома или на природе и редко в кафе или ресторанах (в Кадницах их просто не было). Дорогие заведения типа кафе, ресторанов или баров, в которых можно было наткнуться на ‘пару влюбленных стилиг’, Козаков позволял себе посетить в крупных городах, где и обслуживание (“с ходу завалились в ‘Метрополь’”, где “почтенные швейцары раздели нас и проводили в зал” [Козаков 2016: 143]), и ассортимент напитков (например, коктейли — “ароматная жидкость со льдом и вишенками на дне”) были соответствующими. Там же были у Козакова эпизодические встречи с иностранцами, хотя “с иностранцами, а особенно с американцами, разговаривать запрещается” (Козаков 2016: 145).

И *Дневник. 1962*, и записи за другие года рисуют Козакова человеком очень дотошным, но одновременно разбрасывающимся и безответственным. Так, он постоянно заводит интрижки с разными женщинами, одновременно забывая навестить свою дочь от первого неудачного брака и укоряя себя за это в дневнике. Козаков легко заводил романы (и куда девалось его заикание, которое ему явно мешало и лечить которое он ездил в 1962 году в Харьков?), но некоторые из них сильно тяготили его. Именно в описаниях отношений язык Козакова становится довольно чувственным (“откровенный порнограф”, как он сам признается), но при этом сбивается иногда на какие-то наукообразные клише (“у физиологии свои законы, не имеющие идентичности с нашими требованиями. 18 января” [Козаков 2016: 31]).

Козаков одновременно и продукт советской системы воспитания, усвоивший страсть к просвещению (часто ходил в кино, собирал грампластинки и книги), и острый ее критик, скрупулезно подсчитывавший количество выпитого, съеденного, купленного и потерянного, и не устававший обвинять власть в повышении цен, дефиците, очередях и т.п.

Так, он мог отметить, что “поганый Хрущев [Козаков неоднократно одобрительно писал о Сталине. — Я.Г.] довел Россию до полного “изобилия” — нет ни масла, ни маргарина, ни мяса, ни колбасы. ...

Нет авторучек, носков, порой даже ниток и хлеба. 9 января” (Козаков 2016: 15). Но потом увлекается, забывает обо всем и ворошит свои книжные запасы:

Книги все занес в свой библиотечный каталог, в котором записаны все книги, имеющиеся у меня, — 267 штук (Козаков 2016: 16).

При всем при этом Козаков оставался, судя по всему, очень открытым человеком. Он настолько был откровенен со знакомыми и даже малознакомыми людьми, что мог позволить себе явно опасные высказывания (“...помечтали, когда сдохнет Хрущев. 13 января” [Козаков 2016: 21]), но из всех органов правопорядка и госбезопасности больше всего опасался только ГАИ, инспектора которой могли здорово попортить ему жизнь, лишив водительских прав.

Неприятие советской системы у Козакова, действительно, не выходило за рамки разговоров, в которых Хрущев и другие критиковались в первую очередь за развал системы снабжения и дефицит продуктов. Он слушал у себя дома зарубежное радио, но его больше интересовали успехи астронавтов (равно как и космонавтов), нежели какая-то критика советского строя вообще или, допустим, разговоры о репрессиях.

Дневник. 1962 Николая Козакова выглядит, пожалуй, как яркая и временами очень живописная иллюстрация к тезисам Алексея Юрчака (Юрчак 2014) о появлении нового типа советского человека, который, в отличие от деятелей сталинской эпохи с их постоянными поисками и работой по переделыванию себя по лекалам партийной идеологии (Хелльбек 2017), превратился в обыкновенного гражданина, неуверенно ищущего счастья (Хупер 2018).

Библиография

Гуськов 2016: С. Гуськов, Кирилл Глущенко: “Как будто я в командировке”. Интервью о виртуальном издательстве и дневнике Николая Козакова, «Colta», 27.06.2016, <https://www.colta.ru/articles/art/11563>, 6 октября 2018.

Козаков 2016: Н.Н. Козаков, *Дневник. 1962*, Глущенкоиздат, Москва, 2016.

Суржикова 2014: Н. В. Суржикова (ред.), *История в эго-документах: Исследования и источники*, АСПУр, Екатеринбург, 2014.

Хелльбек 2017: Й. Хелльбек, *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*, Новое литературное обозрение, Москва, 2017.

Хупер 2018: С. Хупер, “Новому советскому человеку” случается ошибаться: вместо героических фигур — обыкновенные граждане, неуверенно ищущие счастье // А. Пинский (ред.), *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953 — 1985): сборник статей*, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 2018, с. 39–74.

Юрчак 2014: А. Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*, Новое литературное обозрение, Москва, 2014.

Aliaksandr Raspaŭ

**Андрусь Горват, Радзіва “Прудок”: дзеннік,
выд. Медысонт, Мінск, 2018.**

Książka *Радзіва “Прудок”. Дзённік* (pol. *Radio “Prudok”. Dziennik*) autorstwa Andrusia Horwata (1983) to zjawisko wyjątkowe na literackiej mapie współczesnej Białorusi. Nagrodzona premią “Debiut” im. Maksima Bahdanowicza (2017), “Złotą literą” (2016) przyznawaną przez Adama Globusa, a także wejściem na short-listę nagrody im. Jerzego Giedroycia. Książka ukazała się w wydawnictwie Medysont w Mińsku w 2016 roku, tylko i wyłącznie dzięki środkom zebranych przez Internet na platformie crowdfundingowej i od razu stała się bestsellerem. Pierwszy nakład został wykupiony w ciągu kilku godzin, a następne lata przyniosły wznowienia, co w realiach białoruskich jest zjawiskiem niespotykanym. 2018 rok to kolejna edycja i kolejny tysiąc egzemplarzy. Konceptualny rysunek na okładce przedstawiający ścisły związek pomiędzy mikro- i makrokosmosem autorstwa Niki Sandras w bezpośredni sposób nawiązuje do zawartości dziennika. Integralną częścią utworu są liczne fotografie z archiwum autora, które pełnią funkcję ilustrowanego komentarza.

“Jestem miniaturą narodu białoruskiego i w żaden sposób nie mogę się ukształtować” (114) – mówi o sobie Andrus Horwat, autor recenzowanej książki. Jest on jednym z najciekawszych zjawisk ostatniej dekady w literaturze białoruskiej.

Tytuł książki *Radio “Prudok”. Dziennik* sugeruje klasyczną formę literacką, jaką są dzienniki. Utwór ten istotnie posiada chronologię, która się zamyka w latach od 2013 do 2016 i jest zapisem wydarzeń oraz przemyśleń z codziennego życia głównego bohatera. Opowieść biograficzna, którą snuje narrator jest zbieżna z doświadczeniami twórcy. Obaj podążali tą samą drogą: między innymi od dziennikarza modnego mińskiego czasopisma do komiwojażera w odległej Samarze, od reżysera krótkiej formy do woźnego w najznakomitszym białoruskim teatrze imienia Janki Kupały czy stróża w żeńskim klasztorze. Jednakże jeszcze co innego stanowi o wartości literackiej tej niezwyklej książki. Oprócz czasu linearnego charakterystycznego dla konwencjonalnego dziennika autor wprowadza podział na dwanaście opatrzonych tytułami rozdziałów, co jest zabiegiem stricte literackim. Horwata nie ograniczają wymogi gatunków autobiograficznych, on z łatwością przekracza granice

idąc dalej w poszukiwaniach nowej formy, która najpełniej odzwierciedlałaby dążenia i wyrażałaby dylematy młodego pokolenia Białorusinów.

Andrusz Horwat zastosował w swojej książce formę, która łatwo trafia do szerokiego kręgu odbiorców. Autor dziennika *Radio "Prudok"* zaczynał od krótkich dowcipnych postów na Facebook'u stopniowo przechodził do form bardziej skomplikowanych, interaktywnych, w których współtwórcą staje się odbiorca. Tekst przechodzi różne metamorfozy, aby dojść do cyklu audycji radiowych i w ostateczności złożyć się na omawianą książkę.

Wśród pierwszych krytyków recenzowanej książki wyraźnie widoczna jest pokusa postrzegania autora jako przedstawiciela coraz bardziej popularnego nurtu w kulturze, jakim jest downshifting – czyli świadoma ucieczka od cywilizacji ku prostemu życiu, które daje więcej wolnego czasu i zadowolenia. Naszym zdaniem jest to daleko idące uproszczenie. Bohater rzeczywiście porzuca stolicę i udaje się na poleską wieś. Jednakże jego podróż, w odróżnieniu od ucieczki downshifterów, prowadzi do zrujnowanego domu dziadka i ma głębszy sens – odnalezienie siebie, własnej tożsamości.

Mozolnie przystosowując się do wiejskiego życia on, inteligent z wielkiego miasta, obcy usiłuje wniknąć w zamkniętą społeczność zapadłej wsi na skraju poleskich bagien. Okazuje się, że jest to zadanie niezwykle trudne. Bohater przekonuje się wkrótce, że znajomość swoich przodków, zgłębianie obyczajów i tajemnic życia codziennego, docieranie do ukrytych znaczeń miejscowego języka nie wystarczy, aby dotrzeć do głębi białoruskiej duszy. Nie doprowadzą do niej ani samodzielnie posadzone ziemniaki, ani zakup koguta z kurami, ani posiadanie kozy i przejście szkolenia z jej dojenia na Youtubie tylko pokora i dystans do siebie.

Ta książka oprócz walorów literackich posiada ogromny potencjał intermedialny. O czym świadczyć mogą istniejące już realizacje – teatralna i filmowa.

Jedynie czego można tej książce życzyć, to tłumaczy o sprawnym warsztacie translatorskim i dobrej znajomości osobliwości języka i kultury białoruskiej, aby oddać jej najgłębsze przesłanie oraz całe bogactwo środków artystycznych.

Бартош Осевич

Л. Фризмман, В кругах литературоведов: Мемуарные очерки. – 2-е изд., испр. и доп., Нестор-История, Москва; Санкт-Петербург, 2017

Весной 2018 года я неожиданно получил бандероль из России. Это было второе издание книги Леонида Фризммана *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки*. Я сразу поблагодарил их автора за то, что он попросил издательство Нестор-История отправить мне экземпляр нового исправленного и дополненного выпуска своей работы, вышедшей в свет годом раньше. Леонид Генрихович в электронном письме от 24 мая 2018 года обрадовался, что книга дошла до меня благополучно. Он хотел узнать мое мнение о ней. В случае, если она мне понравится, он попросил меня написать на нее рецензию. Я сразу согласился, однако не подозревал тогда, что моя рецензия получит мемориальный оттенок. Летом, работая над текстом рецензии для новейшего номера журнала «*AutobiografiЯ*», я узнал об уходе из жизни Леонида Фризммана. Харьковского литературоведа не стало 27 июня 2018 года. Несмотря на 'смертный возраст', до последних дней он активно занимался научной творческой деятельностью. Рецензируемая автобиографическая книга не была его последней работой. Кроме ее, Фризмман успел опубликовать еще исследование об Иване Франко (Фризмман 2017б). Неосуществленным остался его последний научный замысел – книга о Науме Коржавине.

Научные труды Фризммана довольно хорошо известны не только узкому кругу маститых филологов. Многие среди написанного им стало классикой и впечатляет новые поколения молодых ученых. Героями его научных изысканий были Константин Рылеев, Евгений Баратынский, Александр Пушкин, Александр Блок, Александр Галич, Юлий Ким, Борис Чичибабин и многие, многие другие. Наконец исследователь задумал воспользоваться возможностями одного из автобиографических жанров, одновременно оставаясь в литературоведческом пространстве. Так возникла книга его мемуаров. В части *От автора* Фризмман признался, что импульсом к созданию воспоминаний не было тщеславие и эгоистическое желание написать исключительно о себе, а стремление увековечить

своих современников, которые были его учителями, наставниками, коллегами по литературоведческой мастерской: “Я никогда не помышлял писать мемуары. Но в последние годы меня не раз приглашали участвовать в сборниках, которые выпускались в честь или в память видных литературоведов, и просили поделиться воспоминаниями о них и моих отношениях с ними. Я считал своим долгом откликнуться на такие предложения, [...] В моем представлении эта книга не обо мне, а о них” (Фризман 2017а: 5). Однако, на самом деле, в его мемуарных очерках два главных персонажа – сам автор (его яркая и исключительная личность отражается в авторском почерке) и собирательный герой (им являются крупнейшие российские литературоведы, с которыми на научной почве свела Фризмана судьба). В длинный список ученых, появляющихся на страницах его работы, вошли, между прочим, имена Дмитрия Лихачева, Михаила Гаспарова, Дмитрия Благого, Андрея Гришунина, Ефима Эткинда, Бориса Егорова, Николая Скатова. Многие среди них были его близкими друзьями. Фризман вспоминает их как людей наделенных исключительными качествами. Несмотря на огромные знания, они оставались скромными и доброжелательными, всегда готовыми помочь младшему коллеге. Они не только давали советы, но и неоднократно вступались за него. Среди них числились и покровители будущих учеников Фризмана, поскольку автор воспоминаний на страницах своей книги подробно освятил свой свыше пятидесятилетний научный путь, во время которого он продвигался по служебной лестнице, начиная с поста рядового учителя, заканчивая профессорским званием и ответственной должностью воспитателя молодых научных кадров. Фризмановское повествование о себе, а также о фактах и людях, с которыми он общался пронизано немалым количеством писем, которые приводит в тексте своей автобиографической книги. Ее украшают фотографии ученых, которым автор уделил внимание в 35 мемуарных очерках.

В исследованиях Фризмана “красной нитью” – пользуясь одним из любимых изречений ученого – проходила еврейская тема (достаточно вспомнить изданный в 2015 году его обстоятельный труд, получивший заглавие *Такая судьба: Еврейская тема в русской литературе*). Не иначе дело обстоит с его мемуарными очерками. Особый интерес харьковского литературоведа к этой проблематике в большой степени был вызван автобиографическим фактором. Фризман родился в еврейской интеллигентской семье. Его родите-

ли – Дора Абрамовна Гершман – музыкант, пианистка, дирижер-хормейстер и отец – Генрих Венецианович – историк-медиевист привили сыну любовь к литературе, а среди их знакомых, навещающих дом Фризманов с довоенного периода, были такие специалисты по литературоведческому цеху, как – Маргарита Габель и Марк Черняков (Фризман 2017а: 6).

Еврейские корни, которыми гордился Фризман, неоднократно препятствовали ученому в его научной деятельности и академической карьере. Клеймо ‘графы пятой’ особо заметно в повествовательной структуре книги Фризмана. Следует однако подчеркнуть, что антисемитизм, не исчезнувший с концом сталинской эпохи, а усилившийся в период тщательно дозированной свободы хрущевского периода и несвободного неосталинского брежневского времени, не только не затравил Фризмана (об этом свидетельствует, хотя бы, успешная защита его докторской диссертации в юном как для ученого возрасте 40 лет; защита, после которой “остались позади приниженное положение «лица еврейской национальности», которое не берут на работу, ущемляют, не дают развернуть свои возможности” [Фризман 2017а: 365]), но и, как ни странно, связался и с положительными моментами его жизни. Итак, дискриминацию, которой подвергался автор очерков и стремление преодолеть ее, сопровождали знакомства с благородными и открытыми людьми. Одним из них был Дмитрий Лихачев, поддержавший Фризмана на раннем этапе его научной деятельности, когда тот “был учителем вечерней школы и писал, как умел, диссертацию о поэзии Баратынского” (Фризман 2017а: 61) и задумал организовать конференцию, приуроченную к 120-летней годовщине смерти русского поэта-романтика. Леонид Генрихович в очерке *Память о Лихачеве* бытовому антисемитизму (“Родная советская власть по причине моей нежелательной национальности заботливо уберегла меня от возможности поступить в аспирантуру, научного руководителя у меня не было, и я обращался за помощью, к кому мог” [Фризман 2017а: 61]) противопоставляет дружеское и заботливое отношение к себе академика Лихачева. Именно он поддержал идею Фризмана о конференции и согласился стать ответственным редактором его книги о Баратынском в “Научно-популярной серии”, членом редколлегии которой был сам ученый – крупный специалист по древнерусской литературе.

Придуманная молодым Фризманом идея провести конференцию по Баратынскому не осуществилась, однако она дала начало почти

двадцатилетней дружбе Леонида Генриховича с Дмитрием Благим, который тоже получил приглашение на несостоявшееся научное мероприятие. Фризман в своих воспоминаниях так пишет о нем: “Благой постоянно предлагал мне свою помощь, очень жалел, что я живу не в Москве и не собираюсь в нее переезжать, говорил, что наиболее подходящим для моих данных местом работы был бы Институт мировой литературы” (Фризман 2017а: 109–110); “Самой большой услугой, которую он [Благой – Б.О.] мне оказал, считаю его согласие стать ответственным редактором моей книги *Жизнь лирического жанра*. [...] С Дмитрием Дмитриевичем у нас было полное взаимопонимание, и мне – как автору с редактором – работать с ним было одно удовольствие” (Фризман 2017а: 110).

Одной из отличительных черт Фризмана-исследователя было неудержимое стремление идти против течения, желание в советский период не вписываться в рамки ‘идеологического литературоведения’. Это проявлялось в поднимании им запрещенных тем и освещении в новом ракурсе, казалось бы, довольно хорошо исследованных проблемных вопросов. В этом отношении интересен очерк *Твардовский, Буртин и другие*, в котором Фризман рассказывает о попытке опубликовать в начале 60-х свою статью с новым толкованием антипольских стихотворений Александра Пушкина *Клеветникам России* и *Бородинская годовщина* (вдохновением послужило для него выступление Твардовского со *Словом о Пушкине* в феврале 1962 года), а также о задержании цензурой в 1968 году его ‘крамольной’ статьи *Ирония истории*, написанной для возглавляемого Твардовским «Нового мира» (идею “написать что-нибудь на собственно современную тему” [Фризман 2017а: 12] предложил Фризмону именно главный редактор этого журнала).

В указанном очерке сильно прозвучало ‘золотое слово’ Юрия Буртина, ставшее для Фризмана своеобразным научным кредо. В письме Фризмону от 16 июня 1978 года; письме, которое сам Леонид Генрихович назвал одним из “самых главных, самых мудрых писем, какие ему довелось получить” (Фризман 2017а: 40), Буртин запечатлел следующие вдохновительные строки: “Теперь, когда Вы еще молоды и обладаете всеми необходимыми предпосылками, надо вступать в новую и главную полосу жизни, то есть работы, ибо для мужчины эти вещи в общем совпадают. И тут главное – храбрость. Не остаться в плену у старого, сделанного, не побояться открыть чистую страницу, замахнуться на что-то очень большое, даже непосильное. Понимаю всю провокационность этого совета,

но слишком много видишь вокруг себя людей, способных, даже очень, но живущих вяло, в четверть силы, утопающих в суете, в мелочах. Подавляющее большинство” (Фризман 2017а: 40). Харьковский ученый воспользовался этим советом, поскольку в своих работах он осваивал и совершенно неисследованные литературные пространства. Своеобразной *terra incognita* долгое время оставалась песенная поэзия Александра Галича, в изучении которой существенное место занимают научные труды Фризмана. Среди них следует упомянуть вышедшую в 1992 году монографию “С чем рифмуется слово истина...”. О поэзии А. Галича; монографию, которая, став основополагающей для галичеведения, дала начало новым дружеским отношениям ученого с крупными специалистами по авторской песне – Сергеем Кормиловым, Андреем Крыловым, Анатолием Кулагиным. Все они стали героями очерка, озаглавленного *В мире бардов* (Фризман 2017а: 248–258).

В книге мемуарных очерков Фризмана прекрасно ощущается и остроумное чувство юмора ее автора (его могут подтвердить все, кому посчастливилось общаться с харьковским литературоведом) и его искренность. Этим, в свою очередь, подтверждается несвойственный науке субъективизм автобиографического нарратива, который использовал ученый. В качестве примера можно привести, переполненный исповедальной интонацией, отрывок последнего 35 очерка, получившего заглавие *Наука и нравы*. Фризман так написал в нем о себе: “Автор этих строк ни разу в жизни не дал и не получил взятку, да и возможностей таких не имел. Заведующий кафедрой – тоже мне должностное лицо! К нему и просьб таких не поступает, чтобы потребовать на лапу за их исполнение. О том, чтобы я посягнул на чужое, и говорить нечего: своего хватает, и делился им всю жизнь. Фиктивных соавторов к своим статьям приписывал – грешен. Не о себе заботясь, а о соавторах, нуждавшихся в публикациях. Соавторство книг всегда было действительным: без сотрудничества, без выполнения согласованного распределения обязанностей ни одна из них не вышла бы в свет. Множество раз убеждался, что соавторство – это школа. Набравшись опыта в процессе совместной работы, мои соавторы в дальнейшем справлялись и без меня” (Фризман 2017а: 373–374).

Итак, мемуары обычно пишутся людьми зрелыми, желающими поделиться своим многолетним жизненным опытом и богатыми впечатлениями о времени и людях, встреченных ими на своем пути. А этих, как показывает чтение мемуарных очерков, было у покойно-

го Леонида Генриховича довольно много. Он сам прожил длинную и интересную жизнь, которая была захватывающим путешествием через литературу в сопровождении исключительных спутников – классиков восточнославянского литературоведения. Его воспоминания, переполненные фактографичностью и субъективностью авторских оценок, бесспорно сохраняют память о прошлом, но, прежде всего, запечатлевают яркий портрет автора мемуаров. Просьбу Леонида Генриховича Фризмана о рецензии на второе издание его книги я выполнил. Только жаль, что он уже не сможет прочитать мой текст.

Библиография

Фризман 2017а: Л. Фризман, *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки*. – 2-е изд., испр. и доп., Нестор-История, Москва; Санкт-Петербург, 2017.

Фризман 2017б: Л. Фризман, *Иван Франко: взгляд на литературу*, Издательский дом Дмитрия Бураго, Киев, 2017.

Margarita Vaysman

K. Hignett, M. Ilic, D. Leinarte and C. Snitar, *Women's Experiences of Repression in The Soviet Union and Eastern Europe*, Routledge, London, 2018

"I am still afraid that someone will come to my house to take me away", says Elisabeta Rizea, a political activist and a symbol of Romanian anti-communist resistance. Czech prisoner Lola Skodova's statement echoes Rizea's: "Several times a year, I dream of being imprisoned again... I wake up terrified". *Women's Experiences of Repression in The Soviet Union and Eastern Europe*, a timely study of how state-organised terror influenced women's lives, gives voice to numerous such testimonials, organised in four chapters that focus on different regions. Direct quotations from interviews and memoirs of female survivors feature in all four of the book's chapters and make for, at times, truly harrowing reading. As this book attests, even when placed in different locations – the Soviet Union, Lithuania, Poland, Czechoslovakia and Romania – the female experience of repression is invariably that of physical and mental suffering, humiliation and indelible trauma.

This comprehensive study, put together by historians of Russia and Eastern Europe based in the UK and in the region itself, examines an impressive amount of both generally available and archival material. Aiming to analyse the articulated female experience of suffering and repression, it is published by Routledge in its History of Russia and Eastern Europe Series but engages with issues that are not contained by the disciplinary boundaries of historical research. It concentrates almost exclusively on women's experiences and thus addresses an observed imbalance in a number of fields such as history, and studies of repression, that for years had focused on more widely accessible accounts of male suffering from state-sponsored terror.

The conceptual scope of the study is intentionally wide: as the authors note, their book adopts a wide definition of repression that allows them to include accounts of both direct and collateral victims. As a consequence of this approach, the book features a chorus of distinct – sometimes dissonant – female voices, belonging not just to female political activists and dissidents, but also to wives, mothers and daughters of those who have been arrested or subjected to state repression. A wide

geographic scope allows the authors to present each case study in a comparative context and this juxtaposition is one of the book's strongest points. When viewed together, the women's accounts of their experiences showcase both the commonalities of the gendered experience of terror and the differences in how it is processed in the cultural memory of these – alarmingly recent – events. The immediate, everyday experience of terror is analysed in this study alongside later, perhaps historically even more complex processes of reintegration into society, dealing with trauma and overcoming consequent structural inequality.

In the first case study, an account of women's lives in the Soviet Union of the 1930s, Melanie Ilic focuses mostly on female relatives left behind by those who were arrested and executed during the Soviet purges and the Great Terror. Burdened with a 'tainted biography' from the moment of their loved ones' arrest, millions of women had to adapt to the new, harsh life as sole bread-winners for their families. They also found themselves in a new world order in which they were banned from certain professions and often exiled from their home towns. Ilic offers a thorough examination of various aspects of women's experiences in the immediate aftermath of the arrests, from their struggles to gain access to their own apartments, sealed off the by the police officers, to later attempts to locate children left in the care of relatives and friends. Ilic's sources include memoirs, such as Ludmila Petrushevskaja's famous *The Girl from the Metropol Hotel: Growing Up in Communist Russia* (2006) and Maiia Plisetskaia's *I, Maiia Plisetskaia* (1994), biographies and autobiographies, fictionalised narratives, collected and published interviews, and data from the *Leningradskii martirolog*. Presented alongside each other, these accounts, sharply contrasting in tone and style, offer a glimpse into the everyday life and experiences of terror in different strata of Soviet society in 1937 across the usual divides of class and education.

In the second chapter, Dalia Leinarte examines the survival tactics of Polish and Lithuanian women in exile and in labour camps during the period of mass Soviet terror in the region in the 1940s. Most interestingly, in this chapter Leinarte presents her observations on the changing nature of social and sexual mores in regards to gender identity and suggests that there were concrete historical reasons behind these important cultural shifts. In some cases, it was precisely the women's experiences of hard labour and incarceration that made them reassess the validity of traditional distinctions between 'men's' and 'women's' jobs and the acceptability of 'male' behaviour such as smoking. This chapter

does not only analyse the testimonials of female deportees, but also showcases the women's own reflections on how their traumatic experiences changed their ideas on gender roles, contrasting the Polish and the Lithuanian women's attitudes to their ordeal.

Kelly Hignett's contribution to this volume uses published memoirs and private testimonies to re-create a full picture of women's experience of repression in Czechoslovakia in the twenty years between 1948 and 1968. Thanks to the book's focus on both direct and collateral victims, this chapter succeeds in offering a panoramic view of the impact of political terror in the region. Hignett pays equal attention to the women's accounts of physical suffering, with illuminating descriptions of the sanitation and medical arrangements in the camps, and to the mental pressure the prison system exerted on its inmates. This chapter presents an analysis of the varied ways in which power was used in the camps by the direct agents like guards, interrogators and medical personnel. Based on a comparative reading of numerous testimonies, it examines not just accounts of physical harm, but also of the mental trauma of sexual humiliation of female prisoners, their forced isolation and the resulting erosion of kinship and family ties. Almost as a counterpart to this bleak narrative, the author then moves on to describe the prisoners' strategies of resistance and coping. With its final account on the consequences of terror for the lives of both direct and collateral victims, this chapter succeeds in emphasising the state's concerted and unrelenting efforts of thoroughly destroying the 'undesirable' people's lives.

The final chapter of the volume, Corina Snitar's study of student protesters and partisans in Romania, focuses on the female participants in these events who were arrested, detained and interrogated, and then later subjected to professional and social exclusion. Archival material from the Romanian National Archive and the records of the Romanian Secret Police investigations allow Snitar to reconstruct the victims' experiences using the information provided from both sides of the interrogator's table. Importantly, this chapter challenges the preconception that women suffered less than men during these events and offers a comprehensive account of the Romanian student resistance movement that finally includes and acknowledges the voices of its female members.

Engaging with historical, literary, and archival sources, this book is of interest to any member of the scholarly community concerned with

how gender studies is reshaping our understanding of the Terror and could prove to be an invaluable aid in teaching those subjects.

Authors

Ol'ga Bogdanova is Senior Researcher at the Gor'kii Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. She is the author of more than 150 works about Russian literature of the XIX-XXI centuries. Her research interests span from fiction at the turn of the XIX-XX centuries, to the oeuvre and biography of Fedor Dostoevskii and to the reception of Dostoevskii in the late XIX-early XX centuries. She works also on contemporary Russian prose at the turn of the XX-XXI centuries.

Claudia Criveller is Associate Professor in Russian Literature and Language at the University of Padua. Her main research areas are Russian Modernism and early XX century Russian literature, with a particular focus on Andrei Bely's works. She has also worked on intersemiotic translation, working on Dostoevsky's as well as Bely's works. She has authored theoretical works on Russian autobiographical fiction with a focus on Nabokov, Venedikt Erofeev, Siniavskii and Kharitonov.

Giulia De Florio obtained her PhD at the Sapienza University of Rome. She teaches Russian language and Russian literature at the University of Parma and Milan. She is a translator and a consultant of Russian literature for some of the main Italian publishing houses. Her main research fields are children literature of the XX century, translation studies and on Russian bards. She is the author of *Bulat Okudzhava. Life and Destiny of a Poet with the Guitar* (Squilibri 2018).

Donatella Di Leo is fixed-term Research Assistant of Russian Language and Literature at the Department of Literary, Linguistics and Comparative Studies at the University of Naples - L'Orientale. She is a member of the Italian Association of Slavists and of the Italian Association of Russianists. Her main research fields are Russian literature of the first half of the XX century and early XIX century Russian comedy. She is the author of two monographs, *Happy Souls and Heavenly Earth. The Russian Image of Naples* (2017) and *Disguises of Desire: Faustian Motifs in Russian XX century Literature* (2015). She has also authored articles about Bulgakov, Tsvetaeva, Bely, Radishchev, Kühn and Bashkirtseva.

Irina Erman is Assistant Professor and Director of the Russian Studies Program at the College of Charleston in South Carolina. She received her PhD from Stanford University. Her dissertation examined Vasilii

Rozanov's engagement with alterity in his experimental autobiographical texts. Her research interests include literary theory and narrative performance with a particular focus on Fedor Dostoevsky. She is currently working on a book project, an analysis of the theatrical motifs and performative poetics in Dostoevsky's works.

Svetlana Fedotova is Senior Researcher at the Gor'kii Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Her research interests are wide, from Philosophy of Language to Russian Modernism, Symbolism, Post-Symbolism, literary criticism and textology.

Anastasia Gacheva is Senior Researcher at the Gor'kii Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Her main research interests are Russian philosophy and XIX and XX century Russian literature.

Elena Glukhova is Senior Research Fellow at the Gor'kii Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Her research areas are XIX and XX century Russian literature and culture, Russian Symbolism, ego-documents, prosody and poetics.

Iaroslav Golubinov is Associate Professor at the Department of General History, International Relations and Documentation Science of the University of Samara. His main field of research is the study of social and cultural aspects related to the First World War in different European countries (especially in Russia and the UK). He is the author of several articles in journals and collected volumes. His most important articles are devoted to food supply and nutrition during wartime, the rumours and gossips of the war, Russian volunteers and European cultural memory of the Great War.

Andrea Gullotta is Lecturer in Russian at the University of Glasgow. He has also worked for the University of Palermo, the Ca' Foscari University of Venice and the University of Padua, where he obtained his Ph.D. His main field of research is the literature of the Gulag. He is the author of several articles and of the monograph *Intellectual Life and Literature at Solovki 1923-1930. The Paris of the Northern Concentration Camps* (Legenda, Cambridge, 2018).

Aleksandr Ivinskii is Researcher at the Faculty of Philology of the Moscow State University. He works mainly on XVIII century Russian literature. He has authored a monograph on Catherine II's Literary Policies and many articles and book chapters on Mikhail Murav'ev, Catherine the Great, Sumarokov and other authors of XVIII century Russian literature.

Anna Sergeeva-Kliatis is Professor of Russian literature at the Faculty of Journalism of the Lomonosov Moscow State University. She is a member of the Osip Mandel'shtam society and a member of the Boris Pasternak Commission at the Russian Academy of Science. Her main research interest is Boris Pasternak's poetry. She has authored more than 100 scientific articles on different subjects and 6 books about Boris Pasternak.

Tatiana Kuzovkina is Senior Researcher at the Estonian Institute of Humanities of the University of Tallinn. Her main research areas are the heritage of Yuri Lotman, archive studies, studies in bibliography, Russian literature, poetics, Russian history, cultural semiotics, cultural studies, cinema semiotics, intersemiotics. She is a member of the advisory board of the "Bibliotheca Lotmaniana", a member of the Committee of the Yuri Lotman Fellowship and the main organizer of the Annual International Yuri Lotman Conference at the University of Tallinn.

Bartosz Osiewicz is Assistant professor at the Department of Russian Literature of the Institute of Russian and Ukrainian Philology at the Adam Mickiewicz University in Poznań. He teaches history of Russian literature (especially XIX and XX centuries). His main research fields are Russian author's song and modern Russian poetry. He is the author of the monographs *Intertextuality in Vladimir Vysotskii's Poetry* (Poznań, 2007) and *Forms and Sources of Alexander Galich's Poetry* (Poznań 2016). His articles were published in Poland, Russia, Ukraine, Georgia, Spain and South Korea. He is a member of the Poznań Branch of the Slavic Commission of the Polish Academy of Sciences.

Fedor Poliakov is Professor of Russian and East Slavic literature at the Slavic Department of the University of Vienna. He is also the Editor-in-Chief of the «Wiener Slavistisches Jahrbuch» («Vienna Slavic Yearbook») (Harrassowitz Verlag Wiesbaden) and of the series Russian Cul-

ture in Europe (Peter Lang Verlag Berlin). His main interests include Russian symbolism, the cultural activities of the Russian diaspora in Europe in the XX century, and the history of Russian studies.

Aliaksandr Raspapou is Assistant Professor at the Department of Russian Literature of the Institute of Russian and Ukrainian Studies of the Adam Mickiewicz University in Poznań. His main research areas are XX and XXI century Russian literature and Russian contemporary cinema.

Dmitrii Torshilov is Lecturer at the Department of Classical Philology of the Russian State University for the Humanities, Moscow, and at the Higher School of Economics, Moscow. His main research interests are classical philology and Russian symbolism.

Margarita Vaysman is Lecturer in Russian at the University of St Andrews. Her research focuses on nineteenth-century Russian literature, intellectual history, narratology and gender studies. Over the years, she has written on a variety of topics, from *sots-art* and Russian Gothic to digital humanities and fictionalised biographies. Currently, she is working on a monograph entitled *Nineteenth-Century Russian Metafiction*.